

КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. С. БАРАБАШ, Л. М. ВОЛОДИНА

**ПРЕКРАЩЕНИЕ
УГОЛОВНЫХ ДЕЛ
ПО НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИМ
ОСНОВАНИЯМ В СТАДИИ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
РАССЛЕДОВАНИЯ
(СТ. СТ. 6² — 9 УПК РСФСР)**

Под редакцией канд. юрид. наук И. Е. Карасева



ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск—1986

Барабаш А.С., Володина Л.М. Прекращение уголовных дел по реабилитирующим основаниям в стадии предварительного расследования (ст. ст. 6² - 9 УПК РСФСР). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986. — 154 с. — 1 р. 30 к. 500 экз. 1203100000.

В работе освещаются материально-правовые и процессуальные аспекты освобождения от уголовной ответственности в связи с применением мер административного а общественного воздействия, дается понятие института прекращения уголовных дел.

На основе анализа действующего законодательства и следственной практики рассматриваются некоторые вопросы эффективности применения института прекращения уголовных дел по реабилитирующим основаниям.

Для аспирантов, студентов; преподавателей юридических вузов, практических работников прокуратуры и МВД.

Рецензент — д-р юрид. наук. В. З. Лукашевич

1203100000

Б 177(012) - 86³²⁻⁸⁷

© Издательство Томского университета, 1986.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из программных задач Коммунистической партии является дальнейшее укрепление социалистического правопорядка, строгое соблюдение социалистической законности, искоренение всяких нарушений в советском обществе¹. Решение поставленной задачи в немалой степени зависит от того, насколько умело и последовательно сочетаются в борьбе с антиобщественными проявлениями методы государственно-властного и общественного характера. Результатом развития общественного начала в сфере борьбы с преступностью и демократизации и гуманизации советского уголовного судопроизводства явилось установление в уголовно-процессуальном законодательстве норм, регламентирующих основания, условия и порядок прекращения уголовных дел вследствие применения мер общественного воздействия.

Годы, прошедшие после принятия института прекращения уголовных дел в связи с применением мер общественного воздействия, показали полную состоятельность выбранного законодателем пути. В настоящее время теория и практика борьбы с преступностью накопили достаточно большой арсенал средств, направленных на достижение исправления и перевоспитания лиц, совершивших преступления, без реализации уголовной ответственности с помощью мер общественного воздействия.

Практика исправления и перевоспитания правонарушителей без реализации уголовной ответственности обусловила необходимость поиска дополнительных средств

¹ См.: Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 186..

воздействия, на этих лиц с учетом их индивидуальных качеств. В феврале 1977 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР введен новый вид прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям — прекращение в связи с применением мер административного взыскания²

При введении нового института законодателем учитывался опыт, накопленный с момента вступления в действие институтов прекращения уголовных дел в связи с применением мер общественного воздействия, в основе которых также была заложена идея возможности достижения исправления и перевоспитания лица, совершившего преступление, без реализации уголовной ответственности.

Вопросы прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям была предметом обсуждения во многих монографических исследованиях и отдельных статьях, но до настоящего времени не было комплексного исследования, освещавшего прекращение в связи с применением мер административного взыскания и в связи с применением мер общественного воздействия. Отсутствие единства мнения среди ученых по многим проблемам прекращения по нереабилитирующим основаниям и как следствие этого разный подход к решению этих проблем на практике побудили нас предпринять данное исследование.

Исследование осуществлялось в целях разработки теоретических вопросов, общих для этих видов прекращения, выявления специфики, присущей каждому из видов, выработки практических рекомендаций по применению норм, регламентирующих прекращение уголовных дел в связи с применением мер административного или общественного воздействия. Постановка этих целей обусловила возможность выявления отдельных пробелов в законодательной регламентации прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям и в следственной практике и наметить пути их преодоления.

Авторы не претендуют на бесспорность всех выдвинутых положений, но надеются на то, что многие предложения, выдвигаемые в работе, при их реализации по-

² См.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1977, № 7, ст. 120.

служат делу улучшения практики прекращения уголовных дел в связи с применением мер административного или общественного воздействия.

Основу научных выводов и предложений по совершенствованию законодательства и его применения, кроме обобщения теоретических положений, составляют результаты исследованной авторами практики прекращения уголовных дел в связи с применением мер административного или общественного воздействия, а также данные, полученные в результате анкетирования следователей по вопросам применения данных видов прекращения.

Глава I

МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИМ ОСНОВАНИЯМ (ст. ст. 6²—9 УПК РСФСР)

§ 1. Материально-правовые предпосылки прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям

В Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик закреплена норма (ст. 43), выражающая подлинный гуманизм советского законодательства. В ней сформулирован институт освобождения от уголовной ответственности, четко определен перечень оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания.

После принятия Основ понятия уголовной ответственности и наказания не разграничивались. Так, И. С. Самощенко писал, что «юридическая ответственность... есть прежде всего возложение на соответствующее лицо предусмотренных нормами права неблагоприятных последствий», что «...юридическая ответственность представляет собой реализацию правовых санкций»¹.

Распространена подобная точка зрения и в настоящее время². Известной ее разновидностью являются определения, делающие упор на неблагоприятные последствия, которым обязан подчиниться правонарушитель. Это. или «возложение на него дополнительных обязанностей»³ или «определенная мера должного поведения

¹ Самощенко И. С. К вопросу о причинности в области юридической ответственности. — В кн.: Вопросы общей теории советского права. М., 1960, с. 340—341; см. также: Лейст О. Э. Санкции в советском праве. М., 1962, с. 85 и др.

² См. Астемиров З. А. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних: Учеб. пособие. М., 1970, с. 10; Явич Л. С. Право развитого социалистического общества: Сущность и принципы. М., 1978, с. 185; Стручков Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1978, с. 32 и др.

³ Чечина Н. А., Элькинд П. С. Об уголовно-процессуальной и гражданско-процессуальной ответственности. — Сов. государство и право, 1973, № 9, с. 34.

лица за противоправное деяние», т.е. по существу не что иное, как реализация санкций за совершенное правонарушение. Об этом прямо пишет Л. Б. Алексеева: «ретроспективная ответственность — есть такой способ воздействия на нарушителей закона, который состоит в возложении новой юридической обязанности — претерпеть меры штрафного, карательного характера»⁵.

Вместе с тем такой подход ценен тем, что здесь ответственность связывается прежде всего с содержанием правоотношения, возникшего в результате совершения правонарушения. В итоге обязанность лица, совершившего преступление, отвечать за содеянное, подвергнуться мерам государственного принуждения и право государства применить в отношении данного лица принуждение оправданно предстает в качестве составной части правоотношения⁶. Однако и в указанной конструкции есть пробел. Например, неясно, каким образом проявляется такая обязанность. Если рассматривать последнюю как обязанность лица, совершившего преступление, отвечать за содеянное, то неизбежен вывод, что, существуя объективно и отражаясь в сознании субъекта, она не проявляет себя вовне, не объективируется до тех пор, пока данное лицо не будет установлено.

Вероятно, учитывая известную непоследовательность своей позиции, авторы подчеркивают, что ответственность проявляется с момента привлечения лица в качестве обвиняемого, так как именно с этого момента становится возможным применять к нему меры процессуального принуждения, через которые, как они полагают, и реализуется уголовная ответственность⁷.

При такой трактовке сфера действия ответственности уже не ограничивается наказанием, а увязывается с любым видом государственного принуждения, применяемого в связи с совершенным правонарушением. Так,

⁴ Ключков Е. М. Мера процессуального принуждения. Казань, 1974, с. 27.

⁵ См.: Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / Под ред. В. М. Савицкого. М., 1979, с. 165.

⁶ См. Вицин С. С. О понятии уголовной ответственности. — В кн.: Сборник статей адъюнктов и соискателей. М., 1968, с. 83—84.

⁷ См.: Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963, с. 27—28; Лейст О. З. Санкции и ответственность по советскому праву: (Теоретические проблемы). М., 1981, с. 102—110 и др.

Н. А. Огурцов и А. В. Наумов прямо утверждают: «Там, где начинается государственное принуждение как следствие совершенного преступления, там и начинается уголовная ответственность. В связи с этим уголовная ответственность не может быть сведена лишь к наказанию. Специфические меры государственного принуждения ...заключаются не только в назначении наказания, но и в применении к лицу, обвиняемому в совершении преступления, мер процессуального принуждения»⁸.

Теоретическая несостоятельность отождествления уголовной ответственности и наказания становится очевидной при анализе действующего законодательства (ст. ст. 50, 50¹, 51, 52 УК РСФСР⁹). В пользу того, что, уголовная ответственность и наказание, хотя и тесно связанные, но разные понятия, свидетельствует и ст. 303 УПК РСФСР, регламентирующая вопросы, разрешаемые судом при постановлении приговора. Она четко выделяет вопросы, решение которых (п. п. 1, 2 3, 4 ч. 1) дает возможность говорить о наличии в данном случае состояния уголовной ответственности. Положительный ответ на них позволяет перейти к решению вопросов, относящихся к наказанию, сформулированных в пп. 5, 6, 6¹ ч. 1.

Хотя ответственность и наказание имеют одну и ту же основу — совершенное преступное деяние¹⁰, они находят свое выражение для правонарушителя в разных правовых последствиях. Ответственность реализуется в случае вынесения обвинительного приговора, в котором

⁸ Огурцов Н. А. Наумов А. В. Понятие уголовной ответственности. — Тр. Высшей следственной школы МВД СССР, вып. 1. Волгоград, 1969, с. 163—164.

⁹ Здесь я далее имеются в виду не только статьи УК И УПК РСФСР, но и соответствующие статьи УК и УПК союзных республик, поскольку иное не оговорено.

¹⁰ Нельзя согласиться с Л. Е. Сигаловым, который считает, что после реализации уголовной ответственности «появляется» уголовно-правовое отношение по наказанию. Основой для возникновения определенных прав и обязанностей служит не реализация ответственности, а совершение виновным деяния, которое порождает все права и обязанности. См.: Сигалов Л. Е. Этапы я процессуальные формы развития уголовно-правовых отношений ответственности, наказания и судимости. — В кн.: Процессуальные проблемы реализации уголовной ответственности, наказания и судимости. Свердловск, 1979, с. 21.

осуждается виновный без назначения наказания, так как цели, на достижение которых направлено применение наказания, в этом случае могут быть достигнуты при реализации ответственности.

Ответственность реализуется и в случае, вынесения обвинительного приговора с назначением наказания, так как и в этом случае прежде чем определить наказание, суд признает лицо виновным, осуждает его от имени государства. Таким образом, ответственность, ее реализация предшествует во всех случаях вынесения обвинительного приговора с назначением наказания определению меры наказания. Следовательно, установление уголовной ответственности в совокупности с рядом обстоятельств, свидетельствующих о том, что для исправления и перевоспитания данного лица совершенно недостаточно реализации одной только ответственности, является основанием для перехода к решению вопроса о наказании данного лица. В этом случае проявляется зависимость наказания от уголовной ответственности, так как без установления последней будут незаконны установление и реализация наказания, тогда как уголовная ответственность может реализоваться без наказания, необходимо в котором возникает только тогда, когда исправления и перевоспитания преступника невозможно добиться с помощью реализации уголовной ответственности. Вышесказанное позволяет утверждать, что уголовная ответственность и наказание—связанные, но разные правовые явления.

В одной из работ В. И. Ленина, написанной применительно к конкретному судебному делу, мы также встречаем указание, говорящее о необходимости различать уголовную ответственность и наказание. Так, В. И. Ленин писал: «...что если суд согласится с тем, что виновные в волоките исключительно хорошие, преданные и ценные работники, что будет в суде доказано рядом «серьезных свидетелей», то вынесет решение: виновны в неустранении волокиты и в нераспорядительности, но, принимая во внимание исключительную преданность Советской власти, вполне доказанную рядом свидетелей, выдающуюся добросовестность и усердие, тоже вполне доказанные, принимая во внимание общие недостатки механизма ВСНХ, связанные отчасти с переменной президиума и т. д.от всякого наказания осво-

бодить в уверенности, что подсудимые это учтут серьезно, как и весь президиум ВСНХ.

Что, если такое примерно решение будет вынесено, можете вы отрицать его пользу?»¹¹. Хотя в приведенном высказывании нет термина «уголовная ответственность», но речь идет именно о ней, когда говорится о необходимости осуждения в приговоре суда лиц, виновных в волоките. Здесь же В. И. Ленин подчеркивает, что при наличии определенных данных можно ограничиться одним осуждением и освободить виновных лиц от всякого наказания.

Говоря о различии уголовной ответственности и наказания, следует учитывать и то, что уголовная ответственность более объективированная правовая категория, нежели наказание. Государство устанавливает уголовную ответственность в случаях, когда деяние представляет определенную степень общественной опасности. Признав деяние вредным, государство объявляет его противоправным, закрепляя это в законе. Закрепление противоправности является правовой основой ответственности за совершение деяния, запрещенного законом. Эта основа для всех преступлений одна и не может быть выражена через какую-нибудь меру, так как деяние, достигнув определенной степени опасности, признается преступным. Но преступления отличаются друг от друга по степени общественной опасности. В этом случае представляется возможным учесть ее и выразить в определенной мере — этой мерой и будет наказание, которое зависит от степени общественной опасности преступления и преступника. Ответственность должна, по существу, наступать во всех случаях совершения деяния, противоправность которого предусмотрена в законе.

Наказание, несмотря на то, что определенные его рамки установлены в законе, подобной объективированности не достигает, так как его определение во многом зависит от индивидуальных особенностей дела и личности виновного.

В случае, когда в понятие уголовной ответственности включают меры процессуального принуждения, разграничить эти понятия не так просто, тем более что закон

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 87.

в ряде норм дает основание для подобного утверждения. Например, в ч. 4 ст. 28 Закона о прокуратуре СССР как об одной из задач надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия говорится о необходимости следить за тем, чтобы никто не подвергся незаконному и необоснованному привлечению к уголовной ответственности или иному незаконному ограничению в правах. Дает к тому основания и терминология, применяемая в ряде статей УПК РСФСР и иных нормативных актах.

Если проанализировать статьи, где речь идет только о «привлечении к уголовной ответственности», то вывод названных авторов на первый взгляд представляется верным. Однако думается, что законодатель вкладывает в термин «уголовная ответственность» в разных статьях неодинаковое содержание. В ч. 1 ст. 3 Основ уголовного законодательства (ч. 1 ст. 3 УК РСФСР) говорится, что уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления, т. е. умышленно или по неосторожности совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние. Ч. 1 ст. 11 УК РСФСР закрепляет положение, в силу которого не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости. Ст. 10 УК РСФСР предусматривает уголовную ответственность лиц, которым до совершения преступления исполнилось шестнадцать лет. Таким образом, формулируя данные нормы, законодатель имеет в виду основание уголовной ответственности, определяет субъектов ответственности¹². Тем самым здесь в термин «уголовная ответственность» вкладывается уголовно-правовой смысл.

Когда же он регламентирует деятельность правоохранительных органов по установлению виновности лица в совершении инкриминируемого ему деяния, то, используя термин «привлечение к уголовной ответственности», вкладывает в него уже уголовно-процессуальный смысл. В этом случае, (ст. 2 УПК РСФСР), ст. 41 Ос-

¹² См. также: Сигалов Л. Е. Этапы и процессуальные формы развития уголовно-правовых отношений ответственности, наказания и судимости, с. 6

нов (ст. 48 УПК РСФСР), ст. ст. 3, 28 Закона о прокуратуре СССР, имеется в виду субъект уголовно-процессуального отношения, возникшего в результате привлечения лица в качестве обвиняемого. Об этом же свидетельствуют ст. 36 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве СССР, ст. 9 Положения о военных трибуналах, принятые третьей сессией Верховного Совета СССР десятого созыва¹³.

Субъект уголовно-правового отношения не тождествен субъекту уголовно-процессуального отношения, появившемуся в результате применения норм процессуального права (привлечение в качестве обвиняемого, предание суду и т.д.). Субъект уголовно-правового отношения — «...лицо, действительно совершившее преступление...»¹⁴. Недоучет данного важного аспекта, как справедливо подчеркивает Л. Е. Сигалов, ведет к «процессуализации» уголовной ответственности¹⁵.

Внесение в понятие «привлечение к уголовной ответственности» уголовно-правового значения неправомерно и по той причине, что в конечном счете это может привести к обвинительному уклону, отождествлению обвиняемого с виновным, т. е. лицом, виновность которого достоверно установлена. Кроме того, в данном случае упускается из виду, что уголовная ответственность не может реализовываться через меры процессуального принуждения, поскольку они имеют различные конкретные цели. О целях применения уголовной ответственности можно говорить, исходя из ст. 43 Основ (ст. 50 УК РСФСР). Они могут, быть признаны достигнутыми, если ко времени, расследования совершенное деяние утратило характер общественно опасного, или личность виновного перестала быть общественно опасной, или если будет признано, что его исправление и перевоспита-

¹³ См.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1980, № 27, ст. 545, 546.

¹⁴ Огурцов Н. А. Правоотношение и ответственность в советском уголовном праве. Рязань, 1977, с. 82.

¹⁵ См.: Сигалов Л. Е. Указ. соч., с. 9—10. О неправильности отождествления принуждения как способа реализации уголовной ответственности и привлечения виновных к уголовной ответственности (предъявления обвинения) см. также: Филимонов В. Д. Общественная опасность личности преступника. Томск, 1970, с. 250—252.

ние возможно без реализации уголовной ответственности.

Напротив, цели применения мер процессуального принуждения вовсе не направлены на реализацию уголовной ответственности. Они могут применяться к лицам, производящими дознание, следователем, прокурором и судом для того, чтобы воспрепятствовать обвиняемому скрыться от следствия и суда, помешать установлению истины по делу, продолжать преступную деятельность, а также для обеспечения исполнения приговора (ст. 33 Основ). Следовательно, основное назначение мер пресечения — создать благоприятные условия для достижения истины в процессе, предотвратить совершение иного преступления. Добавим, что «меры, применяемые в отношении обвиняемого для пресечения уклонения от дознания, следствия... не являются еще несением уголовной ответственности. Если бы это было несением уголовной ответственности, то не было бы необходимости оговаривать, как засчитывать срок предварительного заключения при вынесении приговора»¹⁶.

В последнее время в науке уголовного процесса разрабатывается понятие ответственности в процессуальном смысле¹⁷. Это закономерно. Ответственность — один из способов государственной защиты от нарушения правых предписаний. В сфере общественных отношений, урегулированных нормами процессуального права, не менее важно, чем в других отраслях, обеспечить функционирование норм права, а в случае их нарушения своевременно и быстро восстановить правильный ход процесса, чему и должна служить процессуальная ответственность. Обоснование существования процессуальной

¹⁶ Загородников Н. И. О пределах уголовной ответственности. — Сов. государство и право, 1967, № 7, с. 44.

¹⁷ См.: Чечина Н. А., Элькин П. С. Указ соч., с. 34; Элькин П. С. Рец. на кн.: Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. — Сов. государство и право, 1980, № 9, с. 147—148; Мотовиловкер Я. О. Уголовно-процессуальная ответственность обвиняемого и уголовно-материальная ответственность виновного. — Правоведение, 1977, № 1, с. 59—65; Ковалев В. М. Проблемы уголовно-процессуальной ответственности. — В кн.: Проблемы юридической ответственности и совершенствование законодательства в свете новой Конституции СССР. Рязань, 1979; Ветрова Г. Н. Уголовно-процессуальная ответственность: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1981.

ответственности выходит за рамки данной работы. Однако даже то, что сказано в литературе по этому поводу, не дает возможности утверждать, что уголовная ответственность реализуется через меры процессуального принуждения.

Дальнейший шаг в разработке понятия уголовной ответственности— выдвигание при исследовании указанного понятия на первый план осуждения (порицания), отрицательной морально-политической оценки лица, совершившего преступление¹⁸; В то же время, говоря об осуждении как проявлении в той или иной мере сущности ответственности, некоторые авторы до сих пор не проводят четкой грани между ответственностью и наказанием¹⁹. Вероятно, более правильно все же утверждение, что «...для уголовной ответственности необходимо недостаточное осуждения (порицания) государством виновного в совершении преступления, выраженное в обвинительном приговоре...»²⁰. В самом деле, государство, установив лицо, совершившее преступление, в тех случаях, когда этого требуют интересы борьбы с преступностью, задачи общей и частной превенции, осуждает его за совершенное общественно опасное деяние, что выражается в вынесении обвинительного приговора.

При таком понимании сущности ответственности становится возможным отграничить ее от наказания и иных мер государственного принуждения, подчеркивается исключительная роль суда в осуществлении социалистического правосудия. Уголовно-правовые отношения, возникшие в момент совершения преступления между го-

¹⁸ См.: Тихонов К. Ф. Субъективная сторона преступления. Саратов, 1967, с. 39—44; Ной И. С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве. Саратов: 1973, с. 41; Курляндский В. И. Уголовная политика, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности. — В кн.: Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975, с. 77; Осипов П. П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Л., 1976 и др.

¹⁹ Фарукшин М. Х. Общие принципы юридической ответственности—в советском обществе. — Сов. государство и право, 1967, № 5, с. 116, 118; Астемиров З. А. Понятие юридической ответственности. — Сов. государство и право, 1979, № 6, с. 61 и др.

²⁰ Санталов А. И. Об уголовной ответственности и ее процессуальном выражении. — Вестн. ЛГУ. Сер. Экономика, философия и право, 1972, № 23, с. 127.

сударством и лицом, виновным в совершении преступления, вправе от имени государства в соответствии со ст. 160 Конституции СССР, в которой закреплен принцип осуществления правосудия только судом²¹, констатировать только суд.

Правосудие по уголовным делам не может осуществляться без решения вопроса о виновности или невиновности лица, привлеченного в качестве обвиняемого, и вопроса о наказании этого лица в случае доказанности его вины. Но, если понимать ответственность только как осуждение лица за совершенное им правонарушение, то из поля зрения упускаются правовые предпосылки, без которых нельзя понять ответственность в вышеприведенном плане.

Уголовная ответственность неразрывно связана с уголовным правоотношением, возникающим в результате совершения преступления, составляет неотъемлемую его часть. К анализу правоотношений в данной области применимо деление на правоотношения в статике и динамике²². Преступление порождает определенные права и обязанности (правоотношение в статике), но здесь еще нет непосредственной связи между субъектами, нет реализации взаимных прав и обязанностей, что характерно для традиционного понимания правоотношения. При установлении конкретных субъектов между ними начинается реализация прав и обязанностей (правоотношение в динамике). Иначе говоря, уголовная ответственность в динамике — реальное претерпевание лицом осуждения со стороны государства за совершенное им преступное деяние. Она реализуется только при вынесении судебного приговора, где четко определены субъекты уголовно-правового отношения, их права и обязанности.

Государство, осуждая виновного в приговоре суда, выражает тем самым негативное отношение всего советского общества к лицу, совершившему преступление. Такая реакция не может не оказывать воспитательного

²¹ См.: Лукашевич В. З. Ленинский принцип осуществления правосудия только судом. — Вести. ЛГУ. Сер. Экономика, философия и право, 1975, № 17.

²² См.: Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькнд П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978, с. 14.

воздействия. Правда, степень этого воздействия различна и зависит от субъективных установок личности. Но осуждение, в той или иной мере, доставляет нравственное страдание лицу, в отношении которого выносится приговор, искренность и глубина этого страдания позволяют судить о том, что лицо находится на пути исправления и перевоспитания. Вполне реальны ситуации, когда виновный готов понести какое угодно наказание, лишь бы не стоять перед судом и общественностью. Сам факт осуждения переживается им как самое суровое наказание.

Реализация уголовной ответственности в приговоре суда не означает, будто уголовная ответственность, как считают отдельные авторы, возникает с момента вынесения обвинительного приговора²³. Приговор не может породить уголовного правоотношения, как и уголовной ответственности, в нем лишь устанавливается наличие или отсутствие в данном случае уголовного правоотношения.

Уголовно-процессуальная деятельность направлена на установление уголовного правоотношения и уголовной ответственности в статике, т. е. на установление права государства на осуждение и обязанности лица, совершившего преступление, подвергнуться осуждению. Если утверждать, что уголовная ответственность возникает в момент вынесения приговора, то тогда она превращается в чисто субъективную категорию, порождаящую приговором суда.

Право на осуждение и обязанность подвергнуться ему возникают при совершении преступления. Существование их устанавливается в рамках процесса. С момента установления этих прав и обязанностей начинается их реализация. Недопустимо поэтому отрывать одно от другого, как недопустимо отрывать явление от сущности. Право подвергнуть осуждению и обязанность подвергнуться ему наравне с реализацией данных прав и обязанностей — реальным претерпеванием государст-

²³ См.: Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М., 1961, с. 62—63; Загородников Н. И. О пределах уголовной ответственности.— Сов. государство и право. 1967, № 7, с. 38, 40; Смирнов В. Г. Функции советского уголовного права. Л., 1965, с. 157—159 и др.

венного осуждения.— должно включиться в единое понятие уголовной ответственности²⁴.

Детальный анализ понятия уголовной ответственности необходим потому, что от истолкования этой проблемы зависит решение вопроса об освобождении от уголовной, ответственности.

Исследователи, отождествляющие уголовную ответственность и реализацию наказания²⁵, приходят к тому, что институт освобождения от уголовной ответственности, по существу, теряет свое значение и полностью поглощается институтом освобождения от наказания. Таким образом, вопрос об освобождении от уголовной ответственности снимается волею авторов, но не снимается законодателем и практикой. Поэтому вышеприведенное решение представляется неправомерным.

В правовой литературе нашла отражение и иная трактовка данного вопроса. Предлагая ее, авторы исходят из того, что под уголовной ответственностью следует понимать «обязанность виновного дать в установленном порядке отчет в совершенном им. преступлении: подвергнуться определенным правоограничениям (мерам пресечения и т.д.), вытекающим из установленного порядка решения вопроса об ответственности, быть осужденным от имени государства и понести заслуженное наказание»²⁶.

К каким выводам приводит изложенная позиция? В этом плане определенный интерес представляют высказывания М. В. Карпушина и В. И. Курляндского, полагающих, что освободить от уголовной ответственности — значит освободить от обязанности давать отчет за со-

²⁴ См. также: Барабаш А. С. Уголовная ответственность, наказание и меры процессуального принуждения. — Правоведение, 1981, № 6, с. 76.

²⁵ См.: Астемиров З. А. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних. М., 1970, с. 10; Елеонский В. А. Проблема позитивной ответственности в советском уголовном праве. В кн.: Проблемы юридической ответственности и совершенствование законодательства в Свете новой Конституции СССР. Рязань, 1979, с. 71, 77; Стручков Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1978, с. 32.

²⁶ Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974 с. 21; см. также: Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963, с 28; Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. Л., 1968, с. 31.

вершенное преступление в любом процессуальном качестве, освободить от обязанности понести осуждение от имени государства, а также освободить от наказания²⁷. При этом совершенно справедливо указанные авторы отмечают, что освободить можно только от того, что лицо еще не понесло²⁸. Но, освобождая от уголовной ответственности, могут ли компетентные органы, как следует из вышеприведенного утверждения, освободить виновное лицо от обязанности давать отчет за совершенное преступление? Представляется, что нет. При ином подходе к вопросу следовало бы признать, что органы дознания, следствия, прокуратуры, суда своим решением могут признать деяние непроступным, но это выходит за сферу компетенции данных органов. Освободить от обязанности давать отчет за совершенное правонарушение может только законодатель, признав деяние, совершенное лицом, непроступным, так как эта обязанность возникает в момент совершения преступления и в связи с совершенным преступлением²⁹.

Включая в понятие уголовной ответственности обязанность понести наказание, М. П. Карпушин и В. И. Курляндский бесосновательно расширяют институт освобождения от уголовной ответственности, в результате чего он поглощает институт освобождения от уголовного назначения, хотя, как они правильно пишут, «доказывать существование... различия (данных. — А. Б., Л. В.) понятий в уголовном законе вряд ли есть необходимость»³⁰.

В своей работе М. П. Карпушин и В. И. Курляндский выделяют семь этапов освобождения от уголовной

²⁷ Карпушин М. П., Курляндский В. И. Указ. соч., с. 27.

²⁸ Там же.

²⁹ Поэтому нельзя согласиться с мнением, высказанным Г. А. Злобиным, С. Г. Келиной, А. М. Яковлевым, что при освобождении от уголовной ответственности с применением мер административного и общественного воздействия основанием для такого освобождения является сие преступление (от уголовной ответственности за которое освобождено), а наличие в деянии лица признаков административного нарушения или антиобщественного проступка». Злобин Г. А., Келина С. Г., Яковлев А. М. Совершенствование советского уголовного законодательства на современном этапе. — Сов. государство и право, 1978, №12, с. 16—17.

³⁰ Карпушин М. П., Курляндский В. И. Указ. соч., с. 201.

ответственности и наказания³¹. В плане исследования интерес представляют только те (а их четыре), которые, по их мнению, свидетельствуют об освобождении от уголовной ответственности. В указанных этапах, начиная со второго, как пишут М. П. Карпушин и В. И. Курляндский, ответственность уже «начинает реализовываться», поскольку для виновного наступают определенные последствия совершенного преступления. Эти случаи связываются с привлечением лица в качестве обвиняемого, с вынесением обвинительного приговора без назначения наказания или с назначением, но с освобождением от его отбывания.

Обращает на себя внимание тот факт, что названные авторы, видя в данных случаях освобождение от уголовной ответственности, вступают в противоречие сами с собой, утверждая, что освободить можно только от того, что лицо еще не понесло. Здесь же лицо уже понесло ответственность, следовательно, речь не может идти об освобождении от уголовной ответственности. Из всех выделенных этими авторами этапов только первый, охватывающий случаи, когда лицо освобождается от уголовной ответственности до привлечения в качестве обвиняемого, отвечает требованиям, предъявляемым М. П. Карпушиным и В. И. Курляндским к освобождению от уголовной ответственности.

Как видно из вышеизложенного, понимание уголовной ответственности как «обязанности дать ответ» не дает возможности Правильно решить вопрос, что следует понимать под освобождением от уголовной ответственности.

Иной подход к решению вопроса об освобождении от уголовной ответственности дает С. Г. Келина: «...реальное осуществление уголовной ответственности не предполагает непременно назначения и отбытия наказания»³². Следует заметить, что осуществление уголовной ответственности вообще не предполагает назначения и отбытия наказания. По мнению автора, «освобождение виновного лица от уголовной ответственности за совершенное преступление заключается в освобождении

³¹ Карпушин М. П., Курляндский В. И. Указ. соч., с. 213—216.

³² Келина С. Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М., 1974, с. 27—28.

его от вынесения отрицательной оценки его поведения в форме обвинительного приговора»³³. Правильная по существу позиция С. Г. Келиной все же не лишена определенного недостатка. Он заключается в отрыве результата реализации уголовной ответственности, выражающегося в осуждении виновного в обвинительном приговоре, от уголовного правоотношения, вследствие чего становится неясным, почему же именно такое решение вопроса об освобождении от уголовной ответственности является обоснованным.

Решить вопрос об освобождении от уголовной ответственности можно в том случае, если под уголовной ответственностью понимать право государства на осуждение виновного и соответствующую обязанность последнего, наравне с реализацией этих прав и обязанностей — реальным претерпеванием осуждения.

Освобождение от уголовной ответственности возможно только в том случае, когда будет установлено, что лицо совершило преступление, т.е. несет обязанность подвергнуться осуждению, однако в силу определенных обстоятельств признается нецелесообразным реально возложить на это лицо претерпевание этой обязанности. В данном случае лицо освобождается от уголовной ответственности, от реального претерпевания государственного осуждения.

Подобное решение вопроса находит подтверждение и в действующем законодательстве. В содержании многих статей УК РСФСР (ст. ст. 10, 48, ч. 1 ст. 50, ст. 50¹, 51, 52, п. «б» ст. 64, примечание к ст. 174 и др.) включен термин «освобождение», причем смысл, который вкладывается законодателем в этот термин, неодинаков. При обращении к статьям, где говорится об освобождении от наказания, можно заметить, что в одних из них (ст. ст. 44, 46, 46¹, 49, ч. 2 ст. 50) освобождение от наказания понимается как неприменение к виновному лицу наказания. В других статьях, содержащих этот термин (ст. ст. 53, 53², 55). он применен неудачно, поскольку речь идет в них не об «освобождении от наказания», а об освобождении от дальнейшего претерпевания его.

Под «освобождением от наказания» следует понимать случай, когда наказание к виновному в совершении пре-

³³ К е л и н а С. Г. Указ. соч., с 31.

ступления не применяется, когда он освобождается от реального претерпевания наказания. Эти случаи предусмотрены ст. ст. 44, 46, 46¹, 49, ч. 2 ст. 50 УК РСФСР.

Подобное понимание освобождения от наказания, как представляется, можно с полным правом перенести на освобождение от уголовной ответственности. При этом мы исходим из того, что ответственность и наказание имеют одну и ту же основу — совершенное преступное деяние — и направлены на достижение одной и той же конкретной цели — исправление и перевоспитание лица, совершившего преступление.

Итак, под освобождением от уголовной ответственности следует понимать неприменение к лицу, виновному в совершении преступления, при определенных условиях государственного осуждения, порицания, выраженного в обвинительном приговоре. Однако сказанное не отрицает, что уголовная ответственность существует как объективная реальность и в стадии предварительного расследования, но не потому, что «в противном случае нельзя от нее освобождать обвиняемого»³⁴. Уголовная ответственность на этой стадии существует в виде установленной (доказанной) обязанности лица подвергнуться осуждению и соответствующего права государства, освобождается же лицо не от обязанности, а от реализации этой обязанности.

Подобное решение вопроса об освобождении от уголовной ответственности -необходимо распространить и на случаи прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям, предусмотренные ст. ст. 6¹, 6², 7—9 УПК РСФСР. Но законность существования и применения института прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям (в смысле соответствия этого института принципам советского уголовного процесса), как ранее, так и теперь, ставится под сомнение.

До принятия Конституции СССР 1977 г. многими авторами признавалось, что закрепленный в республиканских кодексах порядок прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям противоречит ст. 7 Основ уголовного судопроизводства, где в ч. 2 говорилось:

³⁴ Лукашевич В. 3. Привлечение к уголовной ответственности в советском уголовном процессе. — Вестн. ЛГУ, 1980, вып. 23, с. 53—54.

«Никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут наказанию иначе, как по приговору суда»³⁵.

После принятия Конституции 1977 г. дискуссия по этому вопросу развернулась с новой силой, особенно показательными в этом отношении являются материалы Всесоюзной научно-координационной конференции «Задачи дальнейшего развития юридической науки в свете новой Конституции СССР, конституций союзных и автономных республик», состоявшейся 3—6 октября 1978 г. в Москве³⁶.

В настоящее время, говоря о недопустимости прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям, ссылаются на ст. 160 Конституции СССР, в которой провозглашается положение: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе, как по приговору суда и в соответствии с законом». Исходя из толкования этой статьи, делается вывод о том, что признать лицо виновным в совершении преступления может только суд, следовательно, органы предварительного расследования не вправе прекращать дела по нереабилитирующим основаниям, так как такое прекращение предполагает решение вопроса о вине лица. Поэтому предлагается «узаконить в уголовно-процессуальном законодательстве... единый порядок, при котором бы освобождение от уголовной ответственности и наказания лиц, совершивших преступление, не представляющее большой опасности, во всех случаях было бы исключительной компетенцией суда...»³⁷. Но в этом случае речь уже не может идти об освобождении от уголовной ответственно-

³⁵ См.: Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса. М., 1971, с. 143; Карнеева Л. Прекращение уголовных дел в судебном заседании. — Сов. юстиция, 1973, № 8, с. 7—8; Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974, с. 226.

³⁶ Материалы конференции помещены в сборнике «Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка». М., 1979.

³⁷ Огурцов Н. А. Проблемы науки уголовного права и совершенствование законодательства об уголовной ответственности. — В кн.: Проблемы юридической ответственности и совершенствование законодательства в свете новой Конституции СССР. Рязань, 1979, с. 104.

ности. Авторы, придерживающиеся подобного взгляда, по сути, говорят об упразднении института освобождения от уголовной ответственности, так как процессуальный порядок, предлагаемый ими, ведет не к освобождению от уголовной ответственности, а к освобождению от наказания. Т. Н. Добровольская пишет по этому вопросу: «...суд должен рассмотреть дело, вынести соответствующему лицу обвинительный приговор с освобождением от уголовного наказания и только после этого направить материалы в товарищеский суд или комиссию по делам несовершеннолетних для принятия к виновному мер общественного воздействия»³⁸.

На наш взгляд, авторы, считающие, что органы предварительного расследования не вправе прекратить дело по нереабилитирующим основаниям с установлением виновности лица, не правы по существу, причем ссылка на ст. 160 Конституции СССР не является аргументом в пользу точки зрения данных авторов. Чтобы ответить на вопрос о том, противоречит ли прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям на стадии предварительного расследования ст. 160 Конституции СССР, необходимо проанализировать содержание этой статьи в тесной связи с решением вопросов о понятии уголовной ответственности и об освобождении от уголовной ответственности.

Уголовно-процессуальный закон возлагает на органы государства обязанность во всех без исключения случаях доказать виновность обвиняемого в совершении преступления (п. 2. ч. 1 ст. 68 УПК РСФСР). Это, на наш взгляд, означает необходимость установить отношение лица к содеянному в форме умысла или неосторожности. Без этого невозможно движение уголовного дела. Но без установления виновности в вышеназванном смысле нельзя решить вопрос и о том, обязано ли лицо отвечать за содеянное, т. е. невозможно установить уголовную ответственность в статике. По общему правилу установление вины в совокупности с рядом иных обстоятельств, предусмотренных законом, служит основанием для ре-

³⁸ Добровольская Т. Н. Об изменении порядка прекращения уголовных дел и некоторых спорных проблемах правосудия.— В кн.: Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка. М., 1979, с. 178.

шения вопроса о реализации уголовной ответственности. Реализация же уголовной ответственности не самоцель. Она оправдана только тогда, когда это единственная возможность достичь исправления и перевоспитания виновного.

В процессе расследования могут быть выявлены обстоятельства, свидетельствующие о том, что исправления и перевоспитания лица можно добиться без реализации уголовной ответственности, с помощью мер административного или общественного воздействия. Именно с учетом подобной ситуации законодателем и предусмотрена возможность освобождения от реализации уголовной ответственности с прекращением дела по нереабилитирующим основаниям. С точки зрения целесообразности это оправданное решение.

Решая вопрос об уголовной ответственности с выше-названных позиций, необходимо прийти к выводу, что органы предварительного расследования не только вправе, но и обязаны устанавливать уголовную ответственность в статике. Другое дело, что реализация уголовной ответственности выходит за рамки компетенции указанных органов. В соответствии со ст. 160 Конституции СССР на это уполномочен только суд.

Аналогичным образом решает эту проблему ст. 7 Основ уголовного судопроизводства в новой редакции. Часть 2 этой статьи сформулирована подобно ст. 160 Конституции СССР и раскрывает содержание части I, где говорится, что правосудие по уголовным делам осуществляется только судом. Тем самым подчеркивается, что признать лицо виновным, в совершении преступления от имени государства, а также подвергнуть уголовному наказанию может только орган, осуществляющий государственную функцию правосудия, — суд. Признание лица виновным выражается в вынесении судом обвинительного приговора, в котором лицо, совершившее преступление, осуждается за совершенное деяние, претерпевает это осуждение. В этом случае признание лица виновным тесно связано с реализацией уголовной ответственности, влечет материально-правовые последствия.

Говорят ли вышеприведенные статьи о том, что следователь не вправе признавать лицо виновным? Да, говорят. Следователь не вправе признавать лицо виновным в совершении преступления от имени государства,

не вправе реализовать уголовную ответственность. Но значит ли это, что он вообще не признает лицо виновным? Утверждать подобное — вступать в противоречие с действительностью. На определенном этапе расследования, собранные доказательства с неизбежностью подводят следователя к выводу о том, что определенное лицо виновно в совершении преступления. Без признания вины невозможно поэтапное движение дела, невозможна передача его в суд с обвинительным заключением, а также невозможно решение вопроса о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. Можно возразить, что указанные решения повлекут различные последствия: в первом случае признание не является основой для решения дела по существу, поэтому оно не только нужно, но и допустимо, во втором же случае дело решается по существу и поэтому признание виновным недопустимо. Но разве в данном случае лицо признается виновным от имени государства? Нет. В случае с прекращением дела речь не может идти о признании виновным в вышеназванном плане, так как это решение связано не с реализацией ответственности, а с установлением основания для реализации и обстоятельств, свидетельствующих о нецелесообразности реализации уголовной ответственности, о возможности исправления и перевоспитания лица с помощью иных мер воздействия. Данное освобождение не влечет тех уголовно-правовых последствий, которые возникают в случае признания лица виновным в обвинительном приговоре.

Итак, говоря о признании виновным, необходимо решать этот вопрос, исходя из различия в компетенции органов следствия и суда, наполняя «признание виновным» конкретным содержанием в зависимости от того, на что оно направлено.

О том, что прекращение дела на стадии предварительного расследования по нереабилитирующим основаниям не противоречит ст. 160 Конституции СССР, свидетельствует и сам законодатель. Президиум Верховного Совета СССР в целях приведения в соответствие с Конституцией СССР и дальнейшего совершенствования законодательства об уголовном судопроизводстве 13 августа 1981 г. принял Указ «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза

СССР и союзных республик»³⁹. Этот Указ не только подтвердил правомерность существования ст. 5¹ Основ, но и расширил ее рамки, дополнив второй частью.

Приведенные аргументы позволяют утверждать, что нет противоречий между институтом прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям и ст. 160 Конституции СССР.

§ 2. О характере деяния при прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям

В 60—70-е годы в юридической литературе существовали суждения о том, что при освобождении от уголовной ответственности с направлением материалов дела в товарищеский суд правонарушение является по существу уже не преступлением, а антиобщественным проступком, что совершенное преступление превращается в проступок также в связи с передачей лица на поруки⁴⁰. В настоящее время вопрос о характере деяния при прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям вновь стал дискуссионным. Как нам кажется, одной из причин возрождения этих взглядов является неточность законодателя в обозначении института прекращения уголовных дел в связи с применением мер административного взыскания. Пункт 1. ч. 3 ст. 50 УК РСФСР содержит положение, согласно которому лицо может быть освобождено от уголовной ответственности с привлечением к административной; уголовно-процессуальный закон, когда говорит об этом институте, не столь последователен в терминологии. Так, в п. 1 ч. 1 ст. 6¹ УПК РСФСР и в названии этой статьи речь идет о прекращении уголовного дела с привлечением лица к

³⁹ См.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1981, № 33, ст. 966.

⁴⁰ См.: Пионтковский А. А. Усиление роли общественности в борьбе с преступностью и некоторые вопросы уголовного права. — Сов. государство и право, 1961, № 4, с. 67—68; Галкин Б. А. О сочетании судебного принуждения и общественного воздействия в борьбе с правонарушениями. — Сов. государство и право, 1961, № 10, с. 132. Критику этих взглядов см.: Советское уголовное право. Часть общая. М., 1964, с. 299—300; Кузнецова Н. Ф. Освобождение от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд. М., 1964, с. 15.

административной ответственности, статья же б² УПК вносит разнотой в терминологическое единство: в ч. 1 закреплено право компетентных органов и должностных лиц прекратить уголовное дело с привлечением лица к административной ответственности, а в названии этой статьи законодатель пишет о прекращении уголовного дела в связи с применением мер административного взыскания.

Исходя из того, что в отдельных статьях закона говорится об освобождении от уголовной ответственности (прекращении дела) в связи с привлечением лица к административной ответственности, некоторые авторы считают, что «в законодательстве последних лет отчетливо выражена тенденция сужения применения уголовной ответственности, замена ее другими видами юридической ответственности за правонарушения»⁴¹.

Если согласиться с подобным толкованием этих статей, то тогда следует признать правоту тех авторов, которые считают, что при освобождении от уголовной ответственности с привлечением к административной «деяние по характеру и степени общественной опасности следует расценивать как административное правонарушение»⁴². Но ни один из авторов, утверждающих подобное, не показал, как можно заменить один вид ответственности на другой, каким образом при освобождении от уголовной ответственности деяние становится административным правонарушением, что лежит в основе этого превращения.

Предположение о том, что в случае, предусмотренном статьями, регламентирующими вопросы освобождения от уголовной ответственности (прекращения дела) в свя-

⁴¹ Лейст О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву. М., 1981, с. 22.

⁴² Ковалев М. И., Тоболкин П. С. Предупреждение преступности и охрана прав личности в свете новой Конституции СССР.—В кн.: Вопросы повышения эффективности уголовного законодательства в современных условиях. Свердловск, 1979, с. 10; см. также Злобин Г. А., Келина С. Г., Яковлев А. М. Совершенствование советского уголовного законодательства на современном этапе, с 16—17; Матюшкин Б. Т., Кальницкий и В. В. Прекращение уголовного дела в связи с привлечением лица к административной ответственности.—В кн.: Актуальные проблемы криминализации и декриминализации общественно опасных деяний. Омск, 1980, с. 61.

зи с применением мер административного взыскания, речь с самого начала идет об административном правонарушении, следует сразу отвести как несостоятельное. Во-первых, в самих статьях говорится об освобождении от уголовной ответственности, а по действующему законодательству уголовная ответственность не предусматривается за совершение административного правонарушения⁴³. Во-вторых, редакция ст. 50¹ УК РСФСР осталась неизменной и после принятия 3 декабря 1982 г. Указа Президиума Верховного Совета РСФСР «О внесении изменений и дополнений в уголовный кодекс РСФСР», которым ст. 50 УК РСФСР была приведена в соответствие со ст. 43 Основ уголовного законодательства. Ст. 50¹ УК РСФСР устанавливает, что освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной допускаяется лишь по делам о преступлениях. В-третьих, если бы речь шла об административном правонарушении, то тогда нельзя прекращать уголовное дело в связи с применением мер административного взыскания, а необходимо его прекращать по п. 2 ч. I ст. 5 УПК РСФСР за отсутствием в деянии состава преступления, само же возбуждение уголовного дела следует рассматривать как незаконное. В-четвертых, суды в своей практике последовательно исходят из того, что данный вид освобождения применяется за совершенное преступление, а не административное правонарушение⁴⁴.

Но, возможно, существует все же почва для утверждения, что при прекращении уголовного дела в связи с применением мер административного взыскания речь идет об административном правонарушении. Может быть, в ходе расследования появляются обстоятельства, позволяющие утверждать, что деяние изменило свой характер? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выяснить,

⁴³ В данном случае речь не идет о повторности совершения административного правонарушения, когда повторность влечет уголовную ответственность.

⁴⁴ Так, Президиум Верховного суда Якутской АССР по делу Л. указал: «В соответствии со ст. 50¹ УК РСФСР освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной допускаяется лишь в отношении лиц, совершивших преступление, а не проступок». — См.: Бюллетень Верховного суда РСФСР, 1979, № 2, с. 14. См. также: Бюллетень Верховного суда РСФСР, 1982, № 2, с. 11—12.

что лежит в основе решения о прекращении уголовных дел в связи с применением мер административного или общественного воздействия и может ли эта основа изменить характер деяния.

Вопрос об основании освобождения от уголовной ответственности при прекращении уголовных дел по не-реабилитирующим обвиняемого основаниям решается неоднозначно. Некоторые авторы, говоря об основаниях освобождения от уголовной ответственности, выделяют данные, свидетельствующие о небольшой общественной опасности деяния и личности виновного⁴⁵. Другие авторы дополняют это указанием на такое условие, как возможность исправления виновного без применения уголовного наказания с помощью мер общественного или административного воздействия⁴⁶. Нам кажется, что вышеприведенные суждения не дают достаточно четкого представления о том, что же следует понимать под основанием освобождения от уголовной ответственности в связи с применением мер административного или общественного воздействия. Выделение данных, свидетельствующих о небольшой общественной опасности деяния и личности виновного как условий, дающих основание для освобождения от уголовной ответственности, неправильно по существу, так как не дает возможности объяснить, почему в одних случаях по делу выносятся обвинительный приговор с назначением наказания, а в других, аналогичных случаях, дело прекращается с освобождением лица от уголовной ответственности.

Как было отмечено выше, некоторые авторы наряду с общественной опасностью деяния и личности выделяют такое условие освобождения от уголовной ответственности, как возможность исправления и перевоспитания лица без применения уголовного наказания. Представляется, что указанные понятия не являются равно-

⁴⁵ См.: Келина С. Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности, с. 50—51; Шейнин Х. Б. Точно исполнять новое законодательство о борьбе с преступностью. — Сов. государство и право, 1977, № 8, с. 91.

⁴⁶ См.: Кузнецова Н. Ф. Освобождение от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд. М., 1964, с. 24; Виттенберг Г. Б. Уголовная ответственность и ответственность перед общественностью. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью по советскому законодательству. — Тр. Иркут. ун-та, т. 57. Сер. юрид., 1969, выл. 9, ч. 4, с. 57.

значными. В основе суждений о небольшой общественной опасности деяния и личности лежат данные, полученные в ходе предварительного расследования. Причем информация, свидетельствующая об общественной опасности личности, должна характеризовать поведение лица как до, во время совершения деяния, так и после его совершения. Собранные сведения об общественной опасности личности и деяния позволяют сделать вывод о возможности (или невозможности) исправления и перевоспитания лица без реализации уголовной ответственности и наказания. Таким образом, исходя из того, что условия освобождения от уголовной ответственности в совокупности дают основание для такого решения, под условиями следует понимать данные, свидетельствующие о небольшой степени общественной опасности деяния и лица, его совершившего, а под основанием такого решения следует понимать вывод о возможности исправления и перевоспитания лица без реализации уголовной ответственности. Совокупность данных, характеризующих конкретное деяние и лицо, его совершившее, позволяет наиболее правильно избрать вид освобождения от уголовной ответственности для наиболее эффективного воздействия на личность с целью достижения исправления и перевоспитания. Следует заметить, что этот вывод, хотя и основывается на данных действительности, относится к будущему, носит прогностический характер⁴⁷, поэтому к нему нельзя предъявлять требование истинности.

Применяя то, что было сказано об основании для решения вопроса о прекращении уголовного дела в связи с применением мер административного или общественного или общественного взыскания к реальному процессу расследования, можно констатировать следующее: на определенном этапе расследования собранные данные позволяют лицу, ведущему процесс, прийти к выводу о том, что исправления и перевоспитания лица можно достичь без реализации уголовной ответственности с помощью мер административного или общественного взыскания. Свидетельствует ли это о том, что

⁴⁷ См. также: Ларин А. М. Прекращение следователем уголовного дела в связи с привлечением лица к административной ответственности. — В кн.: Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978, с. 64.

в данном случае на основании этого вывода происходит изменение характера деяния и оно становится административным или иным нарушением? Если с учетом всего вышесказанного мы все же ответим положительно на этот вопрос, то тем самым декриминализацию деяния поставим в зависимость не от воли законодателя, а от воли правоприменителя, что является в корне неверным⁴⁸.

При прекращении уголовного дела в связи с применением мер административного или общественного воздействия не может быть речи о замене уголовной ответственности на какую-либо иную, в этом случае лицо освобождает от реализации уголовной ответственности с применением к нему для достижения целей исправления и перевоспитания мер административного или общественного воздействия⁴⁹.

Наш вывод находится в соответствии с тем, как законодатель решает эту проблему по отношению к освобождению от уголовной ответственности с применением мер общественного воздействия: они применяются не в силу того, что уголовная ответственность заменяется другим видом ответственности (например, ответственностью перед коллективом), а в силу того, что законодатель в этих случаях считает нецелесообразным реализацию уголовной ответственности и вместо ее реализации допускает передачу материалов дела в товарищеский суд для применения к виновному мер общественного воздействия (п. 3 ст. 51 УК РСФСР), передачу на поруки «для перевоспитания и исправления» (ч. 1 ст. 52 УК РСФСР, ч. I ст. 9 УПК РСФСР), что также мыслится средствами общественного воздействия. Несовершеннолетние могут быть освобождены от уголовной ответственности с обязательным применением мер вос-

⁴⁸ См.: Ларин А. М. Презумпция невиновности и прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. — В кн.: Суд и применение закона. М., 1982, с. 88.

⁴⁹ В науке административного права основанием для применения мер административного взыскания наряду с совершением административного правонарушения признается и преступление, не представляющее большой общественной опасности. См.: Ключенко А. П. Меры административного принуждения, применяемые милицией. (Особенности. Классификация. Системовыражение). Киев, 1979, с. 41; Советское административное право/Под ред. П. Т. Василенкова, М., 1981, с. 179—180.

питательного характера (ч. 4 ст. 10 УК РСФСР и ст. 8 УПК РСФСР). Следует обратить внимание на то, что ч. 4 ст. 10 УК РСФСР по-прежнему говорит о преступлении. В законе нигде нет указания, кроме п. 1 ч. 3 ст. 50, ст. 50¹ УК РСФСР, п. 1 ч. 1 ст. 6¹, ч. 1 ст. 6² УПК РСФСР, о том, что возможно освобождение от уголовной ответственности с применением другого вида ответственности.

В принятом 13 августа 1981 г. Президиумом Верховного Совета СССР Указе «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного законодательства Союза СССР и союзных республик» была изменена редакция ст. 43 Основ⁵⁰. В новой редакции слова «лицо, совершившее преступление» заменены словами «лицо, совершившее деяние, содержащее признаки преступления», а слово «виновный» словом «им». Подобные изменения сразу же привлекли внимание ученых-юристов. Одним из первых откликов на них была статья И. С. Ноя «Новое в трактовке основных уголовно-правовых понятий»⁵¹. Как представляется, основная направленность этой статьи — показать, опираясь на новую редакцию ст. 43 Основ, что органы предварительного расследования вправе прекращать дела по нереабилитирующим обвиняемого основаниям⁵². Причем автор избрал следующий путь: он предпринял попытку доказать, что деяние,

⁵⁰ См.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1981, № 33, ст. 965.

⁵¹ См.: Сов. государство и право, 1982, № 7, с. 91—99.

⁵² Этот вопрос является предметом оживленной дискуссии. См., напр. Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса, с. 143; Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления, с. 226; Шешуков М. П. Презумпция невиновности и прекращение дела по нереабилитирующим основаниям.—В кн.: Вопросы повышения эффективности правосудия по уголовным делам. Калининград, 1981, с. 20—29; Келина С. Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности и наказания, с. 38—39; Лукашевич В. З. Освобождение от уголовной ответственности и наказания.—В кн.: Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка. М., 1979, с. 174—175; Он же. Презумпция невиновности и доказывание невиновности обвиняемого.—Вестн. ЛГУ. Сер. Право, 1983, № 17, с. 58—64; Митрохин Н. П. Законность и демократизм предварительного следствия. Минск, 1979, с. 203—204; Рзаев А. А. Прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям в стадии предварительного расследования: Учеб. пособие. Караганда, 1982, с. 11—15,

содержащее признаки преступления, не преступление потому, что закон не требует установления виновности, в данном случае достаточно установить наличие умысла или неосторожности. Разграничение понятий умысла и неосторожности от понятия вины обосновывается тем, что они так же различны, как понятия «преступление» и «деяние, содержащее признаки преступления»⁵³. Как видим, получился замкнутый круг—понятия определяются одно через другое. Возможно, подобное недоразумение возникло в результате редакционной ошибки, но, возможно, что это ошибка автора, являющаяся выражением неточного толкования новеллы.

Обратимся к анализу основных положений, прежде всего к вопросу о вине. И. С. Ной различает умысел и неосторожность, с одной стороны, вину (или виновность) — с другой. При этом что понимать под последним, автор не пишет, но, исходя из его предыдущих рассуждений, можно заключить, что это понятие шире умысла или неосторожности и связывается им с понятием ответственности⁵⁴.

Обобщение высказываний И. С. Ноя приводит к следующему выводу: когда автор говорит только об умысле или неосторожности, он эти понятия связывает с решением органов расследования о прекращении уголовного дела, об освобождении от уголовной ответственности, когда же говорится о вине, то она связывается с понятием реализации уголовной ответственности в форме обвинительного приговора, в котором лицо признается от имени государства виновным в совершении преступления. Как представляется, подобное выделение этих понятий не отражает их специфики и не объясняет, почему стало возможным говорить о различии этих понятий, ведь различие выводится не из них, а из характера решения. Исходя из этого, представляется необоснованным утверждение, что виновность в рамках предварительного расследования при решении вопроса о прекращении уголовного дела не устанавливается. Утверждать подобное нельзя, не зная, к какому результату мы придем в конце расследования.

⁵³ Ной И. С. Новое в трактовке основных уголовно-правовых понятий, с. 93.

⁵⁴ Там же, с. 94—95.

Нам кажется, что многое найдет объяснение, если понятие вины связывать не с результатом расследования, а с компетенцией органов государства, ведущих борьбу с преступностью, по установлению вины и признанию виновным. Возбуждая уголовное дело по признакам определенной статьи Уголовного кодекса, лицо, производящее расследование, не может с достаточной уверенностью прогнозировать результат расследования, но перед ним стоит четко обозначенная цель деятельности — установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (ст. 68 УПК РСФСР), а среди них такого обстоятельства, как виновность обвиняемого в совершении преступления. Какой смысл вкладывает закон в это понятие? Речь здесь идет, как было показано выше, об обязанности органов расследования устанавливать (доказывать) обстоятельства, свидетельствующие об отношении лица к совершенному. Установление этих обстоятельств служит предпосылкой для решения вопроса о дальнейшем ходе дела. Если наряду с этим установлены обстоятельства, свидетельствующие о возможности исправления или перевоспитания лица с помощью мер общественного или административного взыскания, то дело прекращается с применением этих мер, если эти обстоятельства отсутствуют, то дело передается в суд для решения вопроса о реализации уголовной ответственности. Значит, до момента принятия окончательного решения по делу процесс установления вины по всем делам одинаков. Разница же заключается в том, что органы предварительного расследования не в праве признать лицо виновным в совершении преступления со всеми вытекающими из этого признания материально-правовыми последствиями.

Устанавливать умысел или неосторожность органы предварительного расследования обязаны по всем делам без исключения, а не только при наличии деяния, содержащего признаки преступления.

На наш взгляд, отсутствие слова «виновный» в новой редакции ст. 43 Основ вызвано не тем, что вину при прекращении уголовного дела не устанавливают и не требуется ее устанавливать, а тем, что в данном случае законодатель еще раз подчеркнул, что лицо, освобождаемое от уголовной ответственности, не признается виновным от имени государства.

Значит ли это, что деяние, совершенное виновным, не преступление? И. С. Ной считает деяние, содержащее признаки преступления, не преступлением, а «одной из своеобразных разновидностей правонарушения»⁵⁵. Что же это за правонарушение? Каково его место среди других видов правонарушений? Прямого ответа на этот вопрос мы не найдем, но отдельные высказывания раскрывают подход автора к определению юридической сущности деяния, содержащего признаки преступления. Так, он пишет: «Если за деяние последовала уголовная ответственность, то такое деяние — преступление, если применены иные санкции, то это правонарушение иного вида»⁵⁶. В этом случае, как и в случае определения вины, юридическая сущность деяния связывается с характером решения по делу. Совершенно упускается, что послужило предпосылкой для решения вопроса о прекращении уголовного дела, не обращается внимание на то, от чего лицо освобождается при прекращении дела, а освобождается оно, как было выше сказано, от уголовной ответственности (это указание ст. 43 Основ содержит и в новой редакции), т.е. от ответственности за совершенное преступление. Основанием для такого решения служат данные, свидетельствующие не о том, что лицо совершило деяние, содержащее признаки преступления, а выводы о том, что лицо, возможно, исправится без реализации уголовной ответственности с помощью мер административного или общественного взыскания. Выше было показано, что характер реагирования органа на деяние не может изменить природу последнего.

Как следует из всего вышесказанного, авторам, пытающимся доказать, что при применении ст. 43 Основ деяние перестает быть преступлением, сделать это не удастся, так как все их теоретические конструкции не объясняют одного — каким образом деяние из преступления становится или деянием, содержащим признаки преступления, или административным правонарушением. На наш взгляд, деяние до тех пор будет оставаться преступлением, пока указание на него как на таковое будет содержаться в Уголовном кодексе. Заменяя слова «лицо, совершившее преступление», не представляющее большой

⁵⁵ Ной И. С. Новое в трактовке основных уголовно-правовых понятий, с. 97.

⁵⁶ Там же.

общественной опасности» словами «лицо, совершившее деяние, содержащее признаки преступления», законодатель, как нам представляется, преследовал ту же цель, что и при замене слова «виновный» словом «им», но сделал это менее удачно. Неудачность замены наиболее явно просматривается в том, что ст. 43 Основ по-прежнему предусматривает освобождение от уголовной ответственности.

Авторы анализируемой позиции оставили нерешенным еще один вопрос: почему для установления деяния, содержащего признаки преступления, или, по мнению других, административного правонарушения, используются нормы уголовного процесса. Если согласиться с вышеназванными определениями характера деяния, то это значит лишить уголовный процесс своего предмета, сделать его аморфным. Но это не так: выбор процессуального инструмента зависит от степени опасности деяния и лица, его совершившего, и необходимости гарантировать правильное решение вопроса по существу. Учитывая степень общественной опасности преступления, для его установления законодатель прибегает к уголовному процессу, обладающему системой мер принуждения и развернутой системой гарантий против необоснованного решения вопроса о лице, совершившем преступление, т.е. характер самих материально-правовых отношений определяет необходимость прибегнуть к строго определенным процессуальным средствам⁵⁷. Но уголовный процесс не является бесстрастным отражением специфики материально-правовых отношений. Раз сформировавшись, он начинает оказывать обратное воздействие на формирование норм материального права. В этом смысле очень показательной является мысль М. С. Строговича, хотя она была высказана применительно к другому случаю, о том, что «...если принимается новый уголовный закон, он должен соответствовать существующим уголовно-процессуальным порядком, не может вступать с ними в противоречие»⁵⁸.

Итак, если законодатель решил, что установить те

⁵⁷ См. также Даев В. Г. Взаимосвязь уголовного - права и процесса. Л., 1982, с. 34.

⁵⁸ Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979, с 49,

или иные материальные правоотношения лучше всего с помощью уголовно-процессуальных отношений, то тем самым он признает, что эти правоотношения складываются по поводу преступления. То же самое мы имеем и в случае со ст. 43 Основ уголовного законодательства. Обстоятельства, являющиеся основанием для ее применения, устанавливаются в рамках уголовно-процессуальных правоотношений. Установление их является основанием для одновременного применения норм уголовного и уголовно-процессуального права.

Все сказанное позволяет утверждать, что деяние при прекращении уголовного дела является не чем иным, как преступлением, поэтому необходимо вернуться к старой редакции, как к более удачной.

§ 3. Понятие прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям

Прекращение уголовных дел — явление многоаспектное, и в теории советского уголовно-процессуального права рассматривается с различных сторон: в значении процессуального акта (действия), одной из форм окончания предварительного расследования, как юридический факт, как процессуальная гарантия против необоснованного привлечения к уголовной ответственности и в качестве самостоятельного правового института⁵⁹.

Раскрывая сущность прекращения уголовных дел, А. Я. Дубинский отмечает, что в значении формы окончания дознания или предварительного расследования прекращение уголовного дела есть «заключительный этап расследования, заключающий в себе комплекс процессуальных действий по анализу и оценке собранных по делу доказательств, систематизации материалов уголовного дела, ознакомлению с законченным производством участников процесса (заинтересованных в исходе дела) и разрешению поступивших от них ходатайств, формулированию вывода по существу дела и вытекающих из него

⁵⁹ В данном параграфе мы подробно остановимся на рассмотрении прекращения уголовных дел как формы окончания предварительного расследования и как института, остальные аспекты проблемы рассмотрены во II главе данной работы.

решений и их реализации»⁶⁰. Одновременно прекращение уголовного дела характеризуется А. Я. Дубинским как юридический факт, «устанавливающий правомочие органа, прекратившего дело», и «порождающий право заинтересованных лиц на обжалование»⁶¹.

П. М. Давыдов и Д. Я. Мирский определяют прекращение уголовных дел как «уголовно-процессуальное действие органов дознания, следователя, прокурора, суда, осуществляемое в порядке, предусмотренном законом», которым «завершается деятельность по собиранию доказательств и установлению фактов»⁶².

В. А. Михайлов, рассматривая процессуальный порядок прекращения уголовных дел в стадии дознания и предварительного следствия, пишет, что «прекращением уголовного дела разрешается, по существу, вопрос об уголовной ответственности обвиняемого (подозреваемого)», при этом «решение дается в отрицательной форме и требует в качестве необходимой предпосылки подведения итогов предварительного расследования»⁶³. Здесь же автор отмечает, что прекращение производства по делу является и правоустанавливающим юридическим фактором, порождающим право заинтересованных лиц на обжалование постановления о его прекращении.

Процессуальной гарантией гражданина против необоснованного привлечения к уголовной ответственности называет прекращение уголовных дел С. А. Шейфер⁶⁴.

Н. В. Жогин и Ф. Н. Фаткуллин формулируют понятие прекращения уголовных дел как процессуальный акт, выражающий решение уполномоченного на то должностного лица об отсутствии требуемых для уголовного су-

⁶⁰ Дубинский А. Я. Прекращение уголовного дела в стадии дознания и предварительного следствия: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Киев; 1971, с. 5.

⁶¹ Дубинский А. Я. Прекращение уголовного дела в стадии дознания и предварительного следствия: Дис... канд. юрид. наук. Киев, 1971, с. 87.

⁶² Давыдов П. М., Мирский Д. Я. Прекращение уголовных дел в советском уголовном процессе. М., 1963, с. 5.

⁶³ Михайлов В. А. Процессуальный порядок прекращения уголовных дел в стадии предварительного расследования. Волгоград, 1970, с. 10.

⁶⁴ Шейфер С. А. Прекращение дела в советском уголовном процессе: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1963, с. 4.

допроизводства предпосылок и об отказе от дальнейшего его ведения»⁶⁵.

Все определения, приведенные выше, заостряя внимание на каком-либо моменте прекращения уголовных дел, неполно отражают целостную сущность рассматриваемого института и его своеобразия в кругу других уголовно-процессуальных явлений. Когда говорится о прекращении уголовных дел как об институте, то это понятие является отправным для всех остальных определений. Ведь и процессуальный акт (действие), и форма окончания предварительного расследования, и юридический факт, и процессуальная гарантия — это проявление института, форма реализации норм, входящих в институт прекращения уголовного дела. Раскрывая данные понятия, мы так или иначе определяем институт. Но только раскрытие всех сторон дает нам целостное представление о явлении. Поэтому хотя и бесспорно, что прекращение уголовного дела — это «заключительный этап расследования», «действие компетентных органов, которым завершается деятельность по собиранию доказательств и установлению фактов» и «разрешается вопрос об уголовной ответственности», но это бесспорность определения отдельной стороны, но не всего явления в целом. Когда же мы попытаемся отдельные определения распространить на весь институт прекращения уголовных дел, на что они и претендуют, то сразу выявим их дефектность. Ведь нельзя согласиться с тем, что прекращение уголовного дела всегда означает отсутствие предпосылок уголовного судопроизводства. Это относится, в частности, к прекращению уголовных дел вследствие изменения обстановки и в связи с применением мер административного или общественного воздействия.

Уголовный и уголовно-процессуальный законы (ч. 4 ст. 10; ч. 2 ст. 50; ст. ст. 50¹, 51, 52 УК РСФСР и ст. ст. 6—9 УПК РСФСР) четко формулируют положения о праве, а не обязанности принятия подобного решения компетентными лицами (органами) по названным основаниям. Отсутствие в законе указания на обязанность органов (должностных лиц) прекращать уголовные дела по основаниям, предусмотренным ст. ст. 6—9 УПК, яв-

⁶⁵ Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие. М., 1965, с. 304.

ляется подтверждением того, что законодатель не связывает прекращение уголовных дел в этих случаях с отсутствием предпосылок судопроизводства. Более того, настоящая редакция ст. 5¹ Основ уголовного судопроизводства формулирует положение, согласно которому прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования по рассматриваемым основаниям не допускается, если лицо, совершившее деяние, содержащее признаки преступления, против этого возражает.

Уже из сказанного видно, что прекращение уголовных дел — неоднородная форма окончания предварительного расследования и эту неоднородность необходимо учитывать при конструировании определений.

В уголовно-процессуальной литературе предложено несколько классификаций прекращения уголовных дел. М. А. Чельцов выделял фактическое и юридическое основания для прекращения уголовного дела⁶⁶. М. П. Давыдов, Д. Я. Мирский, Н. В. Жогин и Ф. Н. Фаткуллин разбивают основания прекращения на две группы — материально-правовые и процессуальные⁶⁷. М. С. Строгович делит все основания прекращения уголовных дел на два вида: 1) влекущие прекращение уголовных дел в обязательном порядке и 2) дающие компетентным органам право прекращать уголовное дело⁶⁸. Существует еще одна классификация, при конструировании которой исходили из того, какие правовые последствия влечет прекращение уголовного дела для лица, в отношении которого оно прекращается. Выделение этих последствий позволило классифицировать все виды прекращения уголовных дел на реабилитирующие и нереабилитирующие⁶⁹.

Все вышеприведенные классификации имеют определенное значение. В плане же исследования необходимо остановиться на материально-правовых основаниях с точки зрения классификаций, предложенных М. С. Стро-

⁶⁶ Чельцов М. А. Советский уголовный процесс М., 1962, с. 327—328.

⁶⁷ Давыдов М. П., Мирский Д. Я. Прекращение уголовных дел, с. 10—11; Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе, с. 305, 325.

⁶⁸ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1970, т. 2, с. 168.

⁶⁹ Лукашевич В. З. Гарантии прав обвиняемого в стадии предания суду. Л., 1966, с. 100—105.

говичем и В. З. Лукашевичем. Эти классификации верно отражают положение вещей и дополняют друг друга: установление реабилитирующего основания влечет обязательное прекращение уголовного дела. Само по себе установление нереабилитирующего основания такой обязанности не влечет. Но круг нереабилитирующих оснований, делающих возможным прекращение уголовных дел, очень широк. К ним относится прекращение за истечением сроков давности (п. 3 ч. 1 ст. 5 УПК РСФСР); прекращение вследствие акта амнистии, если он устраняет применение наказания за совершенное деяние, а также ввиду помилования отдельных лиц (п. 4 ч. 1 ст. 5 УПК РСФСР); прекращение дела в отношении умершего (п. 8 ч. 1 ст. 5 УПК РСФСР); отпадение общественной опасности деяния или лица, его совершившего, вследствие изменения обстановки (ст. 6 УПК РСФСР); прекращение уголовного дела в связи с привлечением лица к административной ответственности (ст. 6² УПК РСФСР); прекращение уголовного дела в связи с передачей его в товарищеский суд (ст. 7 УПК РСФСР); прекращение уголовного дела в связи с передачей в комиссию по делам несовершеннолетних (ст. 8 УПК РСФСР); прекращение уголовного дела с передачей лица на поруки (ст. 9 УПК РСФСР).

Эти столь разные виды прекращения уголовных дел объединены в одну группу вследствие того, что во всех случаях прекращения имеются основания для уголовной ответственности, т.е. до прекращения дела установлена обязанность лица подвергнуться государственному осуждению (порицанию), но лицо в силу определенных причин освобождается от реализации данной обязанности.

Прекращение по этим основаниям возможно только при установлении виновности лица и в отличие от прекращения по реабилитирующим основаниям не исключает неблагоприятных последствий для лица, в отношении которого дело может быть прекращено.

Но нельзя не видеть разницу существующую между отдельными видами прекращения по нереабилитирующим основаниям. Эта разница обусловлена различием в причинах, вызвавших решение о прекращении уголовных дел. Исходя из выявления специфики причин, можно все виды прекращения по нереабилитирующим ос-

нованиям свести в две группы. В первую группу войдут те, в результате применения которых лицо освобождается от уголовной ответственности и после освобождения нет необходимости в дальнейшей воздействии на него с целью исправления и перевоспитания. В эту группу входят виды прекращения, предусмотренные п. 3 ч. 1 ст. 5 УПК РСФСР, п. 8 ч. 1 ст. 5 УПК РСФСР, ст. 6 УПК РСФСР⁷⁰.

Как было показано выше, общим началом, объединяющим все виды прекращения по нереабилитирующим основаниям в связи с применением мер административного и общественного воздействия, является вывод о возможности исправления и перевоспитания без реализации уголовной ответственности и наказания. Но для достижения целей исправления и перевоспитания в указанных случаях, все же необходимо определенное воздействие на лиц, совершивших преступления, поэтому к ним применяются названные виды прекращения..

Итак, виды прекращения, предусмотренные ст. ст. 6², 7, 8, 9, УПК РСФСР, могут быть объединены во вторую группу нереабилитирующих оснований прекращения уголовных дел⁷¹.

Учитывая вышесказанное, представляется возможным дополнить существующие классификации видов прекращения уголовных дел следующим образом: 1) реабилитирующие основания прекращения (пп. 1, 2 ст. 5; п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РСФСР); 2) нереабилитирующие основания прекращения, при применении которых нет необходимости в исправлений и перевоспитании лица, совершившего преступное деяние; 3) нереабилитирующие основания прекращения уголовных дел, когда есть эта необходимость.

То обстоятельство, что некоторые ученые не учитывали специфику отдельных видов прекращения уголовных дел, заставляло их предпринимать попытки разрабо-

⁷⁰ За рамки данной группы выходят виды прекращения, предусмотренные п. 4 ч. 1 ст. 5 УПК. Обоснование целесообразности или нецелесообразности сохранения данных видов прекращения является предметом самостоятельного исследования.

⁷¹ См. также: Степанов В. Г., Шимановский В. В. Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования: Учеб. пособие. Л., 1979, с. 5.

тать общее определение прекращения уголовных дел с указанием основания для такого прекращения⁷².

Следует заметить, что попытка конструирования определения прекращения уголовного дела с указанием общего основания прекращения представляется неоправданной, так как основания для разных видов прекращения различны. Можно дать общее понятие прекращения уголовных дел с указанием всех оснований, но вряд ли это разумно, так как в определении должно быть отражено в первую очередь то, что объединяет явления, а не разъединяет их, очевидно, что такая дефиниция получится громоздкой, неудобной для пользования. Конструировать определенные прекращения уголовных дел можно только с учетом особенностей отдельных видов, по основаниям прекращения.

Можно предложить следующее определение прекращения уголовных дел с применением мер административного или общественного воздействия. Прекращением дел с применением мер административного или общественного воздействия называется такая форма окончания уголовного дела, в основе которой лежит вывод, полученный органами доказывания, следствия и суда из данных, добытых процессуальным путем, свидетельствующий о возможности исправления и перевоспитания лица, совершившего деяние, содержащее признаки преступления, не представляющего большой общественной опасности, без реализации уголовной ответственности, но при обязательном применении в отношении этого лица мер административного или общественного воздействия.

В литературе неоднократно высказывались соображения о необходимости упорядочения и единого понимания прекращения уголовных дел в связи с применением мер общественного воздействия и правильно отмечалось, что законодательный разнобой в решении этих вопросов не оправдан никакими национальными

¹² Дубинский А. Я. Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования, с. 25.

особенностями⁷³. Приведенное выше определение, как нам представляется, решает данную задачу и соответствует действующему законодательству. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 февраля 1977 г. «О внесении дополнений и изменений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик»⁷⁴ дополнил их (Основы) статьей 5¹, в которой впервые в общесоюзном законодательстве объединены все виды прекращения уголовных дел в связи с освобождением виновных от уголовной ответственности и заменой её мерами административного или общественного воздействия.

Данная норма была воспринята республиканским законодательством. В уголовно-процессуальный кодекс РСФСР она внесена без изменений под номером 6¹.

Выяснение причины, вызвавшей объединение в одной статье видов прекращения по нереабилитирующим основаниям «...в связи:

1) с привлечением лица к административной ответственности;

2) с передачей материалов дела на рассмотрение товарищеского суда;

3) с передачей материалов дела на рассмотрение комиссии по делам несовершеннолетних;

4) с передачей лица на поруки общественной организации или трудовому коллективу» позволит найти то общее, что легло в основу данного объединения. Выяснение этого общего даст возможность показать их своеобразие как формы окончания предварительного расследования, что, в свою очередь, позволит выработать рекомендации, выполнение которых будет необходимо

⁷³ См., напр. Брайнин Я. М. Уголовный закон и его применение. М., 1967, с. 48; Бусырев Н. А. Освобождение от уголовной ответственности и наказания с передачей материалов или уголовного дела в товарищеский суд: Дис... канд. юрид. наук. Свердловск, 1967, с. 18; Хан-Магомедов Д. О. Классификация преступлений и некоторые вопросы освобождения от уголовной ответственности и наказания. — В кн.: Тр. высшей школы МОЮ РСФСР. М., 1965, вып. 12, с. 89; Виттенберг Г. Б. Вопросы освобождения от уголовной ответственности с привлечением мер общественного воздействия. Ч. 1. Иркутск, 1970, с. 219; Келнна С. Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности, с. 145.

⁷⁴ См.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1977, № 7, ст. 120.

при прекращении уголовных дел в связи с применением к лицу мер административного или общественного воздействия.

Статья 6¹ УПК РСФСР содержит указание, что уголовное дело может быть прекращено в случаях и порядке, предусмотренных законодательством Союза ССР и РСФСР, но не раскрывает, что понимается под «случаями» и «порядком»⁷⁵. Эти указания помещены в ч. 1 ст. 6¹ УПК и, распространяясь на указанные в ней пункты, вероятно, являются общими для них. Поэтому от раскрытия этих терминов во многом зависит законность и обоснованность прекращения уголовных дел.

Для уяснения того, что понимается под «случаями», необходимо обратиться к уголовному законодательству. В нем не содержится такой термин. В статьях 50¹, 51, 52; ч. 4 ст. 10 УК РСФСР, регулирующих основания освобождения от уголовной ответственности, говорится об условиях, при наличии которых возможно освобождение от уголовной ответственности. Совокупность условий дает основание для соответствующего вида освобождения от уголовной ответственности. Под основанием мы понимаем вывод о возможности исправления и перевоспитания лица без реализации уголовной ответственности⁷⁶.

Итак, представляется, что под «случаями», о которых говорит ст. 6¹ УПК РСФСР, законодатель понимает то основание, закрепленное в материальном праве и являющееся общим для всех видов освобождения от уголовной ответственности, установление которого дает возможность решить вопрос о прекращении уголовного дела. В целях унификации правовой терминологии необходимо в ст. 6¹ УПК говорить не о «случаях», а об основании и это место отредактировать следующим образом: «Производство по уголовному делу может быть прекращено при наличии основания и в порядке, предусмотренном законодательством Союза ССР и РСФСР...».

При сопоставительном анализе норм, регламентирующих основание освобождения от уголовной ответственности

⁷⁵ Анализ термина «порядок» дан во II главе работы.

⁷⁶ Более подробно об «основании» освобождения от уголовной ответственности смотрите § 2 гл. I.

ности и соответствующие виды прекращения уголовных дел, нетрудно заметить, что как нормы материального, так и нормы процессуального права во многих случаях дублируют друг друга. Вряд ли подобное конструирование норм следует считать приемлемым.

Уголовно-процессуальный закон, говоря об основании прекращения уголовных дел, делает в ст. ст. 6², 7, 9 ссылку на соответствующую норму уголовного законодательства. В ч. 1 ст. 8 УПК РСФСР закреплено положение, в силу которого суд, прокурор, а также следователь с согласия прокурора вправе прекратить уголовное дело в отношении лица, не достигшего восемнадцатилетнего возраста, совершившего деяние, содержащее признаки преступления, не представляющего большой общественной опасности, и направить дело на рассмотрение комиссии по делам несовершеннолетних, если по обстоятельствам дела и данным, характеризующим личность правонарушителя, его исправление возможно без применения уголовного наказания. Из приведенного видно, что в этой статье уголовно-правовое основание приведено полностью. Это, вероятно, сделано для восполнения некоторого пробела материального права. Как представляется, уголовно-процессуальное законодательство не вправе восполнить пробелы уголовного законодательства, иначе можно было бы сконструировать кодекс, охватывающий проблемы как материального, так и процессуального права, что явно нецелесообразно. Поэтому из ч. 1 ст. 8 УПК следует убрать описание основания прекращения уголовных дел, сделав ссылку на соответствующие нормы материального права, а ч. 4 ст. 10 УК РСФСР нужно сформулировать более конкретно, без ссылки на ч. 3 этой статьи, так как основания освобождения от уголовной ответственности и освобождения от уголовного наказания не равнозначны, и эта неравнозначность определяет различный процессуальный порядок: освобождение от наказания осуществляется при вынесении обвинительного приговора без назначения наказания, а освобождение от уголовной ответственности — при вынесении постановления или определения о прекращении уголовного дела.

Неудовлетворительно сконструированы и ст. ст. 52 УК и 9 УПК РСФСР. В ч. 2 этих статей указано, что на поруки не может быть передано лицо которое ранее

было осуждено за совершение умышленного преступления либо уже передавалось на поруки. Это указание раскрывает общественную опасность личности, входит в основание освобождения, поэтому эта часть должна быть сохранена в ст. 52 УК РСФСР. Содержание ч. 3 этих статей, где речь идет о том, что если лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, не считает себя виновным или по каким-либо причинам настаивает на рассмотрении дела в суде, прекращение дела и передача лица на поруки не допускается, относится к процессуальной предпосылке возможности прекращения производства, следовательно, может быть в наличии основание для прекращения дела по этой статье, но если лицо не согласно на прекращение, то дело должно быть передано в суд. Поэтому эту часть нужно оставить только в процессуальной норме.

Ч. 4 ст. 52 УК РСФСР ил. 5 ст. 9 УПК РСФСР, где говорится об условиях отказа от общественного поручительства, выходят за рамки уголовного процесса, поскольку они не являются необходимыми для принятия решения органами дознания, следствия и суда об отмене постановления или определения о прекращении уголовного дела. Их наличие является основанием для решения общественности об отказе от поручительства, и только последнее имеет процессуальное значение, так как лишь на его основе соответствующие органы могут решить вопрос об отмене постановления (определения) о прекращении дела. Если эти основания не имеют уголовно-процессуального значения, то тем более они не имеют и уголовно-правового значения. Сохранение этой части оправдано только в рамках уголовно-процессуального кодекса. С учетом изложенных замечаний ч. 5 ст. 9 УПК РСФСР можно сформулировать в следующей редакции: «При поступлении в суд или прокуратуру отказа общественной организации или трудового коллектива от поручительства дело может быть возобновлено определением распорядительного заседания суда или постановлением прокурора».

Прекращение уголовных дел — одна из форм окончания предварительного следствия, представляющая со-

бой комплекс действий⁷⁷, в который, по мнению А. Я. Дубинского, входит и предоставление возможности заинтересованным лицам ознакомиться с материалами дела, и процессуальная деятельность прокурора по контролю за законностью и обоснованностью прекращения уголовных дел⁷⁸.

Своеобразие прекращения уголовного дела как формы окончания предварительного расследования состоит в том, что уголовное дело завершается разрешением по существу в стадии предварительного расследования, не получая дальнейшего движения, если не последует обжалование и отмена постановления о прекращении уголовного дела либо возобновление производства по делу в случае отказа общественности от поручительства (при прекращении дела по ст. 9 УПК).

Вынесение постановления о прекращении уголовного дела по любому основанию, предусмотренному законом, означает прекращение уголовно-процессуальных отношений. По своей природе прекращение уголовного дела есть юридический факт, волеизъявление компетентного государственного органа, влекущее устранение правомочий должностных лиц на дальнейшее производство по делу и прекращение обязанностей лица, в отношении которого велось уголовное дело. Прекращение уголовных дел по основаниям, предусмотренным ст. ст. 6² — 9 УПК, порождает одновременно новые отношения, связанные с применением мер административного или общественного воздействия. Эти отношения не входят в сферу уголовно-процессуальных.

Неприемлемым, на наш взгляд, является утверждение В. П. Божьева о том, что при прекращении уголовного дела по рассматриваемым основаниям уголовно-процессуальные отношения продолжают⁷⁹. Шаткость позиции автора проявляется уже в том, что в подтверждение ее он приводит в качестве примера лишь пре-

⁷⁷ См.: Михайлов В. А. Процессуальный порядок прекращения уголовных дел в стадии предварительного расследования, с. 8; Дубинский А. Я. Указ. соч., с. 5.

⁷⁸ Дубинский А. Я. Указ. соч., с. 5—6.

⁷⁹ Божьев В. П. Уголовно-процессуальные отношения. М., ГЭ75, с. 133—134.

крашение уголовного дела по ст. 9 УПК, умалчивая о прекращении уголовных дел по ст.ст. 7—8 УПК⁸⁰.

Прекращение уголовных дел в связи с передачей лица, совершившего преступление, на поруки условно, но это не означает, что уголовно-процессуальные отношения продолжают после вынесения следователем постановления о прекращении уголовного дела. Правоотношение — это «возникающая на основе норм социалистического права индивидуализированная общественная связь между лицами, характеризуемая наличием объективных юридических прав и обязанностей и поддерживаемая (гарантированная) принудительной силой социалистического государства»⁸¹. Существует ли эта «индивидуализированная связь» между Следственными органами (судом) и лицом, освобожденным от уголовной ответственности по ст. 52 УК (ст. 9 УПК)? Ответ может быть только отрицательным.

Общественные отношения, возникшие между правонарушителем, освобожденным от уголовной ответственности, и трудовым, коллективом или общественной организацией, взявшими его на поруки, не регламентируются нормами права. Органы, прекратившие уголовное дело, должны осуществлять контроль за данным лицом, но уголовно-процессуальный закон не содержит указаний на этот счет. Лицо, освобожденное от уголовной ответственности, обязано соблюдать правила социалистического общежития, но обязанность эта лежит в области моральной ответственности перед коллективом-поручителем. Не всякое несоблюдение обязанности вести себя соответствующим образом влечет непременно возобновление уголовного дела. Общественность имеет право применить к лицу различные меры общественного принуждения, осуществлять исправление и перевоспитание лица доступными ей средствами. Лишь в случае грубого нарушения обязательства, данного лицом коллективу, когда поручитель придет к выводу о невозможности исправить правонарушителя мерами общественного воздействия, следует отказать от поручительства и возможное (но не обязательное) возобновление уголов-

⁸⁰ См.: Там же.

⁸¹ Алексеев С. С. Общая теория социалистического права. Свердловск, 1964, с. 47.

ного дела. Следователь, прокурор, орган дознания, суда имеют право возобновить прекращенное по ст. 9 УПК уголовное дело только в строго определенном законом случае: при отказе общественности от поручительства, т. е. для возобновления уголовно-процессуальных отношений необходим юридический факт, повлекший реализацию положений правовой нормы.

Выделение специфики прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям в связи с применением мер административного или общественного взыскания, позволяющей отграничить данные виды прекращения уголовных дел от других, и выявление общих черт, присущих им, дает возможность объединить нормы, регламентирующие их, в институт прекращения уголовных дел в связи с применением мер административного или общественного воздействия.

Исследование сущности правового института, как и любого социального явления, неизбежно связано с выявлением социальной функции, которую он выполняет. Известно, какое большое значение придавал Б. И. Ленин участию общественности в борьбе с различного рода антисоциальными проявлениями⁸², какое важное значение отводится участию общественности в борьбе с правонарушениями на современном этапе развития нашего общества.

Прекращение уголовных дел в связи с применением мер административного и общественного воздействия как институт уголовно-процессуального права возник не на голой почве, а как закономерное проявление демократизации советского судопроизводства, как проявление развития общественного начала в сфере борьбы с преступностью. Возможность освобождения правонарушителя от уголовной ответственности и наказания с самого начала связывалось советским законодателем с «незначительностью», «малозначительностью», «ничтожностью» последствий совершенного преступления⁸³. Установление виновности лица и возможность его освобождения от уголовной ответственности находится в связи с небольшой общественной опасностью лица, которая выража-

⁸² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 408; т. 42, с. 216—217, 225; т. 43, с. 286; т. 44, с. 377; т. 53, с. 249 и др.

⁸³ См.: СУ РСФСР, 1925, № 9, ст. 68.

ется, во-первых, в совершении преступления, не представляющего значительной опасности для общества и, во-вторых, в свойствах самой личности. Представляется, таким образом, что рассмотрение прекращения уголовного дела в качестве «процессуальной гарантии гражданина против необоснованного привлечения к уголовной ответственности»⁸⁴ правомерно лишь применительно к реабилитирующим основаниям, прекращение же дел по ст. ст. 6²—9 УПК (как и иным нереабилитирующим основаниям) связано не с обязательностью освобождения лица, необоснованно привлеченного к ответственности, а с выводом о возможности исправления и перевоспитания правонарушителя без реализации уголовной ответственности. Здесь, вероятно, правильнее было бы говорить о существовании гарантии от реализации уголовной ответственности, когда она не диктуется особой необходимостью. Этим одновременно достигается экономия средств уголовного принуждения.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что прекращение уголовных дел по ст. ст. 6²—9 УПК как институт советского уголовно-процессуального права есть система правовых норм, регламентирующих процессуальный порядок окончания производства с решением дела по существу в специфической форме, без вынесения приговора, допускающий освобождение от уголовной ответственности вследствие незначительной степени общественной опасности преступления и личности, а также возможности исправления и перевоспитания лица мерами административного или общественного воздействия.

⁸⁴ Рассмотрение С. А. Шейферой обязанности органов расследования, прокурора и суда прекратить уголовное дело в качестве процессуальной гарантии против необоснованного привлечения к уголовной ответственности было бы верным, если бы в дальнейшем автор не включал в эту обязанность прекращение уголовных дел по ст. ст. 6—9 УПК. (См.: Шейфер С. А. Прекращение дела в советском уголовном процессе: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1963, с. 4, 9).

§ 4. Критерии разграничения оснований прекращения уголовных дел в связи с применением мер административного или общественного воздействия

Необходимо согласиться с теми авторами, которые, говоря об обоснованности прекращения уголовных дел с применением мер административного взыскания, считают это решение необоснованным в случаях, «...когда есть основания для направления дела в суд с обвинительным заключением и когда дело можно прекратить с направлением материалов на рассмотрение товарищеского суда, комиссии по делам несовершеннолетних или передачей виновного на поруки»⁸⁵. Если критерием, позволяющим судить об обоснованности решения в случаях выбора между решениями о направлении дела в суд или о прекращении уголовного дела в связи с применением мер общественного воздействия или мер административного взыскания, является вывод о возможности исправления и перевоспитания лица без реализации уголовной ответственности, то при необходимости принятия решения о прекращении уголовного дела выбрать конкретный вид прекращения не всегда просто. Это было сделать непросто при существовании трех видов прекращения уголовных дел с применением мер общественного воздействия, так как во многих случаях границы для выбора основания прекращения очень подвижны. С включением в законодательство нового вида прекращения в связи с применением мер административного взыскания этот выбор еще более усложнился. О том, что эта проблема не надумана, свидетельствуют данные опроса, проведенного нами среди практических работников органов предварительного расследования. Так, 14% опрошенных указали в качестве причин неприменения или редкого применения института прекращения уголовных дел в связи с применением мер административного взыскания на нечеткое формулирование законодателем условий и основания применения данного вида прекращения и на трудности в отграничении этого

⁸⁵ Чувилев А. Прекращение уголовного дела в связи с привлечением лица к административной ответственности. — Соц. законность, 1978, № 6, с. 53.

вида прекращения от иных видов прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям.

Для того чтобы определить критерии, позволяющие отграничить прекращение в связи с применением мер административного взыскания от других видов прекращений уголовных дел по нереабилитирующим основаниям, необходимо прежде всего решить вопрос о том, какое место среди других видов прекращения занимает прекращение в связи с применением мер административного взыскания.

Некоторые авторы считают, что «...косвенным критерием выбора в пользу привлечения к административной ответственности... служат обстоятельства, которые препятствуют применению к виновному мер общественного воздействия в порядке ст. ст. 7—9 УПК»⁸⁶. Подобное утверждение представляется не совсем верным, так как им практически снимается различие, существующее между основаниями применения ст. ст. 7—9 УПК РСФСР. Оно выводит данный вид прекращения из ряда других видов и придает ему статус исключительности. Однако если обратиться к уголовному законодательству, регулиющему вопросы освобождения от уголовной ответственности и наказания, то вышеприведенное высказывание в части нивелировки оснований найдет в нем подтверждение. Новая редакция ст. 43 Основ уголовного законодательства, регламентируя основания прекращения уголовных дел, закрепляет в качестве общего условия для всех видов освобождения совершение лицом деяния, содержащего признаки преступления, не представляющего большой общественной опасности⁸⁷. Ранее существовавшая редакция ст. 43 Основ позволила авторам, стоящим на такой же позиции, как и А. М. Ларин,

⁸⁶ Ларин А. М. Прекращение следователем уголовного дела в связи с привлечением лица к административной ответственности.— В кн.: Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978, с 63.

⁸⁷ Несмотря на изменение формулировки; в новой редакции ст. 43 Основ. речь по-прежнему идет о преступлении, т. е. сущность статьи не претерпела изменения, поэтому мы считаем возможным анализировать проблемы, поднятые в этом параграфе, на материале старой редакции. Подробную аргументацию утверждения о том, что и в новой редакции с. 43 Основ речь идет о преступлении, смотрите в § 2 гл. I.

утверждать, «...что малозначительные преступления и не представляющие большой общественной опасности тождественны»⁸⁸. Но подобное отождествление противоречит сути понятий «малозначительное преступление» и «преступление, не представляющее большой общественной опасности». В теории уголовного права и процесса выработаны критерии определения малозначительного преступления⁸⁹ и преступления, не представляющего большой общественной опасности⁹⁰. Причем справедливо обращалось внимание на то, что малозначительные преступления отличаются от преступлений небольшой общественной опасности степенью общественной опасности, которая в последнем случае выше, чем при совершении малозначительного преступления⁹¹.

Отказ законодателя от термина «малозначительное преступление» не означает, что нет теоретической необходимости в нем. На наш взгляд, понятие «малозначительное преступление», являясь более узким, нежели по-

⁸⁸ Махоткин В. Понятие преступления, не представляющего большой общественной опасности. — Сов. юстиция, 1977, № 24, с. 13.

⁸⁹ Чугаев А. П. Основание передачи дела о преступлении в товарищеский суд. Казань, 1963, с. 8—12; Кузнецова Н. Ф. Освобождение от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд. М., 1964, с. 24, 33—35, 53—54, 89; Чугаев А. П. Малозначительные преступления и товарищеский суд. Казань, 1965, с. 51—77; Давыдов П. М., Мирский Д. Я. Прекращение уголовных дел в советском уголовном процессе. М., 1968, с. 44—45; Михайлов В. А. Процессуальный порядок прекращения уголовных дел в стадии предварительного расследования. Волгоград, 1970, с. 49—50; Виттенберг Г. Б. Вопросы освобождения от уголовной ответственности и наказания с применением мер общественного воздействия. Ч. П. Иркутск, 1971, с. 121—122.

⁹⁰ Мендельсон Г. А. Передача на поруки лиц, совершивших преступления, не представляющие большой общественной опасности. М. 1963, с. 9—14; Домахин С. А., Степанов В. Г. Общественное поручительство. М., 1962, с. 16; Степанов В. Г. Прекращение производства по делу с передачей виновного на поруки в процессе предварительного расследования. М., 1969, с. 5—6.

⁹¹ Чугаев А. П. Основание передачи дела о преступлении в товарищеский суд, с. 16; Он же. Малозначительное преступление и товарищеский суд, с. 40—41; Дубинский А. Я. Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования. Киев, 1975, с. 91; Виттенберг Г. Б. Разграничение передачи на поруки и смежных с ней видов освобождения от уголовной ответственности и наказания. — В кн.: Сибирские юридические записки: (Проблемы борьбы с преступностью). Иркутск, Омск, 1973, вып. 3, с. 24—25.

нятие «преступление небольшой общественной опасности», поглощается последним, но не растворяется в нем, занимая самостоятельное, несколько обособленное положение. Степень общественной опасности позволяет среди массы преступлений небольшой общественной опасности выделить преступления, обладающие меньшей общественной опасностью или малозначительные.

Вышесказанное позволяет утверждать, что деяния, по которым возможно освобождение от уголовной ответственности с применением мер административного или общественного воздействия, не равнозначны по степени общественной опасности. Еще одним подтверждением этому является своеобразие процессуального порядка прекращения уголовных дел, предусмотренного для разных видов освобождения от уголовной ответственности. Наиболее строгой регламентации подверглось прекращение в связи с передачей правонарушителя на поруки: освобождение здесь возможно при признании лицом своей вины, причем оно не должно настаивать на рассмотрении дела в суде и в органы, ведущие расследование, должно поступить ходатайство общественной организации или трудового коллектива о взятии лица на поруки. Наличие подобных особенностей по сравнению с прекращением уголовного дела в связи с передачей в его товарищеский суд можно объяснить только одним — более высокой степенью общественной опасности деяния и соответственно личности правонарушителя, в отношении которого решается вопрос об освобождении от уголовной ответственности⁹².

Как было показано выше, отдельные авторы придают прекращению уголовного дела с применением мер административного взыскания статус исключительности, т.е. прибегать к подобному виду прекращения, по их мнению, следует тогда, когда применение мер общественного воздействия не принесет желаемого результата. Это утверждение побуждает обратиться к вопросу о том, какое место среди других видов прекращения занимает

⁹² Особенности прекращения дела в связи с передачей материалов в комиссию по делам несовершеннолетних объясняются не столько степенью общественной опасности деяния, сколько возрастными особенностями формирующейся личности несовершеннолетнего правонарушителя.

прекращение уголовных дел с применением мер административного взыскания. Это возможно сделать при сопоставительном анализе материально-правовых предпосылок различных видов прекращения по реабилитирующим основаниям.

Авторы, обращавшиеся к анализу основания прекращения уголовных дел с передачей материалов в товарищеский суд, как правило, основное внимание уделяли раскрытию понятия малозначительного преступления. При этом, определяя малозначительность преступления, они использовали те формальные рамки, которые дал закон в пп. 1 и 2 ст. 51 УК РСФСР. Подобный подход позволил выделить следующие критерии малозначительного преступления: 1) незначительный имущественный ущерб, причиненный преступлением, или иначе — преступление не должно влечь тяжких последствий⁹³; 2) способ действия лица, направленность умысла виновного, отсутствие отягчающих обстоятельств⁹⁴; 3) возможность применения за совершенное деяние наравне с уголовным наказанием общественного воздействия⁹⁵ или такого уголовного наказания, как общественное порицание⁹⁶.

При определенном разнообразии критериев малозначительности, предлагаемых разными авторами, общим является такой критерий, как возможность применения за совершенное деяние лишения свободы на срок не свыше одного года⁹⁷. Данный критерий нельзя возводить в абсолюте, поскольку в соответствии с п. 3 ст. 51 УК РСФСР, исходя из конкретных обстоятельств дела, ли-

⁹³ Чугаев А. П. Основание передачи дела о преступлении в товарищеский суд, с. 13; Кузнецова Н. Ф. Освобождение от уголовной ответственности - с передачей дела в товарищеский суд, с. 35, 54; Якубович Н. Я. Окончание предварительного следствия. М., 1962, с. 114.

⁹⁴ Чугаев А. П. Малозначительные преступления и товарищеский суд, с. 67, 70, 77.

⁹⁵ Кузнецова Н. Ф. Указ. соч. с. 35; Чугаев А. П. Малозначительные преступления и товарищеский суд, с. 51 и др.

⁹⁶ Бодерсков С. А. Передача на поруки. М., 1961, с. 47.

⁹⁷ Чугаев А. П. Основание передачи дела о преступлении в товарищеский суд, с. 13; Он же. Малозначительные преступления и товарищеский суд, с. 51; Кузнецова Н. Ф. Указ. соч., с. 89; Михайлов В. А. Процессуальный порядок прекращения уголовных дел в стадии предварительного расследования, с. 49—50; Ганпанович Н. Н. Отказ в возбуждении уголовного дела. Минск, 1967, с. 71 и др.

цо может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно совершило впервые любое другое деяние, и может быть исправлено с помощью мер общественного воздействия⁹⁸. Тем не менее при определении степени общественной опасности правонарушения первое, чем следует руководствоваться, — это санкция, предусмотренная за совершение конкретного деяния.

Преступные деяния, за совершение которых возможно применение такой меры общественного воздействия, как передача на поруки, отличаются более высокой степенью общественной опасности, нежели малозначительные. Круг этих деяний определяется в литературе, исходя из ограничения их от тяжких, перечень которых имеется в законе⁹⁹. Уголовный кодекс Грузинской ССР (ст. 53) подходит к решению этого вопроса более определенно, указывая, что освобождение от уголовной ответственности с передачей лица на поруки возможно за деяние, которое по закону наказывается лишением свободы на срок не свыше трех лет¹⁰⁰.

Исходя из положений закона и высказываемых в литературе суждений, можно заключить, что круг деяний, за которые возможно освобождение от уголовной ответственности с передачей виновного на поруки, лежит между деяниями, отнесенными законом к тяжким и малозначительными деяниями, за которые предусмотрено лишение свободы не свыше одного года или иное более мягкое наказание.

К какой же категории дел отнести деяние, за со-

⁹⁸ В старой редакции закона, где речь шла о малозначительных преступлениях, это разграничение прослеживалось более четко. См.: Володина Л. М. Прекращение уголовных дел вследствие изменения обстановки и в связи с направлением для применения мер общественного воздействия в стадии предварительного расследования. Дис... канд. юрид. наук. Л., 1976, с. 62.

⁹⁹ Домахин С. А., Степанов В. Г. Общественное поручительство, с. 16; Степанов В. Г. Прекращение производства по делу с передачей виновного на поруки в процессе предварительного расследования, с. 5.

¹⁰⁰ Подобное решение не встретило в литературе единодушной поддержки, против него выдвинуты серьезные возражения. См. напр. Мендельсон Г. А. Передача на поруки лиц, совершивших преступления, не представляющие большой общественной опасности,

вершение которого предусмотрена возможность применения мер административного воздействия? Ответ на этот вопрос помогает найти действующее законодательство. Ст. 50¹ УК РСФСР отмечает, что освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной допускаяется лишь по делам о преступлениях, за которые законом предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок не свыше одного года либо другое более мягкое наказание. Подобного рода деяния носят обозначение малозначительных¹⁰¹, следовательно, одно из условий прекращения уголовных дел в связи с передачей дела в товарищеский суд или с применением к лицу мер административного взыскания является общим для этих двух видов прекращения и их невозможно по этому условию отграничить друг от друга.

Данные опроса говорят о том, что на практике наибольшая трудность возникает при необходимости отграничить прекращение в связи с применением мер административного взыскания от прекращения в связи с передачей материалов дела в товарищеский суд. Эту трудность отметили все опрошенные, которые при заполнении анкеты ответили на соответствующий вопрос.

Действующее законодательство не дает критериев, позволяющих отграничить названные виды освобождения от уголовной ответственности, кроме общего указания на то, что исправление и перевоспитание лица должно быть достигнуто с помощью применяемого после прекращения дела воздействия (административного или общественного). Такое указание совершенно справедливо ориентирует на необходимость тщательного учета на практике всех конкретных особенностей совершенного деяния и личности правонарушителя, на необходимость разработки теорией критериев, позволяющих правильно индивидуализировать меры воздействия, применение которых позволит с меньшими затратами добиться исправления и перевоспитания лица, совершившего противоправное деяние.

¹⁰¹ А. Чувилев называет преступления, за которые возможно применение мер административного взыскания, тоже малозначительными. См.: Чувилев А. Прекращение уголовного дела в связи с привлечением лица к административной ответственности, с. 53.

Рекомендации относительно критериев, позволяющих выделить прекращение с применением мер административного воздействия из ряда других видов прекращения, содержащиеся в работах, посвященных вопросу освобождения от уголовной ответственности с применением мер административного взыскания, не могут удовлетворить практику, так как носят слишком общий характер. Так, например, Ю. А. Иванов пишет: «Существенной чертой, определяющей личность правонарушителя, является его производственная, общественная и бытовая характеристика... имеет (значение. — А. Б., Л. В.) ...искренность раскаяния лица в совершенном преступлении, ...изучают также индивидуальные особенности и характерные черты виновного, его образ жизни в прошлом и настоящем, побуждения и мотивы, толкнувшие его на преступление»¹⁰². Однако исследование перечисленных обстоятельств необходимо и при прекращении уголовных дел с передачей материалов в товарищеский суд.

Как представляется, данные, дающие возможность предположить, что исправления и перевоспитания лица можно добиться с помощью мер административного взыскания, необходимо отнести прежде всего к личности правонарушителя. Степень общественной опасности лица при освобождении от уголовной ответственности с применением мер административного взыскания должна быть, при прочих равных условиях, выше, нежели при освобождении с передачей материалов в товарищеский суд. Именно это условие в каждом конкретном случае должно показывать, что совершенно недостаточно разового общественного воздействия на правонарушителя со стороны товарищеского суда, что степень моральной запущенности лица, совершившего преступление, такова, что необходимо для достижения исправления и перевоспитания его вмешательство со стороны

¹⁰² Иванов Ю. А. Основание и порядок освобождения от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности. — В кн.: Комментарий судебной практики за 1977 год. М., 1978, с. 173; см. также: Тенчов Э. Освобождение от Уголовной ответственности с применением мер административного взыскания. — Сов. юстиция, 1977, № 1, с. 5; Мациев Н. И. Условия освобождения от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности. — Вести. ЛГУ, 1979, № 23, с. 95—96.

государства, правда, выраженное не в такой жесткой форме, как реализация уголовной ответственности.

К критериям, разграничивающим основания освобождения от уголовной ответственности с передачей материалов в товарищеский суд и освобождения в связи с применением мер административного взыскания и говорящих в пользу последнего вида освобождения, следует отнести: 1) совершение лицом в прошлом преступления, несмотря на то, что судимость за него снята или погашена; 2) совершение преступления после применения товарищеским судом мер общественного воздействия за совершенное ранее преступление; 3) отсутствие чистосердечного раскаяния у лица, в отношении которого решается вопрос об освобождении от уголовной ответственности; 4) отрицательная характеристика правонарушителя по работе или месту жительства.

Естественно, что приведенные выше критерии не могут претендовать на исчерпывающую полноту, так как преступные проявления многообразны и невозможно заранее предвидеть все ситуации, могущие возникнуть в связи с решением вопроса об освобождении от уголовной ответственности, но перечисленные ориентиры позволяют более единообразно решать вопрос о прекращении по нереабилитирующим основаниям, устранят разноречивую в практике применения различных оснований прекращения.

Возможны случаи, когда при наличии одинаковых материально-правовых условий и примерно одинаковых данных, характеризующих личность, иными словами — при наличии одинаковых оснований, необходимо все же отдать предпочтение прекращению уголовного дела с применением мер административного взыскания перед прекращением в связи с передачей материалов в товарищеский суд. Можно выделить случаи, зависящие от особенностей конкретного дела и не зависящие от них. К первым следует отнести дела, отличающиеся сложностью доказывания обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Сюда же следует включить все дела о неосторожных преступлениях. Как правильно отмечал А. М. Ларин, в этих случаях «...привлечение к административной ответственности может быть предпочтено общественному воздействию, когда ввиду чрезвычайных обстоятельств особенно важны юридические знания и

опыт профессионального судьи»¹⁰³. К этой категории относятся и дела, рассмотрение которых в товарищеском суде не будет иметь воспитательного воздействия.

К случаям, не зависящим от особенностей дела, но влекущим выбор в пользу прекращения в связи с применением мер административного воздействия, можно отнести: 1) отсутствие у правонарушителя постоянного места жительства или работы; 2) отсутствие товарищеского суда по месту жительства или работы лица; 3) разные места жительства и работы потерпевшего и обвиняемого.

На практике часть критериев, предложенных нами, находит применение. Так, если все случаи, когда при разграничении прекращения в связи с применением мер административного взыскания и в связи с передачей материалов дела в товарищеский суд использовались критерии, принять за 100%¹⁰⁴, то в 13% прошлая судимость лица, несмотря на то, что к моменту решения вопроса о прекращении уголовного дела она в законном порядке была снята или погашена, обусловила принятие решения о прекращении уголовного дела в связи с применением мер административного взыскания. Применение к лицу в прошлом мер общественного воздействия по решению товарищеского суда в том случае, когда дела передавались им в порядке ст. 7 или ст. 10 УПК РСФСР, учитывалось при избрании вида прекращения в 7%. Такой критерий, как отсутствие чистосердечного раскаяния со стороны лица, в отношении которого решается вопрос об освобождении от уголовной ответственности, лег в основу выбора прекращения в связи с применением мер административного взыскания в 20%. Самый большой процент (около 50) приходится на такой критерий, как отрицательная характеристика правонарушителя по работе или месту жительства. Причем в 40% случаев в основу отрицательной характеристики лег тот факт, что лицо за антиобщественное поведение разби-

¹⁰³ Ларин А. М. Прекращение следователем уголовного дела в связи с привлечением лица к административной ответственности, с. 63.

¹⁰⁴ Такие критерии, как сложность расследования и воспитательное воздействие, в рамках данной работы формализовать и выразить через количественные показатели не представилось возможным, поэтому сведения о них не входят в указанные 100%.

ралось на товарищеском суде. На долю таких критериев, как отсутствие у правонарушителя постоянного места жительства или работы и разные места жительства и работы потерпевшего и обвиняемого, приходится оставшиеся 8%. Не обнаружено при анализе дел, прекращенных в связи с применением мер административного взыскания, использования при разграничении такого критерия, как отсутствие товарищеского суда по месту работы или жительства лица. Но это еще не свидетельствует о том, что названный критерий вообще не используется. Возможно, он используется, но данные, свидетельствующие о выяснении этого вопроса, не находят отражения в материалах дела.

Далее, необходимо более подробно, остановиться на вопросе разграничения прекращения в связи с передачей материалов в товарищеский суд и прекращения в связи с передачей на поруки. Необходимость этого вызвана тем, что на практике разграничение этих видов прекращений в отдельных случаях почти не проводится. Так, наиболее распространенные виды квалификаций преступлений по делам, прекращаемым с передачей лица на поруки, — ст.191¹ (ч. 1 и 2), ст. 206 (ч. 1 и 2). Эти составы преступлений занимают соответственно 24,1% и 14,9% от общего количества дел, прекращаемых по этому основанию. Примерно такое же положение наблюдается при прекращении уголовных дел с передачей материалов в товарищеский суд: ст. 191¹ составляет 17,5% от общего количества дел, прекращенных по ст. 7 УПК, а ст. 206 — 12,5%. На практике число прекращенных уголовных дел, квалифицируемых по ст. 211, ч. 1, 2; ст. 212¹, ч. 1; ст. 181 УК РСФСР и др., одинаково как по основаниям, предусмотренным ст. 51, так и ст. 52 УК РСФСР.

Отказ законодателя от понятия «малозначительности» способствует еще большему размытию границ рассматриваемых оснований освобождения от уголовной ответственности. Но означает ли изменение формулировки закона изменение фактического положения вещей?

Практика применения ст., ст. 7 и 9 УПК остается на позициях, выработанных до изменения законодательной формулировки. Выбор освобождения от уголовной ответственности с передачей материалов дела в товарищеский суд означает, что лицо совершило деяние, со-

держащие признаки преступления, не представляющего большой общественной опасности, что последствия его посягательства незначительны, что для исправления его достаточен разовый акт воздействия общественности. Вместе с тем совершенно очевидно, что вывод о возможности освобождения от уголовной ответственности с передачей на поруки будет строиться на том, что для исправления лица необходимо более длительное воздействие, поскольку деяние, совершенное им, по степени тяжести опаснее, чем то, за которое могло бы быть применено освобождение от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд. Степень общественной опасности преступления и возможность освобождения лица от ответственности определяет следователь в каждом конкретном случае, исходя из всех обстоятельств дела.

Согласно старой редакции закона (ст. 52 УК) уголовное дело могло быть прекращено, а лицо передано на поруки при условии, если деяние не повлекло тяжких последствий. На наш взгляд, последствия преступного посягательства входят составной частью в характеристику степени общественной опасности преступления и выделение этого требования в самостоятельную предпосылку прекращения уголовного дела по ст. 9 УПК представляется целесообразным. Исключение законодателем этого условия прекращения уголовного дела не вполне обосновано. Дело в том, что на практике нередко встречаются случаи прекращения уголовных дел в отношении лиц, из-за халатности которых возникла крупная недостача материальных ценностей, в отношении лиц, неосторожные действия которых повлекли смерть одного или нескольких граждан, и т. п. «Причинение ущерба объекту, который имеет большую социальную значимость в системе общественных отношений, как верно отмечал И. М. Гальперин, исключает возможность признания деяния малозначительным, либо не представляющим большой общественной опасности»¹⁰⁵.

Другим моментом, определяющим возможность исправления правонарушителя без реализации уголовной ответственности и решения задач обще- и частнопреду-

¹⁰⁵ Гальперин И. М. Взаимодействие органов а общественности по борьбе с преступностью. М., 1972, с. 53.

предительного характера, является степень общественной опасности лица. Требование закона о необходимости установления по каждому уголовному делу сведений о личности правонарушителя в самом общем виде содержится в ст. 68 УПК.

Проблеме изучения личности обвиняемого в настоящее время уделяется значительное внимание¹⁰⁶. Вместе с тем ни в теории, ни в законодательстве до сих пор нет единого решения вопроса об объеме, пределах этого изучения, о форме фиксации данных о личности в процессуальных актах. Собираение и анализ сведений подобного рода, таким образом, в значительной мере зависит от деловых качеств следователя (его умения, навыков, опыта, знаний и т. п.). Как показало обобщение материалов практики, изучению личностных свойств правонарушителя не всегда уделяется должное внимание.

Личность правонарушителя применительно к прекращению уголовных дел должна рассматриваться с двух сторон: с точки зрения юридических критериев, установленных законодателем в качестве обязательных условия освобождения лица от уголовной ответственности, и в социальном аспекте, как индивид, обладающий рядом многообразных свойств.

Каковы юридические критерии, предъявляемые к личности обвиняемого при освобождении его от уголовной ответственности по рассматриваемым основаниям?

Из ст. 51 УК и ст. 7 УПК следует, что лицо может быть освобождено от уголовной ответственности с передачей дела на рассмотрение товарищеского суда, если оно совершило преступление впервые. В соответствии со ст. 52 УК и ст. 9 УПК не допускается передача на поруки лица, которое ранее было осуждено за совершение умышленного преступления либо уже передавалось на поруки. Перечисленные условия прекращения уголовных дел дают основание предположить, что совершенное в настоящем преступление (незначительное по степени общественной опасности) не есть следствие стойкой анти-

¹⁰⁶ См., напр.: Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. Л., 1968; Коршик М. Г., Степичев С. С. Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии. М., 1969; Кривошее А. С. Изучение личности обвиняемого в процессе расследования. М., 1971; Цветков П. П. Исследование личности обвиняемого. Л., 1973.

общественной направленности личности и что правонарушитель может быть исправлен без применения уголовной ответственности.

В литературе уже обращалось внимание на разнородность решения вопроса об ограничении освобождения от уголовной ответственности с передачей на поруки лиц, совершивших преступление повторно, законодательствами союзных республик¹⁰⁷. Присоединяясь к мнению С. Г. Келиной о том, что эти разногласия «не свидетельствуют о национальных или местных особенностях этих республик»¹⁰⁸, мы считаем, что единообразная законодательная регламентация вопроса повысила бы авторитет закона и в конечном счете эффективность его применения.

Существует несколько предложений, направленных на разрешение рассматриваемой проблемы. Препятствием к прекращению уголовного дела по ст. 9 УПК должны быть признаны, по мнению А. А. Лиеды, «повторность умышленного преступления или наличие в прошлом тяжкого неосторожного преступления»¹⁰⁹. Г. Б. Виттенберг считает, что освобождение от уголовной ответственности с передачей виновного на поруки может быть применено лишь к лицу, совершившему преступление впервые. Именно так решается вопрос применительно к освобождению от уголовной ответственности с передачей уголовного дела в товарищеский суд, отмечает автор¹¹⁰.

Выбор наиболее целесообразного варианта должен быть основан на анализе действующих норм права и практики их применения.

В теории уголовного права нет существенных разногласий по поводу толкования формулировки «впервые

¹⁰⁷ Келина С. Г. Указ. соч, с. 177—179; Виттенберг Г. Б. Вопросы освобождения от уголовной ответственности..., л. 2, с. 41—43; Степанов В. Г. Прекращение производства по делу с передачей виновного на поруки в процессе предварительного расследования, с. 9—10.

¹⁰⁸ Келина С. Г. Указ, соч, с 178.

¹⁰⁹ Лиеды А. А. Общественное поручительство. Рига, 1963, с. 155.

¹¹⁰ Виттенберг Г. Б. Вопросы освобождения от уголовной ответственности, ч. 2, с. 43.

совершенное преступление»¹¹¹. Признано, что «лицо может быть освобождено от уголовной ответственности по ст. 51 УК РСФСР, если преступление совершено им фактически впервые или юридически впервые, т. е. после погашения сроков давности, или погашения либо снятия судимости за ранее совершенное преступление, или после истечения срока с момента применения меры взыскания товарищеским судом за ранее совершенное преступление»¹¹². Тем не менее представляется, что с наибольшей точностью требования к личности при прекращении дела с передачей материалов в товарищеский суд выражены в ст. 52 УК Литовской ССР, где возможность освобождения лица от уголовной ответственности связывается с отсутствием в прошлом судимости и применения мер общественного воздействия. На первый взгляд различий между понятием «впервые совершенное преступление» и указанными требованиями ст. 52 УК Литовской ССР нет, поскольку первое понятие вбирает в себя два вторых¹¹³. Между тем анализ практики дает основания заключить, что законодательное решение второго порядка более соответствует реальному положению вещей. Выявление следственными органами того, впервые ли совершено преступление, сводится к получению сведений о судимости. И это не случайно. Настоящее состояние учета и контроля освобожденных от уголовной ответственности по ст. ст. 7—9 УПК не позволяет получать сколько-нибудь точную информацию о том, принималось ли в прошлом в отношении конкретного лица решение о прекращении уголовного дела.

Наконец, понятие «отсутствие судимости» означает, что лицо ранее не было судимо либо судимость погашена или снята в установленном законом порядке, в то время как формулировка «впервые совершил преступление» в своем юридическом значении не совпадает с фактическим смыслом термина «впервые», т. е. речь идет о более удачной терминологии, поскольку в первом случае одно понятие вмещает в свое содержание и фак-

¹¹¹ См.: Келина С. Г. Указ. соч., с. 159—160.

¹¹² См.: Там же.

¹¹³ Именно так и трактуется вопрос Г. Б. Виттенбергом (см.: Виттенберг Г. Б. Вопросы освобождения от уголовной ответственности, ч. 2, с. 165).

тический и юридический смысл отсутствия судимости.

На практике иногда прекращаются и передаются в товарищеский суд уголовные дела в отношении лиц, судимых фактически два и более раз. Не во всех материалах уголовных дел при этом есть сведения о снятии судимости. Но даже независимо от того, что последствия осуждения лица были сняты или погашены в установленном законом порядке, перечисленные факты говорят о том, что лица, судимые по два-три раза в прошлом и вновь совершившие преступления, едва ли заслуживают освобождения от уголовной ответственности в стадии предварительного расследования. Справедливее было бы применить к таким лицам более строгие меры и освободить их от уголовного наказания, если они в настоящем заслуживают этого, например, по основанию, предусмотренному ч. 2 ст. 50 УК РСФСР.

Исходя из законодательной регламентации, на поруки не может быть передано лицо, которое ранее было осуждено за совершение умышленного преступления либо уже передавалось на поруки. В законодательстве отсутствует запрет передавать на поруки лицо, ранее совершившее неосторожное преступление, а также лиц, ранее подвергавшихся иным (кроме передачи на поруки) общественным или административным мерам воздействия. Следовательно, степень общественной опасности правонарушителя при освобождении от уголовной ответственности с передачей его на поруки выше, чем при освобождении с передачей материалов дела в товарищеский суд. Вместе с тем следует помнить, что вывод о возможности освобождения лица от уголовной ответственности и применения к нему мер общественно-го (и административного) воздействия строится прежде всего на определении степени общественной опасности совершенного деяния, т. е. можно ли это деяние отнести к категории не представляющих большой общественной опасности.

Старая редакция закона признавала препятствием к передаче виновного на поруки отсутствие чистосердечного раскаяния. Отношение правонарушителя к содеянному — одна из наиболее ярких характеристик, позволяющих судить о глубине антиобщественной установки личности. Чистосердечное раскаяние включено законодателем в число смягчающих обстоятельств, относящих-

ся к характеристике субъекта. «Оно говорит о том, что виновный стал на путь исправления и есть основание полагать, что процесс его исправления и перевоспитаний завершится успешно»¹¹⁴. Иное означало бы (и это является общепризнанным положением), что поручительство не достигнет преследуемой им цели. Ст. 52 УК, изложенная в редакции, принятой Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 декабря 1982 г., не содержит этого условия. Из чего исходил законодатель, включая это требование из формулировки ст. 52 УК РСФСР? Возможно, это связано с тем, что понятие раскаяния в содеянном — сложная психологическая категория, лежащая в основе возникновения установки на исправление, и нюансы раскаяния от «нечистосердечного» (лживого, неискреннего), страха перед уголовно-правовыми последствиями, до «чистосердечного» едва ли могут быть уловлены следователем в любом случае безошибочно. Представляется, однако, что в подобной ситуации перед следователем и не стоит задача установления этих оттенков раскаяния. Следственным органам достаточно определить наличие активного раскаяния, которое выявляется в желании загладить причиненный вред, в активной деятельности, направленной на устранение вредоносных последствий, в желании оказать помощь в расследовании преступления и т.п. Следует заметить, что в норме уголовно-процессуального права (ст. 9 УПК) это условие сохранено. Таким образом, можно предположить, что законодатель отнес рассматриваемое условие к числу уголовно-процессуальных предпосылок освобождения лица от уголовной ответственности.

Не может быть освобождено от уголовной ответственности с передачей на поруки лицо, если оно не считает себя виновным. Может ли быть освобождено от уголовной ответственности с передачей материалов дела в товарищеский суд лицо, которое не признает себя виновным? Закон не содержит подобного ограничения. Между тем в теории уголовно-процессуального права существует мнение о том, что освобождение от уголовной

¹¹⁴ Иванова А. Учет обстоятельств, смягчающих виновность. — Соц. законность, 1974, № 1, с. 65.

ответственности на основании ст. 51 УК должно осуществляться только при наличии признания правонарушителем своей вины¹¹⁵. Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Литовской ССР включает признание вины в число обязательных условий, предшествующих прекращению уголовных дел в связи с передачей дела в товарищеский суд. Нам представляется подобное решение правильным.

Но предложенное решение значимо не для всех видов прекращения по нереабилитирующим основаниям. Мы считаем, что нет необходимости применять его при прекращении уголовных дел в связи с применением мер административного взыскания в силу того, что правильность решения органов предварительного расследования о прекращении проверяет не только прокурор при утверждении постановления о прекращении, но и судья, к которому поступают материалы прекращенного уголовного дела для решения вопроса о наложении мер административного взыскания. Как следует из ч. 2 ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 февраля 1977 г. «О порядке применения мер административного взыскания к лицам, освобожденным от уголовной ответственности в соответствии со ст. 43 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», «в случае, если факт совершения правонарушения не установлен, народный судья выносит постановление о прекращении производства по применению мер административного взыскания». Установленный порядок решения вопроса о наложении мер административного взыскания создает достаточно гарантий против необоснованного наложения на граждан этих мер.

Изучение материалов практики показало, что признание лицом вины до прекращения уголовных дел в связи с применением мер административного взыскания не рассматривается как обязательное условие, наличие которого дает возможность решить вопрос о прекращении уголовного дела по данному основанию. Так, в 17% случаев лица на предварительном расследовании не признавали себя виновными, но это не послужило препят-

¹¹⁵ См., напр.: Кузнецова Н. Ф. Освобождение от уголовной ответственности с передачей материалов дела в товарищеский суд. М., 1964, с. 21.

ствием для прекращения уголовных дел. При рассмотрении вопроса о наложении мер административного взыскания все они признали свою вину и были подвергнуты различным мерам административного взыскания.

Закон говорит о том, что не может быть передано на поруки лицо, которое по каким-либо причинам настаивает на рассмотрении дела в суде. Это правило, закрепленное в ст. 52 УК с самого начала существования института освобождения от уголовной ответственности с передачей на поруки, было предметом постоянного обсуждения, поскольку иные виды освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям не предусматривали подобного. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1981 г. внесены изменения в ст. 5¹ Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик статья дополнена частью второй, в которой содержится указание на то, что производство по делу продолжается в обычном порядке, если лицо, совершившее деяние содержащее признаки преступления, возражает против прекращения уголовного дела. Это положение является шагом вперед в совершенствовании правовых норм, являющихся составной частью института прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям. Надо отметить, что согласие лица на прекращение дела всегда рассматривалось в теории и на практике как гарантия права на реабилитацию¹¹⁶. Сужение содержания этого требования закона до уровня только уголовно-процессуальной предпосылки привело Г. Б. Виттенберга к неоправданному выводу о том, что ст. 9 УПК при наличии признания вины и чистосердечного раскаяния может применяться независимо от того, есть ли на это согласие лица или нет¹¹⁷. Более того, он предлагал именно «в таком направлении» внести изменение в действующее законодательство, обосновывая свою позицию тем, что «едва ли правильно оставить решение вопроса о вы-

¹¹⁶ См., напр.: Гуткин И. М. Передача на поруки органами дознания. М., 1961, с. 51; Степанов В. Г. Прекращение производства по делу с передачей виновного на поруки в процессе предварительного расследования, с. 17.

¹¹⁷ Виттенберг Г. Б. Вопросы освобождения от уголовной ответственности, ч. 2, с. 50.

боре той или иной формы ответственности в зависимости от желания виновного»¹¹⁸.

Возражая против подобного суждения, следует сказать, что, во-первых, речь идет не о выборе ответственности, поскольку передача на поруки не есть мера уголовной ответственности, а один из видов освобождения от таковой, во-вторых, одного лишь пожелания лица «выбрать» форму ответственности, по-видимому, недостаточно. Вопрос о виновности или невиновности лица будет решен в стадии судебного разбирательства компетентным государственным органом, и это решение явится окончательным, если не последует пересмотр дела в кассационной или надзорной инстанциях.

К критериям, разграничивающим прекращение уголовных дел в связи с передачей лица на поруки и прекращение уголовных дел в связи с передачей в товарищеский суд, и рассматриваемым одновременно в качестве условия прекращения уголовного дела по ст. 9 УПК, следует отнести наличие ходатайства общественной организации или трудового коллектива.

Соглашаясь с тем, что ходатайство общественности есть уголовно-процессуальная предпосылка освобождения от уголовной ответственности с передачей лица на поруки, едва ли можно согласиться с мнением С. Г. Келиной, будто ходатайство о передаче на поруки не характеризует личность обвиняемого¹¹⁹. Уже сам факт наличия этого документа говорит о том, что общественная организация или трудовой коллектив находят возможным поручиться за данного человека, за его дальнейшее поведение, за осуществимость его исправления, исходя, вероятно, из каких-то положительных качеств, характеризующих эту личность.

Грубейшим нарушением применения ст. 9 УПК является прекращение уголовного дела при отсутствии ходатайства общественной организации или трудового коллектива. При обобщении материалов практики этот документ не был обнаружен в 2,6% уголовных дел, прекращенных по этому основанию. Не могут быть приравнены к ходатайству о передаче на поруки решение собрания о выдвижении общественного защитника, хода-

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Келина С. Г. Указ соч., с. 48.

тайство о передаче дела в товарищеский суд, ходатайство от представителей администрации и общественных организаций.

Сопоставительный анализ двух оснований освобождения от уголовной ответственности показал, что нет четкой грани, разделяющей освобождение от уголовной ответственности с передачей материалов дела в товарищеский суд и освобождение с передачей на поруки, когда речь идет о квалификации преступления. Из этого положения со всей очевидностью вытекает, что критерии разграничения этих оснований лежат в иной плоскости: во-первых, в установлении конкретных обстоятельств, характеризующих тяжесть содеянного, во-вторых, в определении степени общественной опасности личности. При этом не следует забывать, что общественная опасность личности определяется прежде всего характером совершенного деяния, что личность освобождаемого от уголовной ответственности по одному из нереабилитирующих оснований должна рассматриваться с двух сторон: с точки зрения юридических критериев, установленных законодателем в качестве обязательных условий освобождения лица от уголовной ответственности, и как социальный индивид, обладающий присущими ему свойствами. Итак, к критериям, определяющим выбор освобождения от уголовной ответственности с передачей лица на поруки, следует отнести: 1) совершение преступления, определяемого конкретными обстоятельствами дела (умыслом, формой соучастия, степенью тяжести последствий, законностью преступного посягательства, мотивом, полнотой возможного предвидения результата преступного посягательства и т.д.) как более общественно опасного в сравнении с деяниями, предусмотренными ст. 51 УК; 2) степень общественной опасности лица при прекращении с передачей на поруки должна быть значительно выше, чем при прекращении с передачей материалов дела в товарищеский суд; 3) наличие ходатайства общественной организации или трудового коллектива.

Бесспорно, отличие двух рассматриваемых оснований освобождения от уголовной ответственности не ограничивается перечисленными моментами. Но определив с самого начала целью выделения критериев разграничения потребности практики, мы считаем, что условность

освобождения от уголовной ответственности при передаче на поруки, различия в процессуальном оформлении принятых по делу решений, а также различия в характере воспитательных мер¹²⁰ не являются таковыми (т.е. критериями разграничения). Несомненно, перечисленные положения разграничивают эти институты, но ни одно из них не может быть положено в основу решения вопроса о применении того или иного вида освобождения от уголовной ответственности. Они есть следствие уже осуществленного выбора основания освобождения от уголовной ответственности.

Применение института освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних правонарушителей в связи с передачей дела в комиссию по делам несовершеннолетних не вызывает затруднений. Вопрос отграничения этого основания прекращения уголовных дел от иных оснований прекращения практически не возникает. Законодатель закрепляет положение, согласно которому уголовное дело может быть прекращено «в отношении лица, не достигшего восемнадцатилетнего возраста, совершившего деяние, не представляющее большой общественной опасности, содержащее признаки преступления, и направлено на рассмотрение комиссии по делам несовершеннолетних, если по обстоятельствам дела и данным, характеризующим личность правонарушителя, его исправление возможно без применения уголовного наказания» (ст. 8 УПК).

Из приведенной формулировки видно, что рассматриваемое основание применяется в четко определенном законом случае: когда деяние, содержащее признаки преступления, не представляющего большой общественной опасности, совершил несовершеннолетний.

Вместе с тем, следует остановиться на встречающемся на практике неправомерном прекращении уголовных дел одновременно по п. 5 ст. 5 и ст. 8 УПК. Прекращение производства по п. 5 ст. 5 УПК означает отсутствие субъекта уголовной ответственности ввиду недостижения правонарушителем возраста, требуемого для реали-

¹²⁰ См.: Степанов В. Г. Разграничение институтов передачи виновного на поруки и направления дела на рассмотрение в товарищеский суд.— В кн.: Вопросы криминалистики, М. 1964, вып. 12, с. 109—113.

зации уголовной ответственности. Тем более недопустимо освобождение от уголовной ответственности в связи с направлением дела на рассмотрение в комиссию по делам несовершеннолетних лица, не достигшего к моменту совершения общественно опасного деяния возраста, по достижении которого, согласно закону, возможна уголовная ответственность.

Прекращение уголовных дел по ст. 8 УПК имеет в виду случаи, где обязательным условием освобождения от уголовной ответственности является наличие состава деяния, содержащего признаки преступления, не представляющего большой общественной опасности. Отсутствие субъекта уголовной ответственности означает наличие обстоятельства, исключающего производство по делу.

Глава II

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ПРЕКРАЩЕНИЙ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИМ ОСНОВАНИЯМ

Закон (ст. 5¹ Основ уголовного судопроизводства и ст. 6¹ УПК РСФСР) говорит о том, что производство по уголовному делу может быть прекращено в порядке, предусмотренном законодательством Союза ССР и РСФСР. И этот порядок, по мысли законодателя, является общим для всех видов прекращения, указанных в этой статье.

Анализ норм, относящихся к прекращению уголовных дел по реабилитирующим основаниям показывает, что в них в основном речь идет о процессуальных последствиях, которые являются общими для всех видов прекращения дел, о порядке и сроках обжалования постановлений и определений о прекращении дел, о лицах, имеющих право на обжалование. Вопросы, связанные с составлением и вынесением постановления о прекращении дела, регламентированы ст. 209 УПК РСФСР. Следовательно, то, что подразумевает ст. 5¹ Основ (ст. 6¹ УПК РСФСР) под «порядком», относится прежде всего к действиям, связанным с оформлением результата расследования или судебного разбирательства и с последствиями вынесения решения о прекращении уголовного дела.

В уголовно-процессуальном законодательстве до последнего времени порядок, предшествующий принятию решения о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям, не был урегулирован. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» ст. 5¹ Основ была дополнена частью второй следующего содержания: «Прекращение уголовного дела по основаниям, ука-

занным в настоящей статье, не допускается, если лицо, совершившее деяние, содержащее признаки преступления, против этого возражает. В этом случае производство по делу продолжается в обычном порядке¹. Аналогичное дополнение внесено в ст. 6¹ УПК РСФСР, (см.: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1983, № 32, ст. 1153). Ч. 2 ст. 5¹ Основ определенным образом усовершенствовала порядок, предшествующий принятию решения о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, но решила она только один вопрос из многих. Одним из нерешенных остался вопрос о том, следует ли до решения вопроса о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям привлекать лицо в качестве обвиняемого. Нет четкого ответа на него и в новой редакции ст. 6¹ УПК, где добавлена ч. 2 следующего содержания: «До прекращения уголовного дела лицу должны быть разъяснены сущность деяния, содержащего признаки преступления, основание освобождения от уголовной ответственности и право возражать против прекращения дела по этому основанию».

Освобождение от уголовной ответственности возможно только в том случае, когда будет установлено, что лицо несет обязанность подвергнуться осуждению (уголовная ответственность в статике), однако в силу определенных обстоятельств признается нецелесообразным реально возложить на это лицо претерпевание этой обязанности. В данном случае лицо освобождается от уголовной ответственности, от реального претерпевания государственного осуждения (уголовная ответственность в динамике). Обязанность виновного подвергнуться государственному осуждению за совершенное деяние, как и соответствующее право государства, должна быть установлена на момент привлечения лица в качестве обвиняемого, иначе у нас не будет в наличии материально-правовой предпосылки для совершения данного процессуального действия. На момент привлечения в качестве обвиняемого должны быть доказательства, с практической достоверностью устанавливающие фактические обстоятельства, указывающие на наличие в действи-

¹ См.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1981, № 33, ст. 966.

ях обвиняемого состава преступления². Эти доказательства одновременно будут свидетельствовать о том, что у данного лица существует обязанность подвергнуться осуждению. У нас не будет основания говорить о существовании такой обязанности без доказательств виновности данного лица³. Исходя из сказанного, освободить от уголовной ответственности можно только после привлечения лица в качестве обвиняемого. Но сделать это, по всем видам освобождения сразу же после привлечения лица в качестве обвиняемого практически невозможно, так в этом случае, кроме доказательств виновности, должны быть доказательства, свидетельствующие о возможности освобождения от уголовной ответственности, о возможности прекращения уголовного дела. Эти группы доказательств и будут основанием для подобного решения. Освобождение возможно до вынесения обвинительного приговора.

С другой стороны, только в случае, когда лицо до прекращения уголовного дела было привлечено в качестве обвиняемого, существуют гарантии соблюдения в уголовном процессе законных интересов лица, совершившего преступление. С момента такого привлечения лицо становится активным участником процесса, наде-

² См.: Алексеев Н. С., Лукашевич В. З. Ленинские идеи в советском уголовном судопроизводстве: (Возбуждение уголовного дела и предварительное расследование). Л. 1970, с. 78; Лукашевич В. З. Привлечение к уголовной ответственности в советском уголовном процессе. — Вестн. ЛГУ, 1980, вып. 23, с. 56, Л.-М. Карнеева и А. А. Чувилев говорят «об ошибочности концепции, в соответствии с которой необходимо достижение достоверности уже к моменту привлечения лица в качестве обвиняемого. «Причем достоверность отождествляется ими с истинностью вывода. См.: Карнеева Л. М., Чувилев А. А. Критерии оценки законности и обоснованности привлечения к уголовной ответственности. — Сов. государство и право, 1978, № 3, с. 98. Мы же, предъявляя требование достижения достоверности при привлечении в качестве обвиняемого, исходим из разных уровней достоверности. Более подробно см.: Резник Г. М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М. 1977, с. 70, 88.

³ Как справедливо отмечалось в литературе, виновность лица должна быть установлена во всех случаях освобождения его от уголовной ответственности при прекращении дел по нереабилитирующим основаниям. См.: Лукашевич В. З., Зусь Л. Б. Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования в связи с освобождением обвиняемого от уголовной ответственности и наказания. — Учен. зап./Дальневост. ун-т. Юрид. науки, 1979, т. 21, с. 60—62; Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974, с. 216.

ляется комплексом прав для отстаивания своих интересов. Эти права корреспондируются соответствующими обязанностями органов государства, что гарантирует всесторонность, полноту и объективность предварительного расследования, а значит, законность и обоснованность решения о прекращении уголовного дела. Без привлечения лица в качестве обвиняемого трудно выполнить требования закона о необходимости разъяснения лицу сущности деяния, основания освобождения, трудно выяснить согласие на прекращение уголовного дела по нереабилитирующему основанию. Для реализации этих требований возможен один путь — вынесение и предъявление постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого.

Исходя из сказанного, ст. 199 УПК РСФСР необходимо, по нашему мнению, дополнить второй частью, в которой следует закрепить требование, общее для всех форм окончания и гарантирующее правильность решения вопроса об окончании предварительного расследования. Эту часть можно сформулировать в такой редакции: «Окончание предварительного расследования возможно при выполнении всех требований, гарантирующих достижение истины по делу».

Отсутствие четкой законодательной регламентация порядка, предшествующего решению вопроса о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, привело к тому, что на практике по этой категории дел возникло два варианта производства: по первому из них дознание и предварительное следствие производится в полном объеме, с привлечением лица в качестве обвиняемого, с последующим его участием в предварительном расследовании, по второму — вопрос о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям решался без привлечения лица, в отношении которого велось уголовное преследование, в качестве обвиняемого. В связи с этим возникла возможность провести сравнительное исследование с целью определения путей дальнейшего повышения эффективности правоприменительной деятельности при прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям⁴.

⁴ Более подробно об эффективности при прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям см. главу III настоящей работы.

К. Маркс и Ф. Энгельс, отмечая важность сравнительных исследований, подчеркивали, что «сравнение, как путь теоретического обобщения, является одним из главных условий рационального метода»⁵.

Так, дела, по которым лицо, освобождаемое от уголовной ответственности в связи с применением мер административного взыскания, не привлекалось в качестве обвиняемого, составляют около 19%. Акт привлечения лица в качестве обвиняемого при освобождении его от уголовной ответственности в связи с применением мер общественного воздействия имеет место примерно в 70% прекращенных уголовных дел⁶.

Сравнение двух вариантов производства предварительного расследования дало следующие результаты: та или иная неполнота установления всех необходимых по данному виду прекращения обстоятельств по делам, по которым лицо не привлекалось в качестве обвиняемого, встречается примерно по каждому третьему делу, в то время как по делам с привлечением лица в качестве обвиняемого подобные нарушения встречаются примерно по каждому шестому делу.

Насколько первый или второй из указанных вариантов расследования обеспечивает соблюдение прав граждан, в отношении которых решался вопрос о прекращении уголовного дела в связи с применением мер административного взыскания, выяснилось по показателю, наиболее часто встречающемуся как по одному, так и по другому варианту производства: это число допросов в качестве свидетеля лица, в отношении которого у органов расследования имелось достаточно доказательств для привлечения его в качестве обвиняемого и допроса. По делам, по которым лицо не привлекалось в качестве обвиняемого, лица допрашивались в качестве свидетелей с постановкой изобличающих вопросов в среднем один раз по каждому третьему делу. Такая же картина наблюдается и по делам, по которым лицо привлекалось в качестве обвиняемого. Случаи же, когда лицо повторно допрашивалось в качестве свидетеля для уточнения обстоятельств, свидетельствующих о его винов-

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 142.

⁶ Примерно такая же картина наблюдается до другим видам прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям.

ности, по первой категории дел встречаются чаще. Подобные допросы проводились по каждому четвертому делу. По делам с привлечением лица в качестве обвиняемого такие допросы встречаются по каждому девятому делу.

Из приведенных данных видно, что производство по делам, прекращенным без привлечения лица в качестве обвиняемого, в целом уступает производству с привлечением лица в качестве обвиняемого и по достижению такой цели, как обеспечение охраны прав граждан⁷, так как количество нарушений, связанных с неполнотой установления всех необходимых по этому виду прекращения обстоятельств, находится в зависимости от того, привлекалось ли лицо в качестве обвиняемого.

Производство, в рамках которого лицо до прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям привлекалось в качестве обвиняемого, имеет больше возможностей и для достижения такой цели, как обеспечение оказания воспитательного воздействия на лиц, совершивших преступление. Об этом нам позволяет судить хотя бы тот факт, что если при первом варианте — производства с привлечением лица в качестве обвиняемого — вновь совершил преступление после прекращения уголовного дела каждый двенадцатый освобожденный от уголовной ответственности, то при втором варианте, когда лицо не привлекалось в качестве обвиняемого, — каждый восьмой. Все это позволяет сделать вывод о том, что практика прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям без привлечения лица в качестве обвиняемого не является оправданной. Производство без привлечения лица в качестве обвиняемого ставит в неравные условия граждан, в отношении которых применяется прекращение, нарушает принцип равенства граждан перед законом, поэтому нельзя согласиться с авторами, которые считают, что прекращать

⁷ Против порочной практики допроса в качестве свидетелей лиц в отношении которых дела прекращаются по ст. 7—9 УПК, выступают В. Летучих и В. Николюк. См.: Летучих В., Николюк В. О практике прекращения уголовных дел по нереабилитирующим обстоятельствам. — Сов. юстиция, 1982, № 3, с.28.

уголовные дела можно и до привлечения лица в качестве обвиняемого⁸.

Практика свидетельствует о том, что высказанные нами ранее предложения о необходимости четкой законодательной регламентации порядка, предшествующего решению вопроса о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям, более чем своевременно.

Приводя данные сопоставительного анализа, мы указывали, что, несмотря на определенные преимущества производства с привлечением лица в качестве обвиняемого, тем не менее по данному виду допускаются ошибки, связанные с той или иной неполнотой установления всех необходимых для прекращения уголовного дела обстоятельств. Распространенность данной ошибки в целом обусловлена тем, что момент привлечения лица в качестве обвиняемого и его допрос искусственно оттягиваются на конец предварительного расследования, в результате чего у следователя отсутствует возможность проверить доводы и возражения обвиняемого против предъявленного ему обвинения, что, естественно, нарушает права граждан. Поэтому совершенно справедливо замечание В. З. Лукашевича, что «предъявление обвиняемому обвинения (в конце предварительного расследования.— *А. Б., Л. В.*), его допрос и ознакомление его со всеми материалами уголовного дела превращаются (в случаях, анализируемых автором, а также в случаях, анализируемых в данной работе— *А. Б., Л. В.*) в формальность и не являются гарантиями законных интересов и прав обвиняемого, а следователь фактически предвзято относится к показаниям и ходатайствам обвиняемого...»⁹. Следует обратить внимание на то, что во всех без исключения анализируемых делах данные, дающие основание для привлечения в качестве обвиняемого, существова-

⁸ См., напр.: Борцов П. Д. Прекращение уголовного дела с применением мер административного взыскания: (О новом в уголовно-процессуальном законодательстве). — В кн: Гарантии конституционных прав личности при осуществлении правосудия. Пермь 1980, с. 83.

⁹ Лукашевич В. З. О влиянии тактических соображений на время вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. М., 1969, с. 95.

ли, как правило, уже в начале предварительного расследования.

Подводя итог, необходимо сказать, что привлечение в качестве обвиняемого, допрос и следственные мероприятия, направленные на проверку показаний обвиняемого, должны быть непременным условием, предшествующим принятию решения о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям¹⁰. Решая вопрос о привлечении в качестве обвиняемого, орган предварительного расследования должен строго следовать закону, который гласит, что такое привлечение производится при наличии достаточных доказательств, дающих основание для предъявления обвинения (ст. 143 УПК РСФСР). Именно наличием достаточных доказательств, дающих основание для предъявления обвинения, а не субъективным усмотрением органов предварительного расследования должен определяться момент привлечения в качестве обвиняемого. На третьей сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва в постановлении, принятом по докладу Генерального прокурора СССР, особое внимание было обращено на необходимость повышения качества следствия при строжайшем соблюдении законности и усилении охраны прав граждан в уголовном судопроизводстве¹¹.

Говоря о необходимости достаточных доказательств, требуемых для принятия решения об освобождении правонарушителя от уголовной ответственности в связи с применением мер административного или общественно-воздействия, нельзя обойти молчанием вопрос о предмете доказывания при прекращении уголовных дел по реабилитирующим основаниям.

Необходимость обращения к вопросу о предмете доказывания обусловлена тем, что от четкости определения предмета доказывания зависит правильность решения дела по существу, а также тем, что данный вопрос не получил достаточно глубокой теоретической разработки в литературе, посвященной вопросам прекращения

¹⁰ См.: Галкин А. Что показало обобщение судебной практики. — Сов. юстиция, 1978, № 2, с. 8 и др.

¹¹ Постановление Пленума Верховного Совета СССР по отчету Генерального прокурора СССР о деятельности прокуратуры СССР по надзору за исполнением требований советских законов об укреплении правопорядка, охране прав и законных интересов граждан. — Известна, 1985, 4 июля.

уголовных дел по нереабилитирующим основаниям, хотя во многих работах совершенно справедливо предъявляется требование, заключающееся в том, что при принятии «...решения о прекращении дела в связи с освобождением от уголовной ответственности необходимо со всей полнотой и достоверностью установить обстоятельства, составляющие предмет доказывания по уголовному делу (ст. 68 УПК РСФСР)»¹².

Понятие предмета доказывания в процессуальной литературе определяется более или менее однозначно. Под ним принято понимать систему фактов и обстоятельств, подлежащих установлению по каждому уголовному делу для правильного решения вопросов материального и процессуального права¹³. Это определение охватывает и предмет доказывания при прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям. Вопрос в другом — является ли предмет доказывания в том виде, как он сформулирован в ст. 68 УПК РСФСР, общим для всех дел или необходимо конструировать по определенной категории дел особый предмет доказывания, как это делает А. М. Ларин применительно к делам, прекращаемым по нереабилитирующим основаниям. Он предлагает «...дополнить ст. 15 Основ пунктом, согласно которому доказыванию подлежат также обстоятельства, являющиеся основаниями к освобождению от уголовной ответственности или прекращению дела в це-

¹² Никитина Л. В. Прекращение дела в стадии предварительного расследования с освобождением лица от уголовной ответственности: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Саратов, 1981, с. 13.

¹³ Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств.— М., 1964, с. 20; Он же. Основы теории доказательств в советском уголовном процессе: Учеб. пособие. Иркутск, 1970, с. 16; Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980, с. 152; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968, т. 1, с. 361, Миньковский Г. М. Пределы доказывания в советском уголовном процессе: М. 1956, с. 4.

лом»¹⁴. У данного предложения есть как сторонники¹⁵, так и противники¹⁶.

Точка зрения А. М. Ларина, которую он проводит в ряде работ¹⁷, состоит в том, что в ст. 68 УПК РСФСР сформулирован «предмет обвинения», предмет же доказывания при прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям включает в себя кроме обстоятельств, указанных в ст. 68 УПК РСФСР, обстоятельства, в силу которых привлечение к уголовной ответственности и наказание не вызывается необходимостью, т. е. предмет доказывания в этих случаях шире, по его мнению, чем при окончании дела с направлением его в суд с обвинительным заключением.

Употребление А. М. Лариным применительно к ст. 68 УПК РСФСР термина «предмет обвинения» представляется не случайным. Если обратиться к тексту этой статьи, то среди обстоятельств, которые указаны в ней, на первый взгляд нет тех, доказывание которых привело бы к решению о возможности прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. Этот вывод находит подтверждение и в комментариях некоторых ученых, даваемых применительно к данной статье. Так, например, относительно п. 3 ст. 68 УПК РСФСР М. С. Строгович пишет: «...обстоятельства (смягчающие и отягчающие ответственность обвиняемого. — Л. Б., Л. В.) имеют зна-

¹⁴ Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности /Отв. ред. В. М. Савицкий. М. 1979, с. 260.

¹⁵ См.: Алексеев Н. С. Доказывание и его предмет в советском уголовном процессе. — В кн.: Актуальные проблемы советского государства и права в период строительства коммунизма. Л., 1967, с. 451; Но кербеков М. А. К вопросу о предмете доказывания в советском уголовном процессе. — В кн.: Вопросы уголовного права и процесса. Алма-Ата, 1963, с. 169 и др.

¹⁶ См.: Колбая Г. Н. Соотношение предварительного следствия и судебного разбирательства. М., 1975, с. 66; Ф а т к у л л и н Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1973, с. 61; Теория доказательств в советском уголовном процессе. М. 1973, с. 158—159; Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве, их виды, содержание и формы. М., 1976, с. 77 и др.

¹⁷ См.: Л а р и н А. М. Работа следователя с доказательствами. М., 1966, с. 27; Он же. От следственной версии к истине. М., 1966, с. 46—47; Он же. Прекращение следователем уголовного дела в связи с привлечением лица к административной ответственности. — В кн.: Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978, с. 63.

чение для определения судом наказания лицу, признанному виновным в совершении преступления»¹⁸.

Подобная трактовка имеет определенное основание в уголовном законе, ст. 37 УК РСФСР содержит следующее положение: «При назначении наказания суд, руководствуясь социалистическим правосознанием, учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного и обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность». А последние как раз и имеют свою конкретизацию в ст. ст. 38, 39 УК РСФСР. Означает ли вышеприведенное, что предмет доказывания в том виде, в каком он изложен в ст. 68 УПК РСФСР, применим только к случаям окончания предварительного расследования с направлением уголовного дела в суд с обвинительным заключением? Для ответа на этот вопрос обратимся к противоположной точке зрения. Сторонники ее считают, что нет необходимости конструировать особые предметы доказывания для различных категорий дел, в том числе и дел, прекращаемых по нереабилитирующим основаниям, так как обстоятельства, свидетельствующие о возможности прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, устанавливаются «...в рамках одного или нескольких пунктов ст. 15 Основ (ст. 68 УПК)¹⁹. Отстаивая идею о единстве предмета доказывания для всех категорий дел, некоторые ученые тем не менее выделяют в предмете доказывания «...обстоятельства, которые по действующему законодательству

могут освободить виновного от уголовной ответственности и наказания (ст. ст. 50—51 УК и ст. ст. 6—10 УПК РСФСР)²⁰. Подобное высказывание, по сути дела, снимает различие между приведенными точками зрения, да и указание на то, что обстоятельства, свидетельствующие о возможности прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям устанавливаются «в рамках одного или нескольких пунктов ст. 15 Основ (ст. 68 УПК)», отличаясь высокой степенью общности, не дают

¹⁸ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. I, с. 365.

¹⁹ Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 160; см. так же: Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания, с. 61 и др.

²⁰ Фаткуллин Ф. Н. Там же, с. 57.

конкретного представления о механизме возникновения решения о возможности прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям.

Для выяснения того, есть ли необходимость в конструировании особого предмета доказывания применительно к делам, превращаемым по нереабилитирующим основаниям, необходимо обратиться к анализу отдельных обстоятельств, предусмотренных ст. 68 УПК РСФСР²¹.

Представляется совершенно бесспорным то положение, что при прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям деяние, виновность и связанные с ними обстоятельства должны быть установлены в таком же объеме, как и при окончании предварительного расследования с составлением обвинительного заключения. Это обусловлено тем, что не только вынесение неправосудного приговора нарушает права граждан и подрывает доверие к режиму законности в стране, нарушают права граждан и подрывают доверие к режиму законности постановления о прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям, вынесенные при отсутствии достоверной установленности деяния и лица, его совершившего.

При полном и объективном установлении обстоятельств, указанных в пп. 1 и 2 ст. 68 УПК РСФСР при установлении их соответствия нормам уголовного закона можно прийти к выводу, что деяние, совершенное виновным, относится к категории преступлений, не представляющих большой общественной опасности. Но данный вывод не является еще основанием для решения вопроса о возможности прекращения уголовного дела, наоборот, установление обстоятельств пп. 1 и 2 ст. 68 УПК является основанием для привлечения виновного к уголовной ответственности.

Обратимся теперь к анализу обстоятельств, указанных в п. 3 ст. 68 УПК. Как говорится в законе, их установление влияет на степень и характер ответственности. В этом пункте нет указаний на то, что необходимо доказывать обстоятельства, свидетельствующие о возмож-

²¹ Все обстоятельства предмета доказывания тесно связаны между собой, влияют друг на друга, но не все они равнозначны, можно выделить такие, от установления которых (пп. 1—4 ст. 68 УПК РСФСР) будет зависеть судьба дела.

ности исправления и перевоспитания лица без реализации уголовной ответственности. Содержащееся в этом пункте (кроме ссылки на ст. ст. 38 и 39 УК РСФСР) требование, что подлежат доказыванию иные обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, имеет отношение, как следует из сопоставления данного указания с началом п. 3 ст. 68 УПК РСФСР, также к установлению характера и степени ответственности виновного.

Чтобы разобраться в значении этого пункта при прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям, прежде всего, следует определить, что имеет в виду законодатель под иными обстоятельствами. Анализируя уголовное законодательство, можно сделать вывод, что под иными обстоятельствами следует понимать те, о которых говорит ст. 38 УК РСФСР в ч. 2, указывая, что при назначении наказания суд может признать смягчающими ответственность и другие обстоятельства. Этот вывод основан на том, что только эта статья, в отличие от ст. 39 УК РСФСР, подлежит расширительному толкованию. К иным обстоятельствам должны быть также отнесены обстоятельства, которые по своему характеру не могут быть смягчающими (например, отрицательная характеристика по месту жительства или работы), но не включены законодателем в перечень обстоятельств, отягчающих ответственность.

Иные обстоятельства могут быть самого различного характера, что зависит от конкретных обстоятельств дела. Наличие (или отсутствие) обстоятельств, указанных в ст. ст. 38, 39 УК РСФСР, а также иных обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, должно быть безусловно установлено по каждому уголовному делу, как по прекращаемому по нереабилитирующим основаниям, так и по делу, предварительное расследование которого заканчивается составлением обвинительного заключения. Приведенное высказывание на первый взгляд заводит в тупик, так как становится неясно, чем же следует руководствоваться, прекращая дела по указанным основаниям, если предмет доказывания как при прекращении, так и при окончании дела с составлением обвинительного заключения и направлением дела в суд, одинаков.

Ни одно обстоятельство, указанное в ч. 1 ст. 38, а так-

же ни одно из обстоятельств, которое по характеру подпадает под ч. 2 ст. 38 УК РСФСР, само по себе не влечет возможности постановки вопроса об освобождении от уголовной ответственности. Даже при установлении совокупности обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность (ч. 1 и 2. ст. 38 УК РСФСР), и при отсутствии обстоятельств, отягчающих ее (ст. 39 УК РСФСР), у нас еще не будет оснований для постановки этого вопроса. Только в случае, когда установленные по делу данные о деянии дадут возможность отнести его к категории не представляющих большой общественной опасности, а в деле имеется совокупность обстоятельств, смягчающих ответственность, становится возможным решить вопрос о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. При отсутствии же этих данных, свидетельствующих о деянии, не представляющем большой общественной опасности, вторая группа данных может влиять только на степень и характер наказания, может привести к решению о назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено законом, или может обусловить принятие решения об условном осуждении, но не может обусловить решение об освобождении от уголовной ответственности. Именно этим отличаются решения в случае прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям от решения при окончании предварительного расследования с составлением обвинительного заключения.

Как было уже сказано, предмет доказывания при прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям полностью определяется ст. 68 УПК РСФСР и укладывается в ее рамки. Однако существует необходимость, раскрывая содержание предмета доказывания при прекращении уголовных дел в связи с применением мер административного или общественного воздействия, особо выделить обстоятельства, позволяющие отграничить данные виды прекращения друг от друга. Выделение этих обстоятельств никоим образом не подчеркивает их исключительность, почти все они входят в содержание ч. 1 ст. 68 УПК РСФСР, оно предпринято для облегчения на практике решения вопроса при выборе конкретного вида прекращения.

К обстоятельствам, позволяющим отграничить прекращение в связи с применением мер административно-

го взыскания от прекращения в связи с передачей материалов в товарищеский суд относятся: совершение лицом в прошлом преступления, несмотря на то, что судимость за него снята или погашена; совершение преступления после применения через товарищеский суд мер общественного взыскания за совершенное ранее преступление; отсутствие чистосердечного раскаяния лица, в отношении которого решается вопрос об освобождении от уголовной ответственности; отрицательная характеристика виновного по работе или месту жительства.

При разграничении прекращения в связи с применением мер административного взыскания и прекращения в связи с передачей материалов дела в товарищеский суд необходимо учитывать и такое обстоятельство, как отсутствие постоянного места жительства или работы у виновного. Выделение его обусловлено тем, что трудно рассчитывать на правильное применение мер общественного воздействия и достижение в результате их применения исправления и перевоспитания лица, которого плохо знают члены товарищеского суда и коллектив (это при условии, если гражданин является временным или сезонным рабочим или имеет временную прописку в определенном населенном пункте, при отсутствии же этого вопрос о прекращении в связи с передачей в товарищеский суд вообще не может быть поставлен, так как у лица нет никакой связи с тем или иным коллективом). Указанное обстоятельство также должно найти отражение в материалах дела. Но при отграничении прекращения в связи с передачей материалов в товарищеский суд, в иных случаях необходимо использовать и дополнительные критерии. Выделение таких критериев, как отсутствие товарищеского суда по месту жительства или работы, следует считать вынужденной мерой, так как при наличии основания для прекращения уголовного дела с передачей в товарищеский суд должен применяться только данный вид прекращения, но не везде на местах созданы и функционируют товарищеские суды. Передача дела в товарищеский суд без выяснения вопроса о том, существует ли он, привело бы и пока приводит к фактической безответственности правонарушителя. Поэтому представляется необходимым во всех

случаях при решении вопроса о прекращении уголовного дела с передачей в товарищеский суд выяснить вопрос о наличии товарищеского суда по месту жительства или работы правонарушителя. Это можно сделать путем истребования справок от общественных организаций о существовании товарищеского суда, и только после получения официального ответа следует прекратить уголовное дело по тому или иному виду в зависимости от результатов справки. Вопрос о существовании товарищеского суда можно выяснить по телефону, но и в этом случае к делу необходимо приложить справку о результатах выяснения, составленную органами расследования.

Можно выделить еще одну группу критериев разграничения. Это сложность расследования и то, будет ли рассмотрение дела в товарищеском суде оказывать воспитательное воздействие. Эти критерии носят иной характер, чем рассмотренные выше. Ведь сложность расследования и то, будет ли иметь воспитательное воздействие рассмотрение дела в товарищеском суде, невозможно установить с помощью средств, предложенных ранее. Сложность расследования—это производная от того, сколько сил и средств необходимо затратить на установление истины по делу, от квалификации лиц, ведущих расследование и судебное разбирательство. А о том, будет ли оказывать воспитательное воздействие рассмотрение дела в товарищеском суде, можно судить, исходя из уже установленных обстоятельств по делу. Последние две группы критериев не входят в предмет доказывания при прекращении уголовного дела в связи с применением мер административного взыскания.

Конкретизируя предмет доказывания при прекращении уголовных дел с передачей в товарищеский суд либо с передачей на поруки, необходимо помнить, что в предмет доказывания входят обстоятельства, закрепленные законом в качестве условий освобождения от уголовной ответственности, которые одновременно отграничивают названные основания прекращения. Применительно к прекращению уголовных дел с передачей в товарищеский суд речь идет о таких обстоятельствах, как совершение деяния, отнесенного ст. 51 УК РСФСР к числу не представляющих большой общественной опасности; характер деяния и личность правонарушителя должны свидетельствовать о том, что лицо может быть исправ-

лено без реализации уголовной ответственности с помощью мер общественного воздействия; деяние, содержащее признаки преступления, должно быть совершено впервые.

В предмет доказывания при прекращении уголовного дела с передачей лица на поруки должны быть включены обстоятельства, отнесенные законом к условиям применения этого вида освобождения лица от уголовной ответственности, которые служат вместе с тем критериями разграничения названных видов. К ним могут быть отнесены совершение преступления, определяемого конкретными обстоятельствами дела как более общественно опасное в сравнении с деяниями, предусмотренными ст. 51 УК РСФСР; отсутствие судимости лица за совершение умышленного преступления, неприменение к нему в прошлом этого вида освобождения от уголовной ответственности. Перечисленные обстоятельства являются основанием, определяющим выбор данного вида прекращения уголовного дела.

Как уже отмечалось ранее, особенности прекращения дела с направлением несовершеннолетнего в комиссию по делам несовершеннолетних объясняются возрастной характеристикой личности- подростка. В соответствии с ч. 4 ст. 10 УК РСФСР несовершеннолетний правонарушитель может быть освобожден от уголовной ответственности и наказания с направлением его в комиссию по делам несовершеннолетних для рассмотрения вопроса о применении к нему принудительных мер воспитательного характера при наличии условий, перечисленных в части третьей настоящей статьи. К этим условиям относятся: 1) совершение преступления в возрасте до 18 лет; 2) преступление не должно представлять большой общественной опасности.

Следовательно, в предмет доказывания по делу при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности с направлением несовершеннолетнего в комиссию по делам несовершеннолетних должны быть включены фактические данные, определяющие возможность сделать вывод о том, что несовершеннолетний может быть исправлен без применения мер уголовного наказания. Ни уголовно-правовая (ч. 4 ст. 10 УК РСФСР), ни уголовно-процессуальная (ст. 8 УПК РСФСР) нормы не содержат иных требований либо ограничений для

применения этого основания освобождения от уголовной ответственности. Вместе с тем, например, ст. 9 УПК УССР в числе условий, дающих возможность освободить несовершеннолетнего от уголовной ответственности, включает отсутствие возражения несовершеннолетнего или его законного представителя. Предоставление лицу (в том числе несовершеннолетнему) права не согласиться с прекращением уголовного дела по одному из нереабилитирующих оснований теперь является правилом, закрепленным в союзном уголовно-процессуальном законодательстве (ст. 5¹ Основ). Что же касается предоставления такого права законному представителю по делам о преступлениях несовершеннолетних, то этот вопрос несомненно представляет интерес с точки зрения усиления гарантий права на защиту несовершеннолетнего. Разбираемое условие, естественно, не входит в предмет доказывания», так как к моменту выяснения его доказывание по делу уже завершилось.

Закон не ограничивает возможность прекращения уголовного дела в отношении несовершеннолетнего требованием совершения преступления впервые. Из общего числа освобожденных от уголовной ответственности по этому основанию (по материалам обобщения практики) к 11% несовершеннолетних правонарушителей ранее уже применялись меры общественного воздействия. При этом следует учесть, что сведения о применении либо неприменении указанных мер есть не во всех уголовных делах: в одних случаях это упущение следователей, в других — вина комиссий по делам несовершеннолетних, не отвечающих своевременно на запросы следственных органов.

Права, на наш взгляд, авторы, отмечаящие как недостаток практику прекращения уголовных дел по ст. 8 УПК в отношении несовершеннолетних, противоправное поведение которых уже было предметом рассмотрения комиссии по делам несовершеннолетних²². Практика, к

²² См. Виттенберг Г. Б. Вопросы освобождения от уголовной ответственности и наказания..., ч. 2, с. 213; Особенности производства по делам о преступлениях несовершеннолетних: Учеб. пособие / Под ред. В. Я. Рыбальской. Иркутск, 1972, с. 133; Келин С. Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности, с. 132—133.

сожалению, дает немало примеров того, что подростки, подвергавшиеся мерам общественного воздействия и не сделавшие выводов для себя, не оправдали гуманного отношения к ним со стороны государства в лице его компетентных органов и в дальнейшем так и не осознали необходимости собственного исправления.

В связи с этим представляется, что включение в закон запрета освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности с направлением его в комиссию по делам несовершеннолетних в том случае, если к нему ранее уже применялись меры общественного воздействия, более соответствовало бы смыслу рассматриваемого института.

Устанавливая некоторые особенности производства по делам несовершеннолетних, законодатель обращает внимание на необходимость выяснения точного возраста подростка. Требование это должно выполняться с той же тщательностью и при решении вопроса об освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности с направлением его в комиссию по делам несовершеннолетних. В работе уже обращалось внимание на встречающиеся на практике случаи прекращения уголовных дел одновременно по ст. 5 п. 5 и ст. 8 УПК, а также прекращения уголовных дел по ст. 8 УПК в отношении лиц, не достигших возраста, требуемого для реализации уголовной ответственности. В последнем случае основанием освобождения от уголовной ответственности является недостижение возраста уголовной вменяемости²³. По результатам обобщения практики в отношении несовершеннолетних, не достигших требуемого возраста, прекращено по ст. 8 УПК 5,4% уголовных дел. Эти ошибки при прекращении уголовных дел — следствие неверного толкования правовых норм. Законодатель достаточно четко проводит разграничение названных оснований освобождения от уголовной ответственности.

Требование изучения обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, обязательно при осуще-

²³ На наш взгляд, справедливо замечание В. Я. Рыбальской о неправомерности «тотальной оккупации» судебной психиатрией понятий вменяемости и невменяемости. См. об этом: Особенности производства по делам о преступлениях несовершеннолетних, с. 56—57.

ствлении предварительного расследования по всем категориям дел. Получение сведений о личности обвиняемого, в отношении которого решается вопрос об освобождении от уголовной ответственности, приобретает особое значение. Нами уже рассматривался вопрос о необходимости получения информации о конкретных свойствах личности, которые обязательно должны быть учтены при прекращении дела по рассматриваемым основаниям. Однако едва ли правомерно ограничиваться в данных случаях получением лишь этих сведений о личности. Человеческая деятельность определяется потребностями, которые проявляются вовне через мотивационную сферу. Установить степень общественной опасности личности невозможно без установления мотивов совершенного преступления. Наконец, недостаточно знать правонарушителя только в таком качестве.

Исследование проявлений личности в разных аспектах деятельности, ее психологических свойств, условий ее формирования — задача следственных органов. Из материалов уголовных дел видно, что получение сведений о личности правонарушителя в рассматриваемом плане сводится чаще всего к формальному истребованию характеристики с места работы (учебы) и места жительства без дальнейшего анализа полученных данных. Это приводит к необоснованным выводам о возможности применения к лицу мер общественного или административного воздействия.

Другая сторона проблемы состоит в том, что нередко характеристики являют собой не объективную информацию о личности, а формальную отписку, в которой значителен: «По месту жительства замечаний (жалоб) не поступало, к работе относится добросовестно, производственный план выполняет, взысканий не имеет». Следственные органы должны критически подходить к такого рода характеристикам²⁴. Только в 67% уголовных дел, прекращенных по ст. 9 УПК РСФСР, есть сведения об участии следователя в собраниях общественности, что говорит о том, что следственные органы далеко не всегда используют эту возможность получения

²⁴ См. об этой стороне проблемы: Аршевский М. Характеристики должны быть объективными. — Соц. законность, 1964, № 8, с. 59.

сведений о личности освобождаемого от уголовной ответственности.

Уголовно-процессуальное законодательство, исходя из гуманных соображений, учитывая возрастные особенности подростков, специфику их психологического склада, предусматривает дополнительные гарантии установления истины, охраны прав и законных интересов несовершеннолетних правонарушителей. Этому, в частности, служит установление некоторых особенностей пределов изучения личности несовершеннолетних. Ст. 392 УПК РСФСР возлагает на следственные органы обязанность выяснения условий жизни и воспитания подростка, причин и условий, способствовавших совершению им преступления.

Необходимость исследования указанных обстоятельств вытекает из общих задач советского судопроизводства, и здесь, как и по другим категориям дел, важнейшим моментом является изучение личности с точки зрения выяснения причин, порождающих преступность. «Не изучив личность несовершеннолетнего правонарушителя, условия, в которых он живет и воспитывается, вряд ли можно вести хоть сколько-нибудь серьезную работу по предупреждению вообще и, в частности, по предупреждению последующей преступной деятельности данного подростка»²⁵.

Исследование проблемы показало, что сведения об условиях жизни и воспитания подростка имеются в 89,2% уголовных дел, прекращенных по ст. 8 УПК. Что касается выводов о причинах и условиях, способствующих совершению преступлений, то их количество составляет всего лишь 29% от числа дел, прекращенных по этому основанию. Из приведенных цифровых данных видно, что реализация требований закона осуществляется на практике далеко не полно и не всегда. На это обстоятельство должно быть обращено внимание органов, осуществляющих расследование дел о преступлениях несовершеннолетних.

В литературе к решениям о прекращении дела по реабилитирующим основаниям предъявляется требова-

²⁵ Чуковская Н. И. Деятельность следователя и суда по предупреждению преступлений несовершеннолетних. М., 1967, с. 7.

ние, чтобы они выражали объективную истину²⁶. Это требование нуждается в следующем уточнении: относится ли оно к обстоятельствам, устанавливаемым в порядке ст. 68 УПК РСФСР²⁷, или к основанию для решения вопроса о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (выводу о «...необходимости окончить расследование по делу именно в этой форме») ²⁸. Для разрешения этой проблемы обратимся к тому, что понимается под истиной.

Проблема истины в уголовном процессе очень сложна и многообразна. При изложении будут приниматься во внимание только те положения данной проблемы, разрешение которых способствует более детальному рассмотрению вопроса.

Марксистско-ленинская философия под истиной понимает правильное отражение в нашем сознании объективной действительности, т. е. соответствие наших знаний объективной действительности. В истине заключается и субъективный момент, так как она является человеческой истиной, а не истиной вообще, ничьей истиной. В. И. Ленин по этому поводу писал, что наши ощущения, понятия являются субъективными образами объективных явлений: «Ощущение есть субъективный образ объективного мира» ²⁹.

Важнейшим положением марксистско-ленинской теории познания является положение - о познаваемости мира и о принципиальной возможности достижения истины, но эта принципиальная возможность достижения истины не является абсолютной. Ф. Энгельс писал, что «человеческое мышление столь же суверенно, как несуверенно, и его способность познания столь же неограниченна, как и ограничена. Суверенно и неограниченно по своей природе, призванию, историческое конечной цели; несуверенно и ограничено по отдельному осуществлению, по данной в то или иное время действительности» ³⁰.

²⁶ См.: Колбая Г. Н. Соотношение предварительного следствия и судебного разбирательства, с. 99; Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса, с. 135 и др.

²⁷ См.: Манаев Ю. В. Обоснованность процессуальных решений следователя. — Сов. государство и право, 1978, № 5, с. 87.

²⁸ Дубинский А. Я. Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования, с. 102.

²⁹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 18, с. 120.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 20, с. 88.

Первое, на что следует обратить внимание в этих высказываниях, является то, что понятие истины связывается с правильным отражением в сознании познающего действительности, т. е. не только того, что происходит в данный момент, но и того, что происходило до акта познания.

Из сказанного применительно к предмету доказывания при прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям следует вывод: все факты и обстоятельства, относящиеся к моменту, предшествующему совершению преступления, возникшие как в момент совершения преступления, так и после него и входящие в предмет доказывания по делу, должны быть установлены с полной достоверностью, соответствовать объективной истине, т. е. наши знания о них должны соответствовать тому, что имеет или имело место в действительности. Но установление этих фактов не влечет само по себе прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. Основанием для такого решения является вывод о возможности исправления и перевоспитания лица, совершившего преступление, без реализации уголовной ответственности. Естественно, что этот вывод выходит за пределы предмета доказывания, хотя обоснование его лежит в границах предмета доказывания. Этот вывод относится к будущему и, основываясь на данных действительности, носит прогностический характер³¹. Поэтому к выводу о возможности исправления лица без реализации уголовной ответственности нельзя предъявлять требование истинности. Прекращение дел по нереабилитирующим основаниям связано с определенным элементом риска. Ведь не исключена возможность появления в будущем обстоятельств, ставящих под сомнение правильность первоначального вывода. При исчерпывающей же совокупности доказательств, устанавливающих факты и обстоятельства, входящие в предмет доказывания, из них с очевидностью может следовать только вывод — о существовании (не существовании) в прошлом определенного факта, обстоятельства. Если доказательства установили истину, то невозможно появление доказательств, вносящих коррективы в вывод о существовании (не существовании) искомым фактов и обстоятельств.

³¹ См. также: Ларин А. М. Прекращение следователем уголовного дела в связи с привлечением лица к административной ответственности, с. 64.

Вышеприведенное решение вопроса об истине при прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям позволяет дать решение еще одному спорному вопросу теории — вопросу о том, вправе или обязан орган предварительного расследования при установлении оснований, предусмотренных в законе, прекращать уголовное дело. Г. Б. Виттенберг писал, что «...установление в конкретном случае наличия предусмотренного законом основания для применения к виновному той или иной формы освобождения от уголовной ответственности с передачей дела на рассмотрение общественности означает, что реальное осуществление такого освобождения составляет не только право, но и обязанность соответствующих следственно-судебных органов»³². Следует сразу заметить, что закон не предъявляет подобных требований к следственно-судебным органам. Но даже не это главное. Закон мог бы говорить об обязанности органов прекращать уголовное дело по нереабилитирующим основаниям в том случае, если бы исходил из предпосылки, что, формулируя вывод о возможности исправления и перевоспитания виновного без реализации уголовной ответственности с помощью мер административного или общественного взыскания, лицо, решающее вопрос о прекращении, может достичь объективной истины. Но это не так. Как было показано выше, в данном случае можно только прогнозировать поведение виновного. Знание в этом случае носит вероятный характер; решая вопрос о прекращении, органы исходят из предположения, что при наличии определенной совокупности данных, как правило, следует ожидать позитивного поведения лица, освобожденного от уголовной ответственности. Насколько верны подобные предположения, может показать только будущее. Подтверждение в будущем предположения не свидетельствует о том, что оно уже в момент возникновения было истинным, это свидетельствует о том, что предположение имело под собой достаточно серьезное основание, говорит о правильности оценки конкретной жизненной ситуации.

После установления обстоятельств дела, входящих в

³² Виттенберг Г. Б. Уголовная ответственность и ответственность перед общественностью. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью по советскому законодательству. Иркутск, 1979, с. 63. См. также: Куцева Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе: (Предмет, цель, содержание), М., 1973, с. 189.

предмет доказывания, до принятия решения о прекращении уголовного дела по одному из нереабилитирующих оснований лицо, производящее предварительное расследование, должно выяснить согласие обвиняемого на прекращение уголовного дела.

Согласие выясняется во всех случаях прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям. Оно должно быть выяснено после ознакомления обвиняемого со всеми материалами дела. Данное процессуальное действие имеет большое значение, так как от его результатов зависит дальнейшая судьба дела, поэтому, как представляется, оно должно находить обязательное отражение в протоколе объяснения об окончании предварительного следствия (ст. 203 УПК РСФСР).

Ст. 199 УПК РСФСР называет прекращение уголовного дела одной из форм окончания предварительного расследования. Окончание предварительного расследования не единовременный акт, а совокупность процессуальных действий, складывающихся из уведомления потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей об окончании предварительного расследования, разъяснения им права на ознакомление с материалами дела, реализации этого права, рассмотрения заявленных ходатайств указанных лиц, принятия по ним решения (ст. 200 УПК); объявления обвиняемому об окончании расследования и о праве на ознакомление со всеми материалами дела как лично, так и с помощью защитника, о праве на заявление ходатайств (ст. ст. 201 — 203); рассмотрения ходатайств обвиняемого и его защитника о дополнении предварительного следствия (если таковое поступило), принятия по нему решения (ст. 204 УПК); составления обвинительного заключения либо вынесения постановления о направлении дела в суд для решения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера или постановления о прекращении дела (ст.ст. 199, 205, 206, 208, 209 УПК); направления уголовного дела или копии постановления о прекращении уголовного дела прокурору (ст. 207, ч. 3 ст. 209 УПК); деятельности прокурора по надзору за окончанием предварительного следствия (ст. ст. 210, 213—217 УПК).

В соответствии с изменениями и дополнениями уголовно-процессуального законодательства, внесенными

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 августа 1983 г., до прекращения уголовного дела по одному из нереабилитирующих оснований (ст. ст. 6²—9 УПК РСФСР) «лицу должны быть разъяснены сущность деяния, содержащего признаки преступления, основание освобождения от уголовной ответственности и право возражать против прекращения дела по этому основанию» (ст. 6¹ УПК РСФСР).

Первым процессуальным действием после признания предварительного расследования законченным, а собранных доказательств достаточными для составления обвинительного заключения является уведомление об этом потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей с одновременным разъяснением им права на ознакомление с материалами дела (ст. 200 УПК). Признавая прекращение уголовного дела одной из форм окончания предварительного расследования, закон по непонятным причинам относит уведомление потерпевшего о прекращении уголовного дела к моменту направления копии постановления прокурору (ст. 209 УПК) и не требует разъяснения ему права на ознакомление с материалами дела, лишая, таким образом, данного участника уголовно-процессуальных отношений возможности участвовать в деле.

На нечеткость законодательной регламентации процессуальных прав потерпевшего как одной из причин недостаточной активности его при окончании предварительного расследования указывают и другие авторы³³.

Приказом Генерального прокурора СССР от 16 июня 1960 г. обращается особое внимание на то, что потерпевший при прекращении уголовного дела с передачей виновного на поруки «должен быть поставлен в известность о таком решении и ему должна быть представлена возможность ознакомиться с материалами уголовного дела, а его доводы учитываются следователем при решении вопроса о прекращении уголовного дела»³⁴.

Права, на наш взгляд, авторы научно-практического комментария УПК РСФСР, считающие, что при несвязан-

³³ См., напр.: Калмыков Ю. Н. Окончание предварительного следствия с составлением обвинительного заключения: Автореф. дис. канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1968, с. 9.

³⁴ См.: Социалистическая законность, 1960, № 8, с. 84.

ности следственных органов позицией потерпевшего при прекращении уголовного дела целесообразно вызвать его и заслушать соображения данного участника уголовного процесса до постановления решения³⁵. Для реализации этого предложения необходимо указать в законе на существование у потерпевшего права ознакомиться с материалами уголовного дела при прекращении по нереабилитирующим основаниям.

К сожалению, приходится констатировать, что уже предоставленное потерпевшему право на обжалование постановлений о прекращении уголовного дела в связи с применением мер административного или общественного воздействия гарантируется органами предварительного расследования далеко не по каждому делу. Несмотря на существование в законе требования уведомлять лицо, в отношении которого прекращено дело, и потерпевшего о прекращении уголовного дела, такое уведомление производится не по всем делам. Причем потерпевшие о прекращении уголовного дела уведомляются гораздо реже, чем обвиняемые, что, естественно, практически лишает их возможности воспользоваться предоставленным им законом правом. Так, если обвиняемые уведомлялись в 48% случаев, то потерпевшие при прекращении уголовного дела с применением мер административного взыскания — в 18%, а при прекращении с применением мер общественного воздействия — в 36,9%.

На практике круг лиц, уведомляемых о прекращении уголовного дела в связи с применением мер административного и общественного взыскания, шире, чем круг лиц, предусмотренный ч. 2 ст. 6², ч. 2 ст. 7, ч. 2 ст. 8, ч. 4 ст. 9 УПК РСФСР. Хотя лица или организация, заявившие о преступлении и не признанные потерпевшими по нему, не указаны в числе лиц, которые должны уведомляться о прекращении уголовного дела, тем не менее в 12% дел, прекращенных в стадии предварительного расследования, содержатся уведомления заявителей о прекращении уголовного дела в связи с применением мер административ-

³⁵ Научно-практический комментарий УПК РСФСР/Под ред. Л. Н. Смирнова). М., 1970, с. 17. См. также; Мендельсон Г. А. Передача на поруки лиц, совершивших преступления, не представляющие большой общественной опасности. М., 1963, с. 69; Катькало С. И. О передаче дел частного обвинения в товарищеский суд. — Вести. ЛГУ, 1963, № 23, с. 128—129.

ного или общественного воздействия. Данная практика не противоречит действующему уголовно-процессуальному законодательству, она осуществляется в его рамках (ч. 3 ст. 209 УПК РСФСР). Уведомление заявителей расширяет границы действия принципа гласности в рамках уголовного процесса, ставит в более широких масштабах деятельность органов предварительного расследования при прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям под контроль общественности. Незначительное же число уведомлений заявителей о прекращении уголовного дела, на наш взгляд, объясняется отсутствием указания на них как на лиц, которых необходимо уведомлять и которые имеют право на обжалование согласно ч. 2 ст. 6², ч. 2 ст. 7, ч. 2 ст. 8, ч. 4 ст. 9 УПК РСФСР. Для нормализации практики уведомления заявителей необходимо данные статьи привести в соответствие с ч. 3 ст. 209 УПК РСФСР.

Отсутствие четкой законодательной регламентации права обвиняемого на ознакомление с материалами дела при его прекращении на практике приводит к тому, что, например, при прекращении в связи с применением мер административного взыскания обвиняемые знакомились с материалами дела всего в 6,4% случаев от общего числа дел, которые расследовались с участием обвиняемого, хотя Верховный Суд РСФСР ориентирует практику на обязательное ознакомление обвиняемых с материалами уголовного дела до прекращения его в связи с применением мер административного взыскания³⁶. Рекомендацию Верховного Суда необходимо выполнять во всех случаях, когда решается вопрос о прекращении уголовного дела по тому или иному нереабилитирующему основанию. Преимущества данного подхода неоспоримы: ознакомление лица с собранными по делу материалами обеспечивает его активное участие на заключительном этапе расследования, позволяет своевременно устранить недостатки предварительного расследования и в конечном итоге гарантирует реальность осуществления обвиняемым права, на обжалование постановления органов расследования о прекращении уголовного дела в связи с применением мер административного или общественного воздействия.

³⁶ См.: Бюллетень Верховного суда РСФСР, 1977, № 11, с. 15—16.

Представляется, что при наличии у обвиняемого желания ознакомиться с материалами дела с помощью защитника ему должна предоставляться такая возможность.

Практика ознакомления обвиняемого с материалами оконченого производства должна всемерно поддерживаться, т. е. в данном случае предлагаем распространить на данную категорию дел действие ст. ст. 201, 202, 203 и 204 УПК РСФСР, а также знакомить с материалами дела потерпевшего и других заинтересованных лиц (ст. 200 УПК РСФСР) с учетом тех ограничений, которые сформулированы в ст. 120 УПК РСФСР.

В уголовно-процессуальном законодательстве до сих пор не решен вопрос о порядке уведомления обвиняемого (и других заинтересованных лиц) о прекращении уголовного дела. Это обстоятельство породило разноречивую в следственной практике. В одних случаях обвиняемый и другие заинтересованные лица уведомляются письмом-извещением о праве на обжалование постановления следователя, копия этого письма приобщается к делу, в других — копией постановления о прекращении дела, устным объявлением постановления с отметкой на нем об уведомлении указанных лиц о прекращении производства. Иногда в конце постановления о прекращении уголовного дела содержится пункт, указывающий на необходимость извещения обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика (их представителей) о прекращении дела.

По-разному решается этот вопрос в законодательстве союзных республик. Многим авторам наиболее верным представляется решение этого вопроса в ст. 180 УПК Казахской ССР и в ст. 217 УПК Азербайджанской ССР, где говорится об обязательном вручении обвиняемому копии постановления о прекращении уголовного дела³⁷. Мы же считаем более правильным уведомление письмом-извещением.

Исходя из требований закона, в уведомлении о прекращении уголовного дела должна содержаться информация не только о принимаемом по делу решении, но

³⁷ О праве обвиняемого на вручение ему копии постановления о прекращении уголовного дела как одного из условий реальности прав обвиняемого см.: К уцева Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе, с. 43.

также и о сроке и порядке обжалования этого решения. Однако формальные уведомления без указания срока и порядка обжалования составляют 21% от общего числа уведомлений, т. е. в данных случаях подобным уведомлением не гарантируются права обвиняемого, потерпевшего и других заинтересованных лиц.

Следует критически посмотреть на предусмотренный ч. 2 ст. 6², ч. 2 ст. 7, ч. 2 ст. 8, ч. 5 ст. 9 УПК РСФСР порядок обжалования решений о прекращении уголовного дела. На это обжалование указанные статьи отводят 5 суток, в течение которых заинтересованное лицо вправе обжаловать состоявшееся по делу решение в вышестоящий суд или вышестоящему прокурору. Представляется, что установленный в этих статьях порядок обжалования недостаточно гибок и в полной мере не обеспечивает быстроту реакции на ошибки, допущенные по делам, прекращенным в связи с применением мер административного или общественного воздействия. Более правильным являлся бы такой порядок, в силу которого прокурор, осуществляющий непосредственный надзор за предварительным расследованием, утверждал бы постановление о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям по истечении 5 суток с момента уведомления обвиняемого, потерпевшего и заявителя (на практике утверждение постановления по истечении 5 суток осуществлено по 44% дел). В этом случае жалоба на решение органов расследования о прекращении уголовного дела в связи с применением мер административного или общественного воздействия должна подаваться непосредственно надзирающему прокурору. По истечении 5 суток прокурор должен рассмотреть вопрос об утверждении постановления о прекращении уголовного дела³⁸. Состоявшееся утверждение постановления не должно препятствовать заинтересованному лицу обратиться к вышестоящему прокурору. Предложенный порядок частично нашел отражение в ч. 5 ст. 209 УПК РСФСР, в которой говорится, что постановление о прекращении дела может быть обжаловано прокурору в течение 5 суток с

³⁸ См. также: Матюшин Б. Т., Кальницкий В. В. Прекращение уголовного дела в связи с привлечением лица к административной ответственности.— В кн.: Актуальные проблемы криминализации и декриминализации общественно опасных деяний. Омск, 1980, с. 62.

момента уведомления о прекращении дела. Для устранения противоречий между ч. 2 ст. 6², ч. 2 ст. 7, ч. 2 ст. 8, ч. 5 ст. 9 УПК РСФСР и ч. 5 ст. 209 УПК РСФСР необходимо отредактировать указанные части в соответствии с ч. 5 ст. 209 УПК и с учетом дополнений, предложенных нами выше.

Не последнее место среди вопросов, рассматриваемых в данной главе, занимает вопрос о процессуальной форме, в которую облакается решение вопроса о прекращении уголовных дел в связи с применением мер административного или общественного воздействия. Этой процессуальной формой является постановление о прекращении уголовного дела по указанным основаниям.

Постановление о прекращении уголовного дела в связи с применением мер административного или общественного воздействия должно отражать сущность данного решения как решения, подводящего итог всего предварительного расследования, содержащего вывод о том, что исправление и перевоспитание лица возможно без реализации уголовной ответственности с помощью мер административного или общественного воздействия.

На важность учета взаимодействия содержания и формы указывали классики марксизма-ленинизма. К. Маркс писал: «Форма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания»³⁹. По этому же вопросу у В. И. Ленина имеется высказывание, что «...форма существенна. Сущность сформирована. Так или иначе, в зависимости от сущности...»⁴⁰. Учет вышеприведенных указаний был положен учеными-юристами в основу требований, которым должно отвечать постановление о прекращении⁴¹. Необходимость в этом обусловлена тем, что ст. 209 УПК РСФСР говорит о постановлении о прекращении уголовного дела в общем плане. Все предложения, выработанные в науке по этому вопросу, представляют-

³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 159.

⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 129.

⁴¹ См.: Миньковский Г. М. Окончание предварительного расследования а осуществление права обвиняемого на защиту. М., 1957, с. 32—33, 192—193; Якубович Н. А. Окончание предварительного следствия. М., 1962, с. 123—124; Генчов Э. Освобождение от уголовной ответственности с применением мер административного взыскания. — Сов. юстиция, 1978, № 1, с. 5; Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР/Под ред. А. М. Рекунова, А. К. Орлова. М., 1981, с. 264—265 и др.

ся нам существенными и достаточно аргументированными. Поэтому мы не будем обращаться к их анализу еще раз, но необходимо их суммировать, чтобы показать, каким образом они соблюдаются на практике при прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям.

Итак, к постановлению о прекращении уголовного дела предъявляются следующие требования: 1. Во вводной части постановления приводятся анкетные данные лица, в отношении которого решается вопрос о прекращении уголовного дела, а также указывается статья, по которой лицо привлекалось в качестве обвиняемого. 2. В описательной части постановления приводится фабула инкриминируемого лицу деяния, анализируются данные, устанавливающие факт совершения лицом деяния, и доводы обвиняемого, а также данные, свидетельствующие о возможности исправления и перевоспитания лица с помощью мер административного или общественного воздействия. Анализ доказательств должен сопровождаться ссылками на источники с указанием листов дела. Мотивировка постановления должна свидетельствовать о правильности выбора основания для прекращения. Описательная часть постановления заканчивается ссылкой на нормы материального и процессуального закона, лежащие в основе принимаемого решения. 3. К резолютивной части постановления предъявляется требование полноты, в силу которого в этой части должны быть решены все вопросы по делу, формулируется решение о прекращении уголовного дела по одному из нереабилитирующих оснований. В резолютивной части постановления должны содержаться указания об отмене меры пресечения и ареста на имущество, если они были избраны, о вещественных доказательствах, о порядке обжалования постановления, когда речь идет о применении мер общественного взыскания, пункт, обязывающий общественные организации или коллективы "трудящихся", на рассмотрение которых передаются материалы дела или на поруки которым передается виновный, сообщать следственным органам в установленный законом срок о принятых мерах воздействия. Этим сроком для дел, прекращенных по ст. ст. 7—8 УПК, может быть один месяц с момента пере-

дачи материалов в товарищеский суд⁴² или в комиссию по делам несовершеннолетних. В случае прекращения уголовного дела в связи с передачей виновного на поруки необходимо законодательное установление обязанности периодического извещения общественностью государственных органов, прекративших дело, о поведении лица, переданного на воспитание и исправление.

По делам, прекращаемым в связи с применением мер административного взыскания, в литературе предлагается для облегчения исследования материалов дела в суде прилагать к постановлению о прекращении дела список лиц⁴³, подлежащих вызову в суд, справку о вещественных доказательствах, справку о времени лишения свободы⁴⁴. Для повышения эффективности контроля за соблюдением срока предварительного расследования органами дознания и следствия мы предлагаем указанным органам составлять по данной категории дел также справку о движении уголовного дела.

Постановления о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям на практике далеко не во всех случаях отвечают тем требованиям, которые были изложены выше.

Встречаются постановления (правда, их всего 3%), где отсутствуют анкетные данные лиц, в отношении которых решается вопрос о прекращении уголовного дела. Далеко не во всех постановлениях приводится анализ доказательств, ссылки на материалы с указанием страниц встречались только в 27% постановлений. Среди нарушений требований, предъявляемых к постановлению, обнаружены такие, которые порождают сомнение в обоснованности и законности решения о прекращении уголовного дела по одному из реабилитирующих оснований (например, отсутствие в постановлении мотивировки решения).

⁴² Кузнецова Н. Ф. Освобождение от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд. М., 1964, с. 73.

⁴³ В обзоре судебной практика обращается внимание органов предварительного расследования на необходимость приложения к материалам дела списка лиц, которые могут быть вызваны в суд. См.: Бюллетень Верховного суда СССР, 1981, № 2, с. 30.

⁴⁴ См., напр.: Ларин А. М. Прекращение следователем уголовного дела в связи с привлечением лица к административной ответственности.— В кн.: Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978, с. 66.

Копию постановления о прекращении дела следователь направляет прокурору. Прекращение дела по ст. ст. 6²—9 УПК требует согласия прокурора.

«Постановление о прекращении уголовного дела (подобно приговору суда), — справедливо замечает А. Я. Дубинский, — обладает свойствами общеобязательности, исключительности и непоколебимости... в целях повышения значения постановления о прекращении дела было бы целесообразно установить правило о вступлении этого решения в законную силу»⁴⁵. Соглашаясь с необходимостью повышения авторитета этого процессуального акта, мы присоединяемся к существующему в теории уголовного процесса предложению о необходимости установления твердой гарантии возможности отмены его лишь в течение года после вступления в законную силу⁴⁶.

Результаты исследования, указанные в данной главе, свидетельствуют о том, что существуют большие резервы для дальнейшего совершенствования законодательства и приприменительной деятельности при прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям.

⁴⁵ Дубинский А. Я. Прекращение уголовного дела в стадии дознания и предварительного следствия: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Киев, 1971, с. 10.

⁴⁶ Мотовиловкер Я. О. О некоторых вопросах уголовно-процессуального законодательства. — Сов. государство и право, 1964, № 5, с. 111; Лукашевич В. З. Актуальные вопросы прекращения уголовного дела. — В кн.: Вопросы современного развития советской юридической науки: (Научная конференция, посвященная 50-летию Советского государства и права, 5—7 июня 1968 г.). Л., 1968, с. 114.

Глава III

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНСТИТУТА ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИМ ОСНОВАНИЯМ И ЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ

§ 1. О понятиях эффективности и социальной ценности института прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям

На современном этапе развития советского общества и государства особое внимание уделяется повышению эффективности производительной деятельности. На XXVII съезде КПСС о повышении эффективности говорилось как о главной проблеме, стоящей перед отраслями народного хозяйства¹. Данное указание полностью применимо к деятельности, осуществляемой в рамках уголовного процесса. Она должна быть эффективной.

Необходимость обращения к вопросам теории эффективности применительно к нуждам института прекращения уголовных дел в связи с применением мер административного или общественного воздействия обусловлена тем, что в отношении последнего эффективность подробно не рассматривалась. Но для этого необходимо общетеоретическое осмысление отдельных проблем теории эффективности, ибо, как отмечал В. И. Ленин, «...кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натягаться» на эти общие вопросы»². Обращаясь к вопросам теории эффективности, мы будем подвергать анализу не все вопросы, так как круг их довольно значителен, а только те, непосредственное решение которых имеет значение для разрешения проблем рассматриваемого института. Первое, на чем необходимо остановиться,— это понятие эффективности. Во многих случаях это понятие связывают только с нормой права и,

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 277.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 368.

говоря об эффективности норм права, определяют ее как соотношение между фактически достигнутым результатом и целью³ или еще проще — как достижение целей⁴. Несостоятельность подобного подхода к определению эффективности сразу же бросается в глаза: отношение между достигнутым результатом и целью, или степень достижения цели, может быть критерием или показателем эффективности, но не дает нам самого понятия эффективности. Определяя положительное значение такого подхода к понятию, эффективности, Л. Д. Чулюкин писал: «...такое понимание эффективности правовых норм, хотя и имеет определенные положительные моменты (связывает эффективность с действительностью, результативностью, нацеливает на получение количественных характеристик эффективности правовых норм), однако не раскрывает сущности эффективности правовых норм как важнейшего качественного свойства правовых установлений»⁵. В литературе также отмечалось, что эффективность права в вышеприведенном определении, по сути дела, подменяется другим понятием — эффективностью правоприменения⁶.

³ Самошенко И. С., Никитинский В. И., Некоторые проблемы методологии изучения эффективности правовых норм.— В кн.: Проблемы социологии права. Вильнюс, 1970, вып.1, с. 38—39; Петров И. Н. Экспертная оценка эффективности правовых норм.— В кн.: Проблемы совершенствования советского законодательства. М., 1975, с. 52; Каминская В. И. Методы изучения практики применения уголовно-процессуального закона.— В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. М., 1968, вып. 7, с. 5; Сабанин С. Н. Проблемы повышения эффективности институтов освобождения от уголовной ответственности или наказания: Автореф. дис. канд. юрид. наук. Свердловск, 1981, с. 8; Эффективность правовых норм. М., 1980, с. 22; Наумов А. В., Красиков Ю. А. О понятии правоприменительной эффективности уголовного закона.— Вестн. МГУ. Сер. 11, Право, вып. 2, с. 20 и др.

⁴ Кузнецова Н. В. Проблемы изучения эффективности уголовно-правовых норм и институтов.— В кн.: Эффективность применения уголовного закона. М., 1973, с. 38.

⁵ Чулюкин Л. Д. К вопросу об изучении эффективности уголовно-процессуальных норм.— В кн.: Вопросы эффективности советского уголовного процесса. Казань, 1976, с. 30.

⁶ Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979, с. 177.

Было предложено и другое определение эффективности правовых норм, в силу которого под эффективностью следует понимать способность той или иной нормы или системы норм оказывать благотворное влияние на общественные отношения в определенном, полезном для общества направлении⁷. Причем авторы, предлагающие подобное определение эффективности, делают упор на то, что такое «понимание эффективности правовых установлений предполагает проведение четкой грани между социальной ценностью и эффективностью этих установлений»⁸. На вопросе о том, позволяет ли данное определение отграничить социальную ценность и эффективность норм, мы остановимся ниже. Здесь же следует остановиться на том, что приведенная концепция, как и вышеизложенная, не дает возможности отграничить эффективность нормы от эффективности правоприменения, так как в конечном итоге об эффективности нормы нам предлагают судить по тем изменениям, которые возникают в реальной действительности в результате воздействия на нее норм права⁹.

Стремление преодолеть указанный недостаток породило попытку отдельного рассмотрения эффективности нормы и эффективности ее правоприменения¹⁰. Авторы, представляющие эту концепцию, для определения эффективности закона предлагают два подхода — онтологический и феноменологический¹¹. В соответст-

⁷ См.: Пашков А. С., Чечот Д. М. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления. — Сов. государство и право, 1965, № 8, с. 3; Фаткуллин Ф. Н. Проблемы эффективности советского права. — В кн.: XXIV съезд и проблемы повышения эффективности советского права. Казань, 1973, с. 6.

⁸ Чулюкин Л. Д. К вопросу об изучении эффективности уголовно-процессуальных норм, с. 30.

⁹ Фаткуллин Ф. Н. Актуальные вопросы эффективности советского уголовного процесса. — В кн.: Вопросы эффективности советского уголовного процесса. Казань, 1976. с. 12.

¹⁰ См.: Бойков А. Д. Особенности применения социологических методов в науке советского уголовного процесса. — В кн.: Проблемы социологии права. Вильнюс. 1970, вып. 1, с. 165—166; Кульчар К. Основы социологии права. М., 1981, с. 238—239; Морщакова Т. Г., Петрухин И. Л. Социологические аспекты изучения эффективности правосудия. — В кн.: Право и социология. М., 1973, с. 269.

¹¹ См. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности, с. 181.

вии с первым изучается содержание и структура закона или нормы для того, чтобы определить, в какой степени норма может оказывать регулирующее воздействие на общественные отношения. В соответствии со вторым изучают результаты функционирования нормы, т. е. результат правоприменительной деятельности. «При этом степень приближения фактического результата к цели (или удаление от цели) может быть принята за меру эффективности закона»¹². Под эффективностью же применения или правоприменения закона понимают «степень действительного достижения социально полезной цели, для которой создан закон»¹³.

При феноменологическом подходе невозможно провести отличие эффективности закона от эффективности правоприменения. Остается первый подход. При внимательном анализе получается, что в данном случае норма оценивается с точки зрения ее социальной ценности, тем самым эффективность и социальная ценность нормы растворяются друг в друге¹⁴. После разбора конструкции, предложенной А. М. Лариным, остается только понятие эффективности правоприменения, но содержание его не может быть безоговорочно принято, так как степень достижения цели не дает самого понятия эффективности.

Авторы, доказывающие необходимость различать социальную ценность и эффективность нормы, допускают неточности, принижающие степень значимости такого понимания эффективности норм. Наиболее наглядно это прослеживается в рассуждениях Ф. Н. Фаткуллина, изложенных в работе «Актуальные вопросы эффективности советского уголовного процесса»¹⁵. Под социальной ценностью Ф. Н. Фаткуллин понимает способность правового предписания отражать объективные общественные интересы и содействовать их достижению, а под эффективностью — способность нормы оказывать благотворное воздействие на общественные отношения при данных конкретных социальных условиях.

¹² См. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности, с. 181.

¹³ Там же, с. 213.

¹⁴ Фаткуллин Ф. Н. Актуальные вопросы советского уголовного процесса, с. 9.

¹⁵ См.: Вопросы эффективности советского уголовного процесса. Казань, 1976, с. 3—27.

Если эти определения сравнить, то трудно в них выделить то специфическое, что должно быть присуще социальной ценности и эффективности правовых норм. Ведь если норма соответствует общественным интересам, то уже этим самым она имеет способность оказывать благотворное воздействие на общественные отношения. Да и сам Ф. Н. Фаткуллин, говоря о социальной ценности; пишет, что норма обладает социальной ценностью тогда, когда она не только способна отражать общественные интересы, но и «содействует их достижению».

Можно, конечно, как это предлагается, искусственно разделить способность нормы отражать объективные интересы (социальную ценность) и способность оказывать благотворное воздействие на общественные отношения (эффективность) и предположить, что они могут существовать в определенной мере обособленно. Но тогда в первом случае получится норма — «фикция», отражающая общественный интерес, но не могущая на него воздействовать. Следует подчеркнуть, что норма ценна не сама по себе, а своей способностью воздействовать на общественные отношения. Без этого норма не оказывает влияния на жизнь общества и не представляет для него социальной ценности. Способность правильно отражать общественные интересы и способность воздействовать на них — это двуединое целое, которое можно определить как социальную ценность правовых норм.

Итак, определение эффективности как способности оказывать благотворное воздействие на общественные отношения является определением не эффективности, а одной из сторон, компонента, при участии которого формируется социальная ценность нормы.

Критический разбор существующих точек зрения на эффективность требует определения социальной ценности и эффективности, эффективности нормы и эффективности правоприменительной деятельности.

Норма, обладающая социальной ценностью, немыслима без целевой направленности. Цель может быть сформулирована в отдельной норме, которая исследуется, и выводится из содержания нескольких норм, направленных на достижение одной цели. В последнем случае нормы объединяются в определенную систему.

Сказанное не отрицает того, что каждая норма, входящая в систему, имеет свою цель, но иногда выявление ее представляет определенные трудности.

Применительно к социальной ценности нормы представляется возможным говорить о степенях социальной ценности. От того, насколько полно, непротиворечиво норма отражает общественные интересы, насколько четко ставит социально значимые цели и предусматривает средства для их достижения, зависит определенная степень социальной ценности норм. Если норма недостаточно четко сформулирована, то степень социальной ценности ее невысока; чем четче сформулирована норма, тем выше ее социальная ценность в смысле способности воздействовать на общественные отношения.

Все вышесказанное о социальной ценности нормы характеризует ее с точки зрения потенциальных возможностей. Но тогда может быть употребимо понятие «эффективность правовой нормы», как понятие, отражающее реализацию этой потенции? В таком аспекте выявить эффективность нормы можно только путем исследования процесса реализации ее на практике¹⁶.

На процесс реализации права влияет множество факторов экономического, социального, организационного, личностного характера и т. д. Если попытаться вычленив из процесса реализации то, что связано с нормой права, то мы приходим к тому, откуда начали: в результате такого вычленения у нас останутся показатели, характеризующие саму норму, т. е. то, как она отражает общественные интересы и может регулировать общественные отношения, а то как на самом деле она регулирует эти общественные отношения, зависит от процесса реализации нормы, которая может приближаться к идеалу, заключенному в норме, а может и удаляться от него. В последнем случае речь идет об эффективности правоприменения.

Изложенное позволяет утверждать, что применительно к исследуемой проблеме можно говорить о социальной ценности нормы и об эффективности правоприменительной деятельности как об относительно са-

¹⁶ Как уже подчеркивалось выше, авторы, говорящие об эффективности правовых норм, связывают эффективность с процессом правореализации.

мостоятельных явлениях, что касается понятия «эффективность правовых норм», то для него не остается места.

Говоря о самостоятельном существовании социальной ценности нормы и эффективности правоприменительной деятельности, не следует упускать из виду связь, существующую между ними. Норма, обладающая социальной ценностью, дает масштаб поведения, формулирует цель деятельности. Соотношение между достигнутым результатом и масштабом деятельности показывает эффективность правоприменительной деятельности. Связь проявляется и в том, что социальная ценность нормы предопределяет эффективность правоприменительной деятельности. В этом случае можно говорить, что социальная ценность является условием эффективности правоприменительной деятельности. Эффективность правоприменительной деятельности, в свою очередь, может оказывать обратное влияние на социальную ценность правовой нормы. Эта ситуация возникает в тех случаях, когда в процессе правоприменения выясняется определенная дефектность конструкции нормы, которая не была выявлена при ее теоретическом анализе. Говоря о связи социальной ценности нормы и эффективности правоприменительной деятельности, необходимо видеть и их различие: норма может обладать социальной ценностью, но в силу тех или иных причин не применяется, следовательно, об эффективности правоприменения в этом случае сказать ничего нельзя.

Исследуя понятие социальной ценности нормы, эффективности нормы и эффективности правоприменительной деятельности, мы принимали во внимание только те случаи, когда закон регулирует общественные отношения через деятельность субъектов правоприменения. Непосредственное воздействие закона на общественные отношения (правоприменение) осталось за рамками нашего исследования¹⁷. Подобный подход обусловлен спецификой уголовно-процессуальных отношений, которые существуют только в качестве правовых, опо-

¹⁷ См.: Петрухин И. Л., Батуров Г. П., Моршаконина Т. Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М. 1979, с. 195.

средуясь через деятельность субъектов уголовного процесса¹⁸.

Применительно к вышеназванному аспекту, учитывая все, что было сказано по поводу социальной ценности и эффективности правоприменения, понятие эффективности можно определить следующим образом: эффективность — это понятие, характеризующее основанную на законе деятельность правоприменителя, направленную на достижение социально значимых целей сформулированных в законе.

Данное определение эффективности свободно от недостатков определений, анализированных выше. Во-первых, оно характеризует саму деятельность, результаты же деятельности, направленной на достижение социально значимых целей, могут служить критерием эффективности, но они не включаются в содержание самого понятия.

Во-вторых, оно (это понятие) позволяет четко ограничить понятия социальной ценности и эффективности, определить сферу применения этих понятий, что имеет немаловажное значение при практическом оперировании ими. Выявляя социальную ценность нормы, исследователь должен выяснить, насколько принятие данной нормы обусловлено потребностями общественного развития, правильно ли в норме сформулированы цели и отражают ли они потребности поступательного движения общества, могут ли предусмотренные законодателем способы обеспечить достижение целей. Переходя же к исследованию правоприменительной деятельности, исследователь должен выяснить, насколько полностью реализуется на практике потенция, заложенная в норме, какие факторы способствуют, а какие препятствуют ее реализации, и наметить пути устранения последних.

В-третьих, подобное понимание эффективности не оставляет места для так называемой «негативной эффективности»¹⁹, так как все то, что говорится по ее по-

¹⁸ См.: Галкин Б. А. Советский уголовно-процессуальный закон. М., 1962, с. 109; Элькин П. С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М., 1967, с. 43 и др.

¹⁹ Обоснование ее существования см.: Самощенко И. С., Никитинский В. И. О понятии эффективности правовых норм. — Учен. зап. /ВНИИСЗ, 1969, вып. 18, с. 15; Лазарев В. В. Эффективность правоприменительных актов. Казань, 1975, с. 99.

воду, с нашей точки зрения, относится не к эффективности, а к социальной ценности, сама же постановка вопроса об отрицательной социальной ценности представляется неправомерной.

В-четвертых, данное понятие позволяет разрешить еще одну проблему — проблему «экономичности», определить сферу применения данного понятия, исходя из специфики уголовно-процессуального регулирования²⁰. Представляется, что проблема экономичности применительно к процессуальной норме, регламентирующей содержательную сторону деятельности, ставиться не может, так как с точки зрения экономичности большинство норм уголовно-процессуального закона должно быть пересмотрено, ведь многие из них содержат разветвленную систему гарантий. Но при таком подходе экономичность вступает в коллизию по крайней мере с двумя целями, на достижение которых должны быть направлены процессуальные нормы: гарантировать права и законные интересы участников судопроизводства и оказать воспитательное воздействие. Недостижение или неполное достижение этих целей в силу взаимосвязи всех целей нормы²¹ порождает обоснованное сомнение в том, достигнута ли третья цель — истина по делу.

Следовательно, об экономии процессуальных средств можно говорить тогда, когда из их ряда выбирается одно, которое позволит с наименьшими материальными и духовными затратами достигнуть того же результата, что и при применении нескольких средств, и т. д. Проблема экономичности в стадии правореализа-

²⁰ См.: Бойков А. Д. К изучению эффективности уголовно-процессуального закона. — В кн.: Эффективность применения уголовного закона. М., 1973, с. 173; Чулюкин Л. Д. К вопросу об изучении эффективности уголовно-процессуальных норм, с. 34. Данная точка зрения подверглась, на наш взгляд, вполне справедливой критике. См.: Самошенко И. С., Никитинский В. И., Венгеров А. Б. Об основах методологии и методики измерения эффективности действия правовых норм. — Учен. зап. /ВНИИСЗ, 1971, вып. 25, с. 14—15; Моршакова Т. Г., Петрухин И. Л. Социологические аспекты изучения эффективности правосудия. — В кн.: Право и социология, с. 266; Петрухин И. Л., Батуров Г. П., Моршакова Т. Г. Теоретические основы эффективности правосудия, с. 175—176.

²¹ См.: Лазарев В. В. Эффективность правоприменительных актов, с. 15.

ции тесно связана с проблемой повышения производительности труда следственных и судебных работников.

На практике недостаточно установить, что деятельность субъектов правоприменения эффективна, необходимо знать, насколько она эффективна, что способствует, а что препятствует повышению эффективности деятельности. Для того чтобы выяснить это, данные, полученные на практике, необходимо сопоставить с определенным масштабом. Этим масштабом являются цели норм, сформулированные законодателем. Но не всегда эти цели четко сформулированы в норме, и от того, насколько точно мы их установим, зависит правильность определения критерия эффективности правоприменительной деятельности.

Обращаясь к анализу целей при прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям, мы ставим перед собой задачу выяснения непосредственной цели института прекращения, так как определить эффективность правоприменительной деятельности можно на основе непосредственной, а не конечной цели. Как правильно было замечено И. Л. Петрухиным, «...оценка должна производиться по специфическим целям системы. Наиболее распространенная ошибка состоит в том, что в качестве критериев оценки берутся цели системы более высокого «ранга», на достижение которых влияют вместе с данной и другие подсистемы, при этом «вклад» каждой из них не дифференцируется»²².

Вряд ли можно во всех случаях согласиться с такой трактовкой непосредственной цели, которая была предложена П. С. Элькинд. По ее мысли, «цель уголовно-процессуального права выступает в его конкретных нормах в виде общих и обязательных правил поведения субъектов уголовного судопроизводства»²³. Такое понимание применимо, как представляется, к отдельной норме, когда она сама по себе, без связи с другими, представляет определенный интерес. В этом случае речь идет о юридической цели. В случае же, когда необходимо выяснить цель нескольких норм, входящих в

²² Петрухин И. Л. Системный подход к изучению эффективности правосудия. — Сов. государство и право, 1976, № I, с. 71.

²³ Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976, с. 20.

систему, подобный подход представляется недостаточным. Ведь в этих случаях мало знать, как должны себя вести субъекты в определенных ситуациях, гораздо важнее знать, почему они должны себя так вести, на что направлена их совокупная деятельность. Цели прекращения уголовных дел с применением мер административного и общественного воздействия и будем анализировать в указанном плане.

В литературе общепризнанной считается тесная связь норм материального права и процесса²⁴, подчеркивается единая целевая их направленность. В. И. Каминская пишет, что «задачей уголовного права является не только кара за совершенное преступление, но и предотвращение преступлений в будущем. Этой же предупредительной задаче служит и уголовно-процессуальное право»²⁵. Подобная трактовка правильна и сама по себе не вызывает возражений. В конечном итоге нормы уголовного процесса создают условия для достижения целей уголовного права, и в этом смысле они совпадают. При анализе целей процесса нельзя забывать об этой связи: во всех случаях необходимо соотносить установленные цели процесса с целями материального права для того, чтобы познать, насколько правильно мы установили первое, так как неправильное их установление препятствует достижению материальных целей.

Освобождение от уголовной ответственности с применением мер административного или общественного взыскания допустимо тогда, когда есть основания полагать, что исправления и перевоспитания лица можно добиться без реализации уголовной ответственности с помощью мер административного или общественного воздействия. Цель в этом случае преследуется та же, что и при реализации уголовного наказания, — цель общей и частной превенции, только способы ее достижения иные. Н. Ф. Кузнецова по вопросу о цели уголовного наказания

²⁴ См., напр. Чечот Д. М. Выявление эффективности некоторых гражданско-процессуальных норм с помощью социологических методов. — В кн.: Проблемы социологии права. Вильнюс, 1970, вып. 1, с. 82.

²⁵ Каминская В. И. Теоретические проблемы социальной обусловленности и эффективности уголовного правосудия. — В не-эффективность применения уголовного закона. М., 1973, с. 58.

писала: «Наказание имеет целью предупреждение именно преступлений... Средства ее достижения — угроза уголовным наказанием... Для целей уголовного закона достаточно, если его угроза достигнет общепреventивной цели и преступления не будут совершены»²⁶. Судить о том, достигнуты ли цели наказания, мы можем только по одному — реальному поведению людей после применения уголовного наказания.

Следовательно, в самом общем плане об эффективности уголовно-правового института освобождения от уголовной ответственности с применением мер административного или общественного воздействия можно судить по рецидиву, т. е. по тому, какое число лиц после освобождения от уголовной ответственности вновь совершили преступление. О степени исправления и перевоспитания лица свидетельствует и такой показатель, как совершение лицом после прекращения дела в связи с применением мер административного или общественного воздействия правонарушения, причем не любого, а именно такого, которое отличается от преступления одним — меньшей степенью общественной опасности. Применительно к сказанному следует заметить, что органы предварительного расследования учитывают этот показатель и в том случае, когда вопрос о прекращении уголовного дела в связи с применением мер административного или общественного воздействия в отношении виновного лица решается впервые. Изученные нами материалы практики свидетельствуют, например, о том, что в 18% случаев совершение лицом в прошлом административного правонарушения учитывалось при принятии решения о прекращении уголовного дела в связи с применением мер административного взыскания.

Выделить же цели уголовно-процессуальных норм не всегда так просто, как это можно сделать в отношении норм уголовного права, но это вовсе не значит, что даже сама попытка постановки подобного вопроса в от-

²⁸ Кузнецова Н. Ф. Проблемы изучения эффективности уголовно-правовых норм и институтов. — В кн.: Эффективность применения уголовного закона. М., 1973, с. 48. См. также: Злобин Г. А. О методологии изучения эффективности уголовного наказания в советском уголовном праве и криминологии. — В кн.: Вопросы предупреждения преступности. М., 1965, вып. I, с. 60.

ношении отдельных норм процессуального права является бесплодной²⁷.

В литературе встречаются попытки выделить эффективность норм, регулирующих прекращение дел по нереабилитирующим основаниям, в качестве самостоятельного предмета исследования. Так, например, А. Д. Бойков пишет: «В системе процессуального права есть такие нормы, применение которых коренным образом меняет перспективу расследуемого дела, исключая его дальнейшее движение в обычных рамках процесса. Сюда относятся нормы о прекращении дела по нереабилитирующим основаниям... Совершенно очевидно, что эффективность указанных норм составляет самостоятельный предмет исследования»²⁸. Это представляется автору очевидным в силу того, что в данном случае, как он считает, можно выделить их конкретные материальные цели. Ниже он пишет: «Равным образом возможно изучение эффективности и других, отдельно взятых норм процессуального права, если удастся вычленить их конкретные материальные цели»²⁹. Получается, что в этом случае процессуальные нормы не имеют своей собственной цели.

Если обратиться к ст. ст. 6², 7, 9 УПК РСФСР, говорящих о прекращении уголовных дел в связи с применением мер административного взыскания, в связи с передачей дела в товарищеский суд и передачей лица на поруки, то данный вывод найдет в них подтверждение. В них речь идет о праве органов при установлении оснований, предусмотренных в ст. ст. 50¹, 51, 52 УК РСФСР, прекратить уголовное дело, т. е. названные статьи УПК РСФСР о целях данного вида прекращения ничего не говорят, а отсылают нас к нормам материального права, которые, в свою очередь, отсылают нас к ст. 50 УК РСФСР, регулирующей общие вопросы освобождения от уголовной ответственности и наказания по нереабилитирующим основаниям. Из анализа ч. 3 ст. 50 УК РСФСР вытекает, как это уже отмечалось раньше, что целью, которая преследуется при ос-

²⁷ Каминская В. И. Методы изучения практики применения уголовно-процессуального закона (часть первая), с. 5.

²⁸ Бойков А. Д. К изучению эффективности уголовно-процессуального закона, с. 167.

²⁹ Там же.

вобождении от уголовной ответственности и наказания, является исправление и перевоспитание виновного без реализации уголовной ответственности и наказания. Является ли указанная цель также целью норм, регламентирующих прекращение уголовных дел с применением мер административного или общественного воздействия? Безусловно, нормы уголовного процесса должны способствовать достижению материальных целей, создавать для этого условия. Но ответить на этот вопрос утвердительно — значит лишить нормы уголовного процесса своего собственного содержания, забыть, что в данном случае принятию решения о прекращении предшествует целый комплекс действий, регламентированных законом, забыть о том, что норма, говорящая о прекращении, является итоговой.

Применение же итоговых норм возможно тогда, когда будут достигнуты цели, поставленные перед системой, в данном случае перед системой норм, предшествующих принятию решения о прекращении уголовных дел в связи с применением мер административного или общественного воздействия. Подходя таким образом к определению целей норм, регламентирующих прекращение уголовных дел в связи с применением мер административного или общественного воздействия, цели этих норм можно выделить при анализе ст. 2 Основ уголовного судопроизводства (ст. 2 УПК РСФСР). Анализ этой статьи авторами, исследующими вопрос об эффективности уголовного судопроизводства, позволил им выделить три основные, взаимосвязанные между собой цели правосудия. Этими целями являются: 1) установление истины по делу, правильная квалификация и определение справедливого наказания; 2) охрана прав граждан, участвующих в уголовном процессе; 3) воспитательное воздействие уголовного судопроизводства на граждан³⁰. Причем в литературе отмечалось, что

³⁰ См.: Анашкин Г. З., Петрухин И. Л. Эффективность правосудия и судебные ошибки. — Сов. государство и право, 1968, № 8, с. 59; Моршаква Т. Г., Петрухин И. Л. Социологические аспекты изучения эффективности правосудия, с. 253—254; Алексеева Л. Б., Михайловская И. Б. Показатели эффективности уголовного судопроизводства и некоторые вопросы оценки работы судебных органов. — Вопросы борьбы с преступностью. М., 1976, с. 43 и др.

цели, указанные в ч. 1 ст. 2 Основ уголовного судопроизводства, являются общими для всех органов уголовного судопроизводства (следователя, прокуратуры, суда)³¹

Данное указание позволяет нам подойти к определению целей прекращения при освобождении от уголовной ответственности с применением мер административного или общественного воздействия. Естественно, не все, что было сказано применительно к целям правосудия, может быть отнесено к целям при прекращении уголовных дел по рассматриваемым основаниям. Но, безусловно, к этим целям можно отнести следующие: достоверное установление всей совокупности обстоятельств, позволяющих сделать вывод о возможности прекращения уголовного дела; охрана прав граждан, участвующих в уголовном процессе, причем не только тех, в отношении которых решается вопрос о прекращении, но и тех, которые попадают в сферу деятельности правоохранительных органов как до прекращения уголовного дела, так и в связи с прекращением; оказание воспитательного воздействия на граждан, ведь процесс ценен не только как средство установления преступления и преступника, но и как фактор воспитательного воздействия; быстрота расследования³², в том числе при прекращении уголовных дел в связи с применением мер административного или общественного воздействия.

Итак, статьи, регулирующие прекращение уголовных дел в связи с применением мер административного или общественного воздействия, содержат масштаб целей. Об эффективности прекращения в данном случае можно говорить только тогда, когда деятельность органов предварительного расследования направлена на достижение этих целей. Достижение целей уголовного процесса при прекращении уголовного дела создает благоприятные условия для достижения цели материальной нормы — исправления и перевоспитания прес-

³¹ См.: Петрухна И. Л., Батуров Г. П., Моршаконина Т. Г. Теоретические основы эффективности правосудия, с. 57.

³² Михайлов А. И. Проблемы эффективности предварительного следствия. — В кн.: Эффективность применения уголовного закона. М., 1973, с. 186.

тупника без реализации уголовной ответственности с помощью мер административного или общественного воздействия.

§ 2. Правовая регламентация прекращения уголовных дел в связи с применением мер административного взыскания

Условием эффективности правоприменительной деятельности при прекращении уголовных дел в связи с применением мер административного взыскания является социальная ценность норм, регламентирующих эту деятельность. Одна из сторон социальной ценности института прекращения уголовных дел с применением мер административного взыскания — обусловленность принятия института потребностями общественного развития, способность его правильно отражать общественные интересы.

Понять какое-нибудь явление, в том числе и правовое, можно в результате уяснения причин, его вызвавших.

В настоящее время теория и практика борьбы с преступностью накопили достаточно большой арсенал средств, направленных на достижение исправления и перевоспитания лиц, совершивших преступления, без реализации уголовной ответственности и наказания. Подобное стало возможным в связи с достижениями в развитии экономической основы Советского государства, с привлечением общественности к борьбе с правонарушениями. Опыт, накопленный при исправлении и перевоспитании правонарушителей без реализации уголовной ответственности и наказания, обусловил необходимость поиска дополнительных средств воздействия на этих лиц с учетом их индивидуальных качеств.

При введении нового института законодателем учитывался опыт, накопленный с момента вступления в действие институтов прекращения уголовных дел в связи с применением мер общественного воздействия, в основе которых также была заложена идея возможности достижения исправления и перевоспитания лица, совершившего преступление, без реализации уголовной ответственности.

Конструируя институт прекращения уголовных дел в связи с применением мер административного воздействия, законодатель не пошел на свертывание стадии предварительного расследования. Наоборот, предусмотрено, что в некоторых случаях дела до решения вопроса о прекращении в связи с применением мер административного воздействия полностью проходят стадию предварительного расследования и прекращаются в распорядительном или судебном заседании³³. При прекращении уголовного дела на стадии предварительного расследования упрощение достигается не за счет данной стадии, а за счет иных стадий, которые заменяются рассмотрением материалов прекращенного дела в административном порядке. В этом и заключается, на наш взгляд, воля законодателя, исходящего из принципиальной возможности достижения истины на стадии предварительного расследования и нецелесообразности проводить лицо через процедуру судебного заседания в том случае, когда его исправление возможно в результате применения мер административного взыскания, если он не возражает против прекращения уголовного дела по этому основанию в стадии предварительного расследования.

В плане исследования второй стороны социальной ценности института прекращения уголовных дел в связи с применением мер административного воздействия — способности норм, регламентирующих данный вид прекращения, воздействовать на общественные отношения, первое, на что стоит обратить внимание, это то, каким образом институт, являющийся предметом исследования, обозначен в действующем законодательстве.

Во втором параграфе главы первой мы уже обращали внимание на непоследовательность законодателя в обозначении этого института, когда в одном месте говорится о прекращении в связи с привлечением к ад-

³³ Следует согласиться с мнением А. Колесникова о том, что «...по смыслу закона такие дела должны прекращаться, как правило, следователями и органами дознания и с согласия прокурора направляться в суд для применения мер административного взыскания» (см.: Колесников А. Прокурорский надзор за законностью освобождения от уголовной ответственности с привлечением к административной. — Соц. законность, 1978, № 7, с. 63).

министративной ответственности, в другом — о прекращении в связи с применением мер административного взыскания. Многие авторы относятся совершенно индифферентно к данной непоследовательности в законе и оперируют понятиями «освобождение (или прекращение) с привлечением к административной ответственности» и «освобождение (или прекращение) в связи с применением мер административного взыскания» как совершенно равнозначными³⁴.

В отличие от них В. А. Кирин применительно к данному случаю последовательно пишет о том, что уголовная ответственность заменяется административной³⁵, и хотя он пользуется термином «применение мер административного воздействия»³⁶, но при его понимании ответственности здесь нет терминологической путаницы, так как в понятие ответственности этот автор включает и наказание, понимаемое как высшая точка «напряженности осуществления государственного принуждения в форме уголовной ответственности». Хотя в данном случае речь идет о соотношении уголовной ответственности и уголовного наказания, представляется, что автор подобное понимание переносит на соотношение административной ответственности и административного наказания. При нашем понимании соотношения уголовной ответственности и наказания, признании за ними относительно самостоятельного значения подобная трактовка вопроса представляется неверной.

Вопрос будет разрешен, если говорить не об освобождении от уголовной ответственности с привлечением к административной, а об освобождении от уголовной ответственности (или прекращении уголовного дела) в связи с применением мер административного взыскания, т. е. в этом случае речь идет о том, что виновное лицо освобождается от реализации уголовной ответственности с применением к нему для достижения

³⁴ См., напр.: Колесников А. Прокурорский надзор за законностью освобождения от уголовной ответственности с привлечением к административной, с. 64; Шейнин К. Б. Точно исполнять новое законодательство о борьбе с преступностью. — Сов. государство и право, 1977, № 8, с. 91—92 и др.

³⁵ Кирин В. А. Законодательство о борьбе с преступностью: отрасли и их взаимосвязь. М. 1978, с. 188—191.

³⁶ Там же, с. 165.

целей исправления и перевоспитания мер административного воздействия. Основанием для применения этих мер служит установление состояния уголовной ответственности и вывод, что исправление и перевоспитание лица возможно без реализации уголовной ответственности с помощью мер административного взыскания³⁷.

Доводом против возможности замены одного вида ответственности другим служит и ч. 3 ст. 50 УК РСФСР, где говорится, что лицо может быть освобождено от уголовной ответственности, «если будет признано, что его исправление и перевоспитание возможно без применения уголовного наказания». Если логически продолжить эту мысль, то получится «без применения уголовного наказания, с помощью мер воздействия иного характера». Так оно и есть на самом деле, если помнить о том, каким способом законодатель надеется достичь исправления и перевоспитания при освобождении от уголовной ответственности.

В качестве иллюстрации сказанного можно предложить следующие схемы. Если обычный порядок расследования и судебного рассмотрения дел можно представить следующим образом: деяние — предварительное расследование и судебное разбирательство — установление состояния уголовной ответственности — реализация уголовной ответственности + наказание, то — схема при прекращении уголовного дела с применением мер административного взыскания будет выглядеть так; деяние — предварительное расследование — установление состояния уголовной ответственности и обстоятельств, позволяющих предположить, что лицо исправится без реализации уголовной ответственности + меры административного взыскания. Эти схемы наглядно показывают отличие обычного порядка от прекращения в связи с применением мер административного взыскания. Из второй схемы видно, что при прекращении уголовных

³⁷ В науке административного права основанием для применения мер административного воздействия наряду с совершением административного правонарушения признается и преступление, не представляющее большой общественной опасности. См.: Ключниченко А. П. Меры административного принуждения, применяемые милицией. (Особенности. Классификация. Системовыражение). Киев: 1979, с. 41; Советское административное право./ Под ред. П. Т. Василенкова. М., 1981, с. 179—180 и др.

дел с применением мер административного взыскания нет ни теоретической, ни практической возможности доказать, что в этих случаях происходит замена уголовной ответственности административной.

Итак, для устранения ничем не оправданной терминологической путаницы в законодательном обозначении института предлагается во все нормы, говорящие об освобождении от уголовной ответственности с применением мер административного взыскания вместо термина «с привлечением к административной ответственности» ввести законодательным путем термин «в связи с применением мер административного взыскания».

На основе Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 февраля 1977 г. «О внесении дополнений и изменений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик»³⁸, которыми были дополнены Основы ст. 5¹, и Указа Президиума Верховного Совета СССР того же числа «О порядке применения мер административного взыскания к лицам, освобожденным от уголовной ответственности в соответствии со ст. 43 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик»³⁹, в союзных республиках был определен порядок освобождения лица от уголовной ответственности и применения к нему мер административного взыскания. Причем в разных республиках это было сделано неодинаково. При обращении к законодательству союзных республик в той части, где регулируется данный вопрос, можно выделить несколько основных способов регламентации прекращения уголовного дела в связи с применением мер административного взыскания. При первом способе нормы, говорящие о порядке применения мер административного взыскания к лицам, в отношении которых уголовные дела прекращены, вынесены за рамки уголовно-процессуальных кодексов и регулируются отдельными указами. Так, например, поступил законодатель РСФСР, приняв И марта 1977 г. Указ «О внесении дополнений и изменений в уголовно-процессуальный кодекс РСФСР»⁴⁰ и Указ «О порядке применения мер административного

³⁸ См.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1977, № 7, ст. 120.

³⁹ См.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1977, № 7, ст. 117.

⁴⁰ См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1977, № 12, ст. 255.

взыскания к лицам, освобожденным от уголовной ответственности в соответствии со ст. 50¹ Уголовного кодекса РСФСР»⁴¹. Аналогичным образом поступили законодатели Украинской ССР, Таджикской ССР, Киргизской ССР, Армянской ССР, Грузинской ССР, Туркменской ССР, Азербайджанской ССР.

В соответствии со вторым способом в уголовно-процессуальные кодексы, кроме норм, регулирующих порядок прекращения уголовных дел в связи с применением мер административного взыскания, введены специальные разделы (главы), содержащие нормы, регулирующие порядок применения мер административного взыскания к лицам, освобожденным от уголовной ответственности. Такое закрепление норм применено в Белорусской ССР, Молдавской ССР, Литовской ССР, Казахской ССР, Узбекской ССР, Латвийской ССР. Существует и третий способ решения этого вопроса, примененный в Эстонской ССР. Он близок ко второму, так как нормы, регулирующие порядок прекращения уголовных дел в связи с применением мер административного взыскания и порядок применения этих мер, включены в уголовно-процессуальный кодекс. Разница же между ними только в способе включения этих норм: в Уголовно-процессуальном кодексе Эстонской ССР нет специального раздела, регламентирующего порядок применения мер административного взыскания. Нормы, говорящие об этом порядке, помещены в ст. 5² УПК Эстонской ССР, которая получила название «Прекращение уголовных дел с привлечением лица к административной ответственности».

Столь разные способы законодательной регламентации, как представляется, не могут быть объяснены национальными особенностями союзных республик. Почему же в отдельных союзных республиках сочли возможным включить в УПК специальные разделы, говорящие о порядке применения мер административного взыскания к лицам, освобожденным от уголовной ответственности, поместив их, как правило, в конец кодексов, после разделов, регламентирующих производство по применению принудительных мер медицинского характера и ускоренное производство? Вероятно, в

⁴¹ См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1977, № 12, ст. 256.

этих республиках исходили из близости указанных выше производств. Близость здесь может предполагаться только в одном — в выводе, что производство по применению мер административного взыскания и производство по делам о хулиганстве и мелком хищении государственного или общественного имущества и т. д. являются ускоренными производствами, понимаемыми как такие, которым присущи изъятия из общего порядка в виде сжатых сроков, отсутствия отдельных стадий, наличия упрощенной процессуальной формы. Для признания производства ускоренным достаточно и одного признака. На первый взгляд прекращение в связи с применением мер административного взыскания можно отнести к ускоренному производству хотя бы по двум признакам: отсутствие отдельных стадий и упрощение процессуальной формы.

На самом же деле между производством в связи с применением мер административного взыскания, с одной стороны, и ускоренным производством, с другой, нет ничего общего. Нет ничего общего между производством в связи с применением мер административного взыскания и производством по применению принудительных мер медицинского характера. Выделение норм, регламентирующих производство по применению принудительных мер медицинского характера, обусловлено психической характеристикой лица, совершившего преступление, влекущей особый подход к нему и особые последствия. При прекращении в связи с применением мер административного взыскания таких особенностей нет.

Не может быть признано это производство ускоренным и по признаку отсутствия отдельных стадий. Авторы, отстаивающие правомерность ускоренного производства, пишут, что «... в советском уголовном процессе при применении ускоренного судопроизводства изъятия из общего правила должны затрагивать досудебные стадии процесса. В стадии судебного разбирательства, думается, недопустимы такие изъятия»⁴². Это высказывание приводилось на тот случай, если бы были хоть

⁴² Аширов Р. Д. Институт ускоренного производства как средство повышения эффективности советского уголовного процесса.— В кн.: Вопросы эффективности советского уголовного процесса. Казань, 1976, с. 72.

какие-то основания признать этот порядок ускоренным, но в данном случае этого основания нет и быть не может, так как речь идет о производстве по делу, прекращенному на основании ст. 6² УПК РСФСР (и соответствующих статей УПК союзных республик) в уголовно-процессуальном порядке, а при прекращении уголовных дел прекращаются все уголовные и уголовно-процессуальные отношения⁴³.

Все, что следует за доставлением органа дознания, следователя, прокурора, судьи или определением суда о прекращении уголовного дела в связи с применением мер административного взыскания, выходит за рамки уголовно-правового и уголовно-процессуального регулирования, поскольку относится к административной деятельности по наложению мер административного взыскания. Поэтому мы не можем ограничиться утверждением, что «...процедура рассмотрения судьей вопроса о применении за такого рода деяния мер административного взыскания... очень близка к административному процессу»⁴⁴. Она не просто очень близка, она и есть административный процесс. Забвение этого ведет к тому, что авторы, анализирующие законодательство даже тех республик, где порядок применения мер административного взыскания не включен в уголовно-процессуальный кодекс, рассматривают порядок прекращения уголовного дела наряду с порядком применения мер административного взыскания⁴⁵ и даже распространяют отдельные элементы уголовно-процессуальной процедуры на порядок рассмотрения материалов о применении мер административного взыскания, говоря о том, что «порядок допроса свидетелей производится по правилам уголовно-процессуального закона, и они предупреждаются об уголовной ответственности за отказ и

⁴³ См.: Чугаев А. П. Малозначительные преступления и товарищеский суд, с. 27; Чечина Н. А., Элькин П. С. Проблемы правосудия развитого социалистического общества. — В кн.: Государство и право развитого социализма в СССР. Л., 1977, с. 319 и др.

⁴⁴ Дружинина В. Ф. О разграничении преступления и административного проступка, с. 131.

⁴⁵ См.: Советский уголовный процесс: Учебник /Под ред. Л. М. Карнеевой, П. А. Лупинской, И. В. Тыричева. М. 1980, с. 524—528.

дачу заведомо ложных показаний»⁴⁶. Приведенная точка зрения не находит подтверждения на практике⁴⁷.

Подобный подход, как видим, приводит к аморфности уголовно-процессуального законодательства, к размыванию его границ. Поэтому нам представляется необходимым в силу указанных причин вывести из уголовно-процессуальных кодексов разделы, говорящие о порядке применения мер административного взыскания к лицам, в отношении которых уголовные дела прекращены. Следовательно, мы признаем наиболее правильным первый способ законодательной регламентации данного вопроса. Причину появления второго способа мы видим в том, что Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 февраля 1977 г. «О порядке применения мер административного взыскания к лицам, освобожденным от уголовной ответственности в соответствии со ст. 43 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» носит комплексный характер: регулируя в основном административный порядок рассмотрения материалов прекращенного дела, этот Указ содержит ст. 1, регулирующие процессуальные вопросы прекращения уголовных дел в связи с применением мер административного взыскания.

В. Н. Шпилеву принадлежит утверждение, что «...установление оснований уголовной ответственности и оснований освобождения от этой ответственности с привлечением к административной осуществляется по общим правилам возбуждения, предварительного расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел без каких-либо изъятий»⁴⁸. Можно было бы полностью присоединиться к этому высказыванию, если бы оно было прямо основано на законе, но ни в УПК РСФСР, ни в УПК других союзных республик такое правило четко не закреплено. Правило же, закрепленное в

⁴⁶ Там же, с. 527.

⁴⁷ Ни в одном деле, изученном нами, не встретилось предупреждения свидетелей об уголовной ответственности за отказ от дачи и за дачу заведомо ложных показаний при рассмотрении материалов прекращенного дела в связи с применением мер административного взыскания. .

⁴⁸ Шпилев В. Н. Порядок применения мер административного взыскания к лицам, освобожденным от уголовной ответственности.—В кн.: Уголовный процесс БССР /Под ред. С. П. Бекешко, С. А. Матвиенко. Минск, 1979, с. 536—537.

ст. 407 УПК БССР, а также в аналогичных статьях УПК других союзных республик, говорит не о порядке, предшествующем принятию решения о прекращении уголовного дела, а о порядке производства по применению мер административного взыскания, который определяется общими правилами Кодекса, а также правилами главы 36 УПК БССР.

Почва для приведенного выше утверждения безусловно существует. Конструируя данный институт, законодатель, по нашему мнению, исходил из необходимости более тщательно, по сравнению с иными видами прекращения, в связи с применением мер общественно-го воздействия, гарантировать защиту законных интересов лица, совершившего преступление⁴⁹.

В ст. 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 февраля 1977 г. лицо, в отношении которого применяются меры административного взыскания в связи с освобождением от уголовной ответственности, названо виновным. Причем совершенно ясно, что виновность лица должна быть установлена в стадии предварительного расследования до прекращения дела по этому основанию. Этот вывод косвенно вытекает из того, что в ст. 4 этого Указа судье предоставлено право не согласиться с решением следователя о прекращении уголовного дела и вынести постановление об отказе в применении мер административного взыскания ввиду необоснованности прекращения дела органом дознания, следователем, прокурором.

Указание на то, что прекращение уголовного дела по этому основанию возможно при установлении виновности лица, позволило Пленуму Верховного Суда СССР в постановлении № 8 от 7 сентября 1978 г. «О практике применения судами мер административного взыскания к лицам, освобожденным от уголовной ответственности в соответствии со ст. 43 Основ уголовного зако-

⁴⁹ Кроме указанных в литературе, были названы и другие причины, вызвавшие к жизни данный институт. См.: Гусева С. С. Освобождение от уголовной ответственности с применением мер административного взыскания. — В кн.: Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978, с. 68; Шпилев В. Н. Указ. соч., с. 536 и др.

нодательства Союза ССР и союзных республик»⁵⁰ отметить среди ошибок, допускаемых судьями, принятие решений о наложении взысканий по материалам, по которым органами дознания или предварительного следствия допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона. Уголовно-процессуальное законодательство в общих чертах дает в ст. 345 УПК РСФСР определение существенных нарушений. Под ними следует понимать «такие нарушения требований статей настоящего Кодекса, которые путем лишения или стеснения гарантированных законом прав участников процесса при рассмотрении дела или иным путем помешали суду всесторонне разобрать дело и повлияли или могли повлиять на постановление законного и обоснованного приговора». Представляется, что это определение носит общий характер, несмотря на то, что дано применительно к кассационному производству.

В науке уголовного процесса на основе анализа законодательства и судебной практики выработаны критерии определения существенных нарушений, указанных в ст. 345 УПК РСФСР⁵¹. Среди них ведущее место занимает такое нарушение, как непредъявление постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Постановление Пленума Верховного Суда СССР с позиций уголовно-процессуального законодательства уточняет соответствующее место Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 февраля 1977 г., говоря уже не просто о виновном (так как в это слово можно вкладывать разный смысл), а о лице, в отношении которого у органов предварительного расследования имеются доказательства, говорящие о его виновности в совершении преступления, а эти доказательства закреплены в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого.

Данное положение для устранения разночтений необходимо четко сформулировать в законодательстве, распространив его на все другие виды прекращения уголовных дел по реабилитирующим основаниям.

⁵⁰ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1978, № 5, с. 6—10.

⁵¹ См.: Гальперин И. М., Лукашевич В. З. Предание суду по советскому уголовно-процессуальному праву. М., 1965, с. 66—71.

§ 3. Вопросы правовой регламентации и применения института прекращения уголовных дел в связи с применением мер общественного воздействия

Эффективность правоприменительной деятельности при прекращении уголовных дел по ст.ст. 7—9 УПК РСФСР в первую очередь зависит от социальной ценности рассматриваемых норм.

В работе уже были затронуты вопросы возникновения института прекращения уголовных дел с применением мер общественного воздействия. Обусловленность принятия правовых норм потребностями общественного развития — одна из сторон социальной ценности сложившегося института. Другой ее стороной является способность норм, закрепленных в ст.ст. 7—9 УПК РСФСР, воздействовать на общественные отношения. В этой связи прежде всего необходимо рассмотреть вопросы, связанные с законодательной регламентацией института прекращения уголовных дел с применением мер общественного воздействия. С этой позиции любая процессуальная норма должна обеспечиваться четким построением правовых требований, полно и всесторонне охватывающим порядок ее реализации.

Другим моментом, определяющим способность норм, регламентирующих прекращение уголовных дел по реабилитирующим основаниям, воздействовать на общественные отношения, является наличие гарантии прав и законных интересов участников уголовного процесса. К этим гарантиям относятся согласие прокурора на прекращение производства по делу, право на обжалование постановления о прекращении уголовного дела, право требовать рассмотрения дела в суде, право возражать против прекращения дела по этому основанию. Одновременно исследование социальной ценности норм, регламентирующих прекращение уголовных дел с этой точки зрения, явится предпосылкой к анализу правоприменительной деятельности органов предварительного расследования, позволит выяснить, насколько полно реализуются на практике потенциальные возможности института, заложенные в его правовых требованиях.

Поскольку социальная ценность нормы может быть выявлена в действии, представляется необходимым рас-

смотреть вопросы, связанные с правоотношениями, возникающими при применении уголовно-процессуальных норм, регулирующих прекращение уголовных дел в связи с применением мер общественного воздействия. Эта необходимость вытекает из того, что только анализ практической реализации прав и обязанностей участников правоотношений по поводу прекращения дела даст возможность обнаружить ценностные характеристики норм, составляющих содержание исследуемого института.

Реализация права следователя прекратить уголовное дело по одному из рассматриваемых оснований возможна лишь при наличии согласия прокурора на окончание производства по делу в стадии предварительного расследования. При этом взаимоотношения следователя и прокурора строятся, как известно, на общих требованиях ст.ст. 212 и 127 УПК РСФСР. Право следователя принять решение о прекращении производства по делу обусловлено его процессуальной самостоятельностью и свободой внутреннего убеждения. В соответствии со ст. 127 УПК РСФСР при производстве предварительного расследования все решения о направлении следствия и производства следственных действий следователь принимает самостоятельно, за исключением случаев, предусмотренных законом, и несет полную ответственность за их законное и своевременное проведение. Требование предварительного согласия прокурора на прекращение дела по ст.ст. 7—9 УПК не означает, что следователь, вопреки сложившемуся убеждению о перспективе производства по делу, должен поступать в соответствии с указаниями прокурора. Право следователя отстаивать собственное мнение обеспечивается возможностью обращения в вышестоящую инстанцию с письменным изложением своих возражений. С другой стороны, прекращение уголовного дела по рассматриваемым основаниям не реабилитирует правонарушителя. Это обстоятельство диктует необходимость существования дополнительной гарантии обоснованности решения вопроса о прекращении дела в виде согласия прокурора. Поэтому представляется несостоятельным предложение В. В. Шимановского о предоставлении следователю права прекращать уголовные дела по ст.ст. 7—9 УПК РСФСР без согласия прокурора толь-

ко потому, «что по общему правилу при прекращении уголовных дел согласия или утверждения прокурора не требуется»⁵².

В регулировании отношений между следователем и прокурором по поводу прекращения уголовных дел по рассматриваемым основаниям, таким образом, применяются не только конкретные предписания ст.ст. 7—9 УПК РСФСР, но и другие нормы уголовно-процессуального права, регулирующие взаимоотношения указанных лиц в уголовном процессе. Результатом правового регулирования конкретных отношений между следователем и прокурором по поводу прекращения дела с применением мер общественного воздействия может быть отказ прокурора дать согласие на окончание производства в форме прекращения дела. В этом случае правоотношения между данными участниками процесса прекратятся, едва возникнув, если следователь не воспользуется правами, предоставленными ему ч. 2 ст. 127 УПК РСФСР. Отказ следователя прекратить уголовное дело по указанию прокурора может также повлечь последствия, предусмотренные ч. 2 ст. 127 УПК РСФСР.

Обобщение практики показало, что в этой части законодательная регламентация прекращения дел по основаниям, предусмотренным ст.ст. 7—9 УПК, безупречна. Требование получения согласия прокурора на прекращение дела является твердой гарантией законности и обоснованности принимаемого решения. При изучении следственной практики был обнаружен случай, когда следователь в рапорте на имя районного прокурора выразил свое несогласие с его указанием о переквалификации преступления и о прекращении производства по этому делу. Дело было изъято из ведения следователя, переквалифицировано и прекращено прокурором района. Следователь не воспользовался правами, предоставленными ст. 127 УПК РСФСР.

Правоотношения по поводу прекращения уголовного дела по одному из нереабилитирующих оснований

⁵² Шимановский В. В. Правовое положение следователя в советском уголовном процессе: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Л., 1966, с. 13.

между следователем и лицом, которое может быть освобождено от уголовной ответственности, возникают, по общему правилу, в результате реализации прав и выполнения обязанностей рассматриваемыми участниками уголовного процесса. Следователь, имея право прекратить уголовное дело, обязан вместе с тем расследовать его в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, неукоснительно соблюдать права обвиняемого. В свою очередь, на правонарушителя, в отношении которого прекращается производство по делу, возлагается обязанность не нарушать требования уголовно-процессуального закона: своевременно являться по вызову следователя, не препятствовать установлению истины по делу.

Права обвиняемого предусмотрены ст. 46 УПК РСФСР и являются общими для всех лиц, привлеченных к уголовной ответственности в качестве таковых. Вместе с тем уголовно-процессуальное законодательство предусматривает ряд дополнительных прав лица, освобожденного от уголовной ответственности: право быть уведомленным о прекращении уголовного дела (ст. ст. 7, 8 УПК РСФСР), право на обжалование постановления о прекращении уголовного дела (ст. ст. 7—9 УПК РСФСР), право требовать рассмотрения дела в суде. До прекращения уголовного дела лицу должны быть разъяснены сущность деяния, содержащего признаки преступления, основание освобождения от уголовной ответственности и право возражать против прекращения дела по этому основанию (ч. 2 ст. 6¹ УПК РСФСР).

Вопросы, связанные с охраной прав и законных интересов личности обвиняемого при прекращении уголовных дел, были рассмотрены нами во второй главе. В частности, подчеркивалось, что права обвиняемого могут быть реализованы достаточно полно лишь при условии, если правонарушитель знает о том, что вменяется ему в вину, т. е. только с привлечением лица в качестве обвиняемого и разъяснения ему всех прав, предоставляемых законом. Со всей остротой встает эта проблема при прекращении дел в отношении подростков с передачей их на рассмотрение в комиссию по делам несовершеннолетних в связи с тем, что несовершенно-

нолетние, как показывает практика, неправильно уясняют свои права.

Сопоставление двух вариантов производства при прекращении дел по нереабилитирующим основаниям (с привлечением лица в качестве обвиняемого и без такового) позволило определить, что полное и достоверное установление всех обстоятельств дела, обеспечение прав граждан, в отношении которых прекращается дело, а также достижение цели воспитательного воздействия находятся в количественной и качественной зависимости от того, привлекалось ли лицо в качестве обвиняемого или нет⁵³. Следовательно, более эффективное достижение перечисленных целей при прекращении производства в стадии предварительного расследования в связи с применением мер общественного воздействия возможно при условии четкого построения правовых требований, полно и всесторонне охватывающих порядок реализации норм права. Изучение следственной практики и интервьюирование следователей показали, что правильность применения статьи уголовно-процессуального закона тем безупречнее, чем точнее, детализированнее она сформулирована. Так, по мнению некоторых следователей, привлечение лица в качестве обвиняемого при прекращении дел по нереабилитирующим основаниям необязательно, поскольку закон не дает прямых указаний на этот счет⁵⁴.

Реализация взаимных прав и обязанностей следователя и потерпевшего при прекращении дела порождает новый круг правоотношений. Гражданин, признанный в установленном законом порядке потерпевшим от преступления, согласно ст. 53 УПК РСФСР имеет право представлять доказательства, заявлять ходатайства, знакомиться с материалами дела с момента окончания предварительного следствия и т. д. Комплекс прав, перечисленных в ст. 53 УПК РСФСР, дополняется при

⁵³ См. гл. II настоящей работы.

⁵⁴ Справедливо высказывание авторов научно-практического комментария к УПК РСФСР о том, что освобождение от уголовной ответственности до предъявления и допроса лиц в качестве обвиняемых «не всегда обеспечивает право на защиту, а также полностью исследования обстоятельств, имеющих значение для дела» (см.: Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР /Под ред. А. М. Рекункова, А. К. Орлова. М., 1981, с. 16.

реализации норм, содержащихся в ст.ст. 7-9 УПК РСФСР, рядом других: следователь обязан уведомлять потерпевшего (и его представителя) о прекращении уголовного дела, потерпевший наделяется правом обжалования постановления следователя вышестоящему прокурору в течение 5 суток с момента уведомления о прекращении производства по делу.

Не вполне понятна позиция законодательства, включившего Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 августа 1983 г. в ст.ст. 6², 8, 9 УПК РСФСР в число лиц, пользующихся наряду с потерпевшим правом на уведомление о прекращении дела и обжалование решения о прекращении производства по делу, представителя потерпевшего, но не внесшего дополнения в этом плане в ст. 7 УПК РСФСР. С большей определенностью можно сказать о несоответствии между новой редакцией этих статей УПК РСФСР ч. 3 ст. 209 УПК РСФСР, где указанные права предоставлены только потерпевшему. В данном случае речь идет о том, что положения ст. 209 носят общий характер и относятся ко всем основаниям прекращения уголовных дел.

Отношения между следователем и законным представителем при прекращении дела по ст. 8 УПК РСФСР не отличаются в правовом режиме от регламентируемых законом отношений по поводу прекращения производства в стадии предварительного расследования между следователем и потерпевшим, за исключением одного момента: ст. 209 УПК РСФСР, устанавливая порядок прекращения уголовных дел, умалчивает о законном представителе как участнике уголовного процесса. Ст. 398 УПК РСФСР наделяет законного представителя при окончании предварительного следствия с направлением дела в суд правом на ознакомление с материалами уголовного дела, если это не идет в ущерб интересам несовершеннолетнего. Но этим правом законный представитель не пользуется при прекращении дела по ст. 8 УПК РСФСР в стадии предварительного расследования. Такое положение явно не соответствует обеспечению прав и законных интересов несовершеннолетнего. Внесение в законодательство корректив, дополняющих права законного представителя, соответствовало бы общей тенденции развития советского уголовно-процессуального законодательства в направле-

нии дальнейшей гуманизации в борьбе с преступностью несовершеннолетних.

Прекращение уголовных дел с применением мер общественного воздействия влечет возникновение правоотношений между следователем как представителем государственного органа, внесшего решение о прекращении производства по уголовному делу, и общественностью в лице товарищеских судов, комиссий по делам несовершеннолетних и трудовых коллективов, берущих правонарушителя на поруки. Точнее было бы говорить здесь о правоотношениях между следственными органами и общественностью, поскольку по поводу прекращения уголовных дел по рассматриваемым основаниям возникают отношения не только между следователем и общественностью, но и между прокурором и общественными организациями или трудовыми коллективами.

Из названия ст. 7 УПК РСФСР и содержания ст. 8 УПК РСФСР явствует, что в товарищеский суд и в комиссию по делам несовершеннолетних должно быть направлено уголовное дело. Пункт 4 ст. 8 Положения о товарищеских судах РСФСР говорит о материалах уголовного дела, переданных прокурором. Между тем на практике в товарищеский суд и в комиссию по делам несовершеннолетних направляются лишь копии постановлений о прекращении уголовных дел, иногда с препроводительным письмом — уведомлением о том, что с материалами уголовного дела можно ознакомиться в прокуратуре. Представляется, что практикой выработано наиболее целесообразное правило, поскольку направление всего уголовного дела в общественные организации сопряжено со сложностями его пересылки, с возможной утратой процессуальных документов⁵⁵. Направление же отдельных материалов дела, как предлагается в теории уголовного и уголовно-процессуального права⁵⁶, связано с большой затратой времени сле-

⁵⁵ См.: Якубович Н. А. Окончание предварительного следствия. М., 1962, с. 121; Гуткин И. Передача дела в товарищеский суд, — Сов. милиция, 1963, № 3, с. 31—32.

⁵⁶ См.: Куцова Э. Ф. Организация и порядок деятельности товарищеских судов. — В кн.: Советское государство и общественность в условиях развернутого строительства коммунизма. М., 1961, с. 383; Кузнецова Н. Ф. Освобождение от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд. М., 1964, с. 21.

дователя и невозможностью всегда точно определить, какие конкретные материалы дела могут оказаться необходимыми для товарищеского суда или комиссии по делам несовершеннолетних. Закрепление в процессуальном законе требования передачи в указанные организации постановления о прекращении уголовного дела с уведомлением о возможности ознакомиться со всеми материалами дела непосредственно в органе, прекратившем дело, явилось бы рациональной мерой, направленной на решение рассматриваемого вопроса, отражающей существующее на практике положение.

При прекращении уголовных дел по ст. 9 УПК РСФСР коллективу, общественной организации, берущим правонарушителя на поруки, не высылаются ни материалы уголовных дел, ни копии постановлений о прекращении уголовного дела. Это положение может быть частично объяснено тем, что принятию общественной организацией или трудовым коллективом решения ходатайствовать о передаче правонарушителя на поруки, предшествует сообщение коллективу о совершенном им деянии, содержащем признаки преступления. Не предусмотрено законодательством и уведомление общественной организации или трудового коллектива, товарищеских судов и комиссий по делам несовершеннолетних о прекращении уголовного дела. Однако практикой выработана форма уведомления общественности об удовлетворении ее ходатайства (при прекращении уголовного дела по ст. 9 УПК) и о прекращении дела с передачей его материалов в товарищеский суд или в комиссию по делам несовершеннолетних. В письмах-уведомлениях, направляемых следственными органами общественности, иногда содержатся указания на необходимость сообщить вышеуказанным органам о принятом товарищеским судом или комиссией по делам несовершеннолетних решении в отношении правонарушителя, освобожденного от уголовной ответственности. При направлении такого письма в коллектив, взявший виновного на поруки, следователь в некоторых случаях обращает внимание поручителя на обязанность информировать следственные органы о поведении лица, переданного на поруки. Законодательное закрепление этой формы уведомления решило бы, по нашему мнению,

одновременно несколько нерешенных процессуальных проблем.

Во-первых, практика настоятельно диктует необходимость решения в законодательном порядке вопроса об обязанности товарищеских судов и комиссий по делам несовершеннолетних сообщать органу, прекратившему уголовное дело, о мерах, принятых в отношении лица, освобожденного от уголовной ответственности. Это позволит установить, как отмечает Н. Ф. Кузнецова, необходимый контакт между общественностью и органами прокуратуры и осуществлять постоянный контроль за деятельностью товарищеских судов⁵⁷ и комиссий по делам несовершеннолетних. В связи с этим целесообразно было бы закрепить в законодательстве положение, согласно которому следователь, в обязательном порядке уведомляя товарищеские суды, комиссии по делам несовершеннолетних о прекращении производства по делу, указывал бы в уведомлении на их обязанность информировать следственные органы о принятии решения в отношении лиц, освобожденных от уголовной ответственности в течение месячного срока.

Согласно ст. 12 Положения о товарищеских судах РСФСР в отношении лица, уклоняющегося от явки в товарищеский суд, материалы дела возвращаются органу, прекратившему уголовное дело, для принятия необходимых мер. Ст. 17 Положения предусматривает возможность передачи материалов дела в прокуратуру, если товарищеский суд придет к убеждению в необходимости привлечения лица к уголовной ответственности. Применительно к лицу, привлеченному к товарищескому суду по материалам, поступившим из прокуратуры, это означает право товарищеского суда возвратить материалы уголовного дела в орган, из которого они поступили. Закон не регламентирует вопроса о том, обязаны ли следственные органы в каждом конкретном случае принимать возвращенные товарищеским судом материалы для привлечения правонарушителя к уголовной ответственности, представляется, однако, что речь идет именно об обязанности. Иное повлекло бы

⁵⁷ Кузнецова Н. Ф. Освобождение от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд, с. 73.

неправомерные споры о дальнейшей судьбе уголовного дела.

Правом передачи дела в следственные органы наделена и комиссия по делам несовершеннолетних (п. «г» ст. 35 Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних). Более сложные отношения складываются между следственными органами и общественными организациями либо трудовыми коллективами, берущими лицо на поруки. Решение вопроса о поручительстве ставится в зависимость от наличия ходатайства общественности о передаче правонарушителя на поруки. Следователь имеет право отклонить ходатайство, если найдет, что личность не может быть исправлена мерами общественного воздействия. Например, ст. 11 УПК Украинской ССР прямо предусматривает порядок отказа в передаче на поруки, отмечая, что отказ оформляется мотивированным постановлением. В правовой литературе уже высказывалось предложение о целесообразности закрепления этого правила в законодательстве других союзных республик⁵⁸.

Если лицо, взятое на поруки, в течение года не оправдало доверия коллектива, нарушило свое обещание исправиться и не подчиняется правилам социалистического общежития или оставило работу с целью уклонения от общественного воздействия, общественная организация или трудовой коллектив, взявшие его на поруки, выносят решение об отказе от поручительства. Решение об отказе от поручительства направляется в орган, прекративший уголовное дело, для рассмотрения вопроса об уголовной ответственности правонарушителя.

В правовой литературе отказ от поручительства рассматривается одними авторами в качестве права общественной организации или трудового коллектива⁵⁹, дру-

⁵⁸ См.: Мендельсон Г. А. Передача на поруки лиц, совершивших преступления, не представляющие большой общественной опасности. М., 1963, с. 65.

⁵⁹ См.: Клочков В. Виды общественного поручительства и отказ от поручительства. — Вопросы криминалистики, 1961, № 1—2, с. 125; Гальперин И. М., Полозков Ф. А. Участие общественности в советском уголовном процессе. М., 1961, с. 63.

гимн — в качестве обязанности⁶⁰. Ни ст. 9 УПК РСФСР, ни ст. 52 УК РСФСР не содержат четкого указания на то, является ли отказ от поручительства правом или обязанностью коллектива, взявшего правонарушителя на поруки. Трудно, на наш взгляд, говорить здесь о существовании обязанности, поскольку общественность-поручитель в каждом конкретном случае решает этот вопрос самостоятельно, без вмешательства государственных органов. Разумеется, присутствие представителя прокуратуры (или иного следственного органа) при принятии решения об отказе от поручительства, разъяснение им существа и значения принимаемого решения необходимы, но какое-либо давление на мнение общественности было бы неправомерным. С другой стороны, возобновление уголовного дела не может быть поставлено в зависимость от мнения общественности⁶¹, поэтому следовало бы предусмотреть в законе право следственных органов на возможность принятия такого решения и при отсутствии отказа от поручительства, если поведение лица, освобожденного от уголовной ответственности, свидетельствует о его нежелании исправляться.

Нет единодушия среди ученых и в толковании законодательного положения о том, что уголовное дело может быть возобновлено в случае отказа от поручительства. Так, Г. А. Мендельсон⁶², В. Клочков⁶³, Ю. Иванов⁶⁴ считают, что отказ от поручительства не является во всех случаях обязательным для прокурора. В противовес вышеприведенной точке зрения Г. Б. Виттенберг считает, что отказ от поручительства обязателен

⁶⁰ См.: Мендельсон Г. А. Передача на поруки..., с. 81; Иванов Ю. Возобновление уголовного дела, прекращенного в связи с передачей виновного на поруки. — Сов. юстиция, 1968, № 10, с. 9; Виттенберг Г. Б. Отказ общественности от поручительства и его последствия. — Сов. юстиция, 1969, № 9, с. 7.

⁶¹ См.: Иванов Ю. Возобновление уголовного дела, прекращенного в связи с передачей виновного на поруки. — Сов. юстиция, 1968, № 10, с. 9; Виттенберг Г. Б. Вопросы освобождения..., ч. 2, с. 90.

⁶² Мендельсон Г. А. Передачи на поруки..., с. 84.

⁶³ Клочков В. Виды общественного поручительства и отказ от поручительства. — Вопросы криминалистики, 1961, № 1—2, с. 125.

⁶⁴ Иванов Ю. Возобновление уголовного дела, прекращенного в связи с передачей виновного на поруки. — Сов. юстиция, 1968, № 10, с. 9.

для прокурора⁶⁵. Наиболее убедительной представляется позиция первых авторов. Возобновлению уголовного дела должна предшествовать тщательная проверка обоснованности отказа от поручительства. Однако глубоко ошибочным является утверждение Ю. Иванова, что в том случае, «если общественная организация не соглашается пересмотреть свое решение об отказе, а возобновлять производство по делу нецелесообразно» выносится постановление или определение о прекращении дела по другим основаниям, например, по основаниям, предусмотренным ст. 6 УПК РСФСР»⁶⁶ Прекращение уголовного дела по иным основаниям возможно лишь тогда, когда эти основания будут действительно иметь место, прекращение производства по делу при отсутствии таковых, лишь потому, что общественность отказывается от поручительства — нарушение уголовно-процессуального закона.

Недостаточно четкое законодательное разрешение вопросов порядка отказа от поручительства привело к тому, что отказ от поручительства практически не применяется (об этом свидетельствуют данные обследования практики и опрос работников прокуратуры). По данным Г. Б. Виттенберга, трудовые коллективы, взявшие правонарушителей на поруки, иногда не знают о праве отказа от поручительства, «очень немногие оказались компетентными в вопросах содержания этого права и самого порядка отказа»⁶⁷.

Право отказа от поручительства разъясняется общественности следователем, прокурором, присутствующими, как правило, на общем собрании коллектива, где принимается решение о принятии лица на поруки и выносится ходатайство о передаче на поруки. Однако данные следственной практики свидетельствуют о том, что лишь в 67% случаев следователи принимают участие в подобного рода собраниях.

Иногда общественным организациям или трудовым коллективам, возбудившим ходатайство о передаче

⁶⁵ Виттенберг Г. Б. Вопросы освобождения..., ч. 2, с. 86.

⁶⁶ См.: Иванов Ю. Возобновление уголовного дела... — Сов. ЮСТИЦИЯ, 1968, № 10, с. 9. Критику этого положения см. также: Келина С. Г. Указ. соч., с. 94.

⁶⁷ Виттенберг Г. Б. Отказ от поручительства и его последствия. — Сов. юстиция, 1969, № 9, с. 7.

правонарушителя на поруки, высылается уведомление о прекращении уголовного дела, в котором содержится пункт, разъясняющий право отказа от поручительства. Но законодательство не обязывает следственные органы уведомлять поручителя о прекращении уголовного дела. Было бы целесообразным закрепить в законодательном порядке обязанность уведомления общественных организации и трудовых коллективов об удовлетворении ходатайства и о прекращении производства по делу с одновременным разъяснением общественности права отказа от поручительства. Таким образом, вопрос об ознакомлении коллектива, осуществляющего исправление и перевоспитание правонарушителей, с правом отказа от поручительства был бы решен не только «в плане правовой пропаганды»⁶⁸, но и в законодательном порядке. Представляется необходимой и законодательная регламентация порядка отказа от поручительства с учетом форм, выработанных практикой⁶⁹, по примеру уголовно-процессуального законодательства Эстонской ССР (ст. 10 УПК Эстонской ССР).

Не явится ли законодательная регламентация порядка отказа от поручительства вмешательством в сферу общественной деятельности по исправлению и перевоспитанию правонарушителя, освобожденного от уголовной ответственности, ограничением этой деятельности? Думается, что нет. Ст. 10 УПК Эстонской ССР предусматривает, что решение об отказе от поручительства принимается общим собранием общественной организации или трудового коллектива, осуществляющих поручительство. Речь, следовательно, идет не о регламентации процедуры принятия решения об отказе от поручительства, а лишь о закреплении внешней формы, в которой должно проходить принятие решения. При этом не было бы лишним указанием на обязательность присутствия на собрании общественности представителя прокуратуры (следователя), его участие имело бы

⁶⁸ См.: Там же.

⁶⁹ См.: Клочков В. В. Виды общественного поручительства и отказ от поручительства. — Вопросы криминалистики, 1961, № 1—2, с. 125; Иванов Ю. Возобновление уголовного дела, прекращенного в связи с передачей виновного на поруки. — Сов. юстиция, 1968, № 10, с. 8.

важное значение с точки зрения получения следственными органами необходимой информации.

В основу выводов о достижении цели воспитательного воздействия при применении норм, содержащихся в ст.ст. 7—9 УПК, с точки зрения достижения конечного результата условно положен критерий несовершенства лицом, освобожденным от уголовной ответственности, нового преступления, поскольку исправление и перевоспитание в полном значении этих понятий находятся за рамками уголовного процесса.

Воспитание человека — процесс длительный и сложный. Небольшая общественная опасность правонарушителя дает основания полагать, что процесс перевоспитания будет успешно завершён при наличии благоприятных условий, окружающих личность, при воздействии на нее комплекса воспитательных мер, направленных на устранение ее антиобщественной установки.

Проведенное выборочное обследование 120 правонарушителей, освобожденных от уголовной ответственности по ст.ст. 7—9 УПК РСФСР, показало, что в целом уголовные дела по рассматриваемым основаниям прекращаются обоснованно. По данным обследования, из числа лиц, в отношении которых уголовные дела были прекращены по ст.ст. 7—9 УПК, вновь совершили преступления 10%; из них 9% — из числа лиц, освобожденных от уголовной ответственности с передачей материалов дела в товарищеский суд, 14% — с передачей в комиссию по делам несовершеннолетних, 3% — переданных на поруки. Таким образом, большую долю вновь вступивших на путь правонарушений составляют несовершеннолетние.

Подтверждением последнего вывода служат и результаты интервьюирования и анкетирования следователей прокуратуры. Из 100 опрошенных 68% отметили, что прекращение уголовных дел по ст. 8 УПК не всегда достигает цели.

По данным лаборатории по изучению причин преступности при Харьковском юридическом институте, несмотря на применение воспитательных мер к несовершеннолетним, освобожденным от уголовной ответственности по ст.ст. 8—10 УПК Украинской ССР (с передачей материалов дела в товарищеский суд, в комиссию по делам несовершеннолетних и с передачей виновного

на поруки), к моменту обследования более 20% несовершеннолетних не стали на путь исправления и перевоспитания⁷⁰.

Причины подобного положения кроются, во-первых, в недостатках следственной работы. Не всегда личность подростка, совершившего преступление, изучается полно и всесторонне. Встречаются случаи некритического подхода к характеристикам несовершеннолетних, полученным по запросам следственных органов с места учебы, работы подростка.

Другим обстоятельством, объясняющим недостижение в некоторых случаях цели, преследуемой при прекращении уголовных дел по ст. 8 УПК, являются недостатки изучения причин и условий, способствующих совершению преступлений, и способов фиксации подобного рода сведений. Расследуя уголовное дело, следователь накапливает большую информацию об условиях жизни и воспитания несовершеннолетних правонарушителей (такая информация содержится в 89% дел, прекращенных по ст. 8 УПК), источником ее являются показания свидетелей, потерпевших, обвиняемых, законных представителей, характеристики с места учебы, работы подростка, с места жительства, ответы комиссий по делам несовершеннолетних, детских комнат милиции, посланные на запросы следственных органов. Однако в постановлениях о прекращении уголовных дел (нередко единственным документе, поступающем в комиссию по делам несовершеннолетних) эти сведения отсутствуют. Необходимость информации о личности подростка и об условиях его жизни и воспитания для комиссий по делам несовершеннолетних очевидна. Постановление о прекращении уголовного дела содержит лишь минимум необходимых сведений о личности. Процессуальное назначение этого документа строго очерчено и не позволяет включать в него обширную информацию о личности правонарушителя.

Выходом из создавшегося положения явилась бы, с одной стороны, обязательность присутствия на заседании комиссии по делам несовершеннолетних представителя следственного органа. В настоящее время вопрос

⁷⁰ См.: Сенчин А. Изучение эффективности воспитательных мер. — Соц. законность, 1971, № 8, с. 35—36.

этот не решен ни уголовно-процессуальным законодательством, ни Положением о комиссиях по делам несовершеннолетних, хотя практика идет по этому пути. С другой стороны, необходимые сведения о личности несовершеннолетнего могли бы быть сконцентрированы в специальном Документе-анкете. Предложения о ее создании были предметом недавнего обсуждения в теории уголовного и уголовно-процессуального права⁷¹. В настоящее время на основании ведомственных указаний МВД, Прокуратуры и председателей Верховных судов союзных республик на каждого несовершеннолетнего правонарушителя следователями заполняется справка-характеристика. Справка включает в себя 17 пунктов и содержит достаточную первичную информацию о личности несовершеннолетнего, обвиняемого в совершении преступления. Изучение материалов уголовных дел, прекращенных по ст. 8 УПК, не дало ни одного примера заполнения подобного рода справки. Это объясняется, вероятно, тем, что в отношении несовершеннолетних, освобождаемых от уголовной ответственности по ст. 8 УПК, не выносятся постановления о привлечении в качестве обвиняемого, и отпадением необходимости передавать уголовное дело в суд.

Данные, содержащиеся в справке-характеристике, позволили бы комиссии по делам несовершеннолетних обратить внимание на отдельные свойства личности подростков, на слабо исследованные обстоятельства его жизни и условия воспитания, позволили бы в каждом конкретном случае дифференцированно подходить к назначению мер общественного воздействия. На необходимость дифференциации мер, применяемых общественными организациями, обращает внимание и Г. Б. Виттенберг⁷².

Третьим недостатком, порождающим неудовлетворительное состояние дел в сфере предупреждения преступности среди подростков, освобожденных от уголовной ответственности, является плохо организованный

⁷¹ Лейкина Н. С. Уголовная ответственность и личность преступника. — Л., 1968, с. 128; Коршик М. Г., Степичев С. С. Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии. М., 1969, с. 56.

⁷² См.: Виттенберг Г. Б. Эффективность мер общественно-го воздействия. — Сов. юстиция, 1967, № 10, с. 11.

контроль за несовершеннолетними, освобожденными от уголовной ответственности. Поставленная цель может быть достигнута лишь при условии осуществления контроля за поведением несовершеннолетних правонарушителей⁷³.

В целом анализ состояния контроля за освобожденными от уголовной ответственности по ч. 4 ст. 10; ст.ст. 51, 52 УК (ст.ст. 7—9 УПК) показал, что контроль за их поведением после прекращения уголовного дела осуществляется несистематически. Ни уголовно-процессуальное законодательство, ни Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и о товарищеских судах РСФСР не предусматривают ни форм, ни методов этого контроля и не решают вопросов обеспечения проверки исполнения решений общественности о применении к правонарушителям мер общественного воздействия⁷⁴.

Отсутствие четко налаженного учета за освобожденными от уголовной ответственности приводит к тому, что эти лица, увольняясь с места работы, остаются, по существу, безнаказанными. По данным, опубликованным в печати, 25% лиц, переданных на поруки, покидают коллектив, поручившийся за них⁷⁵.

Проведенной в Ленинграде проверкой 100 лиц, переданных на поруки, установлено, что 5 человек ушло из коллективов, осуществлявших их исправление и перевоспитание⁷⁶. Обследование, которое провел Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, показало, что 2% лиц, освобожденных с передачей материалов дела в товари-

⁷³ См.: Сенчин А. Изучение эффективности воспитательных мер. — Соц. законность, 1971, № 8, с. 35—36; Устинова В. В., Яковлев Е. Т. Некоторые результаты изучения эффективности: применения принудительных мер воспитательного характера. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. М., 1969. вып. 9, с. 151.

⁷⁴ См. также: Фениксов М. Контроль за исполнением решений товарищеских судов. — Сов. юстиция, 1969, № 11, с. 23.

⁷⁵ Виттенберг Г. Б. Эффективность мер общественного воздействия. — Сов. юстиция, 1967, № 10, с. 11.

⁷⁶ Алексеев Н. С., Лукашевич В. З. Некоторые процессуальные вопросы передачи на поруки. — Учен. зап. ВЮЗИ, 1964, вып. 14, с. 69.

щеский суд, уволились до рассмотрения дела в товарищеском суде⁷⁷.

Таким образом, исследование социальной ценности норм, содержащихся в ст.ст. 7—9 УПК, показало, что цели, преследуемые при решении о прекращении дела в стадии предварительного расследования, достигаются путем применения комплекса средств как уголовно-процессуального, так и непроцессуального характера. Результат правового регулирования отношений по поводу прекращения уголовных дел по ст.ст. 7—9 УПК как основной показатель достижения поставленных целей может быть оценен положительно. Однако более высокая степень эффективности применения рассматриваемого института может быть достигнута при условии дальнейшего совершенствования законодательства в направлении усиления гарантий уголовного судопроизводства, прав и гарантий личности, а также совершенствования практики применения норм, содержащихся в ст.ст.7—9 УПК.

⁷⁷ Кригер В. Предупреждение правонарушений — основная задача товарищеских судов. — Сов. юстиция, 1967, № 9, с. 11.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
ГЛАВА I. Материально-правовые и процессуальные аспекты прекращения уголовных дел по реабилитирующим основаниям (ст.ст. 6²—9 УПК РСФСР).	
§ 1. Материально-правовые предпосылки прекращения уголовных дел по реабилитирующим основаниям	6
§ 2. О характере деяния при прекращении уголовных дел по реабилитирующим основаниям	26
§ 3. Понятие прекращения уголовных дел по реабилитирующим основаниям	37
§ 4. Критерии разграничения оснований прекращения уголовных дел в связи с применением мер административного или общественного воздействия	52
ГЛАВА II. Процессуальный порядок прекращения уголовных дел по реабилитирующим основаниям.	75
ГЛАВА III. Некоторые вопросы эффективности применения института прекращения уголовных дел по реабилитирующим основаниям и его законодательная регламентация.	
§ 1. О понятиях эффективности и социальной ценности института прекращения уголовных дел по реабилитирующим основаниям	109
§ 2. Правовая регламентация прекращения уголовных дел в связи с применением мер административного взыскания.	124
§ 3. Вопросы правовой регламентации и применения института прекращения уголовных дел в связи с применением мер общественного воздействия	135

**Анатолий Сергеевич Барабаш
Людмила Мильтоновна Володина**

**ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ
ПО НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИМ ОСНОВАНИЯМ
В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ
(ст.ст. 6²—9 УПК РСФСР)**

ИБ 1900

Редактор Т. В. Зелёва
Технический редактор Г. Н. Гридина
Корректор Т. В. Зибарева

Сдано в набор 10.02.80 г. Подписано к печати 11.09.86 г. К303670.
Формат 84X108¹/32. Бумага типографская № 3. Гарнитура Литературная. Печать высокая. Печ. л. 4,75. Усл. печ. л. 7,98. Уч.-изд. л. 8,4.
Тираж 500 экз. Заказ 170. Цена 1 р. 30 к.

Издательство ТГУ, 634029, Томск, ул. Никитина, 4.
Тип. «Красн, рабочий», г. Красноярск, пр. Мира, 91.